

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

◆ КРАСНАЯ РЕЧКА И БУРАНА ◆

(Материалы и исследования
Киргизской археологической экспедиции)

ФРУНЗЕ «ИЛИМ» 1989

К 78 КРАСНАЯ РЕЧКА И БУРАНА / АН КиргССР, Ин-т истории. — Ф.: Илим, 1989. — 184 с.: илл., табл.
ISBN 5-8355-0358-X

В сборник входят статьи-отчеты и исследования археологов, работавших на городищах Бурана и Красная Речка в 1978—1983 гг., отчеты о раскопках П. Н. Кожемяко 1961—1963 гг., а также очерки по нумизматике и эпиграфике карлукского и караханидского периодов истории Киргизии, исследования по исторической топографии средневековых городов, их материальной и духовной культуре. Книга снабжена иллюстрациями.

Рассчитана на археологов, историков, краеведов, преподавателей высшей и средней школы.

*Утверждено к печати
Ученым советом Института истории
и принято РИСО
АН Киргизской ССР*

Рецензенты: д-р ист. наук Т. К. Ходжайов
д-р ист. наук Б. Я. Ставиский
канд. ист. наук Р. Х. Сулейманов

Редакционная коллегия: профессор В. А. Лившиц,
чл.-корр. АН КиргССР В. М. Плоских,
канд. ист. наук В. Д. Горячева

ISBN 5-8355-0358-X

© Издательство «Илим», 1989 г.

◆ ПРЕДИСЛОВИЕ ◆

Изучение истории и культуры средневекового города — одна из важнейших проблем исторической науки Киргизстана. Многогранные аспекты ее требуют комплексного подхода к исследованию городских поселений и находящихся вблизи их памятников оседло-земледельческой цивилизации, организации широкомасштабных археологических раскопок с последующим кропотливым анализом и обобщением накопленных материалов.

Следует также учитывать, что крупные городища, сохранившие до наших дней остатки древней архитектуры и городской планировки, являются яркими демонстрационными объектами и должны служить благородным целям культурно-просветительской и воспитательной работы в массах. Научные данные о древних городах — ценный источник для знакомства широких слоев населения с культурным наследием киргизского народа, историческими связями с культурами других народов, для патристического и интернационального воспитания масс, разоблачения измышлений буржуазной пропаганды, искажающей взаимоотношения прошлого и настоящего в культуре народов Киргизстана.

Согласно решениям правительства Киргизской ССР (1976 г.) и Научного совета АН СССР по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана (1977 г.), городища у с. Красная Речка (Иссык-Атинский район) и Бурана (Чуйский район) определены как объекты массового туризма и просветительской деятельности в республике. На территории городища Бурана функционирует музей под открытым небом.

Оба памятника расположены в восточной части Чуйской долины. Краснореченское городище относится к начальным этапам сложения раннесредневекового города на территории Северной Киргизии, Буранинское — к эпохе расцвета и упадка здесь оседло-земледельческой культуры. Изучение этих памятников позволяет восстановить картину развития городской жизни, реконструировать многие детали, характерные для процессов урбанизации в северо-восточной части Средней Азии.

Развалины Бураны, благодаря наличию средневекового минарета, привлекали внимание ученых-востоковедов и местных краеведов еще в дореволюционное время. В конце XIX в. в разных частях городища Бурана были проведены археологические разведки и раскопки и сделаны первые попытки осмысления полученных материалов (Ф. В. Поляков, Н. М. Ядринцев, В. Д. Городецкий, В. П. Ровнягин, В. М. Флоринский, Н. Н. Пантусов, А. М. Фетисов). Большой резонанс вызвали находки и чтение эпиграфических памятников Бураны: сирийско-несторианских надгробных камней (Д. А. Хвольсон, П. К. Коковцев, С. С. Слупский) и арабских надписей на кайраках (В. К. Трутовский). Разнообразные сведения из арабских, персидских и тюркских источников о Буране

и других городах Семиречья ввели в науку В. В. Бартольд, побывавший здесь в 1893 г., и Н. Ф. Петровский.

В 1925—1927 гг. на Буране проводят исследования сотрудники Средазкомстариса: обследуется и частично реставрируется минарет (Б. П. Денике, М. М. Логинов), изучается топография поселения собирается археологический и публикуется нумизматический материал (М. Е. Массон). В 1929 г. городище исследует А. И. Тереножкин, в 1937 г. — Б. М. Зима.

В следующее двадцатилетие большой вклад в изучение памятников Чуйской долины, в том числе городищ Бурана и Краснореченское, внесли сотрудники Семиреченской археологической экспедиции под руководством А. Н. Бернштама и Чуйского отряда Киргизской археолого-этнографической экспедиции (Л. Р. Кызласов, П. Н. Кожемяко). В результате была выработана общая схема развития семиреченского города, выявлена местная специфика топографической структуры городищ. Археологические стационарные исследования на Красной Речке были продолжены П. Н. Кожемяко в 1961—1963 гг. и 1972 г.

На Буранинском городище, в связи с подготовкой минарета к реставрации, широкие по площади раскопки проводились в 1970—1974 гг. (Д. Ф. Винник, В. Д. Горячева); были выявлены остатки трех монументальных мавзолеев XI—XII вв. и вскрыта планировка большого дома в усадьбе. Параллельно с раскопками велись реставрационные работы на минарете и в мавзолеях (В. Е. Нусов, Б. В. Помаскин).

Археологическое изучение Бураны продолжалось в 1976—1983 гг. (Д. Ф. Винник, В. П. Мокрынин, Б. Э. Аманбаева, Л. М. Ведутова, М. Кубатбеков). В результате было обнаружено несколько жилых зданий, культовых сооружений и производственных мастерских, собран богатый вещественный материал. Тщательно изучались эпиграфические и нумизматические находки с городища (Б. Д. Кочнев, В. Н. Настич, М. Н. Федоров).

Стационарные раскопки на Краснореченском городище возобновлены в 1978 г. Они проводятся совместным отрядом Института истории АН Киргизской ССР и Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова АН Казахской ССР, входящим в состав Киргизской историко-археологической экспедиции (В. Д. Горячева, К. М. Байпаков). В работах участвуют также сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации Министерства культуры СССР (А. Д. Дорофеев, Н. А. Ковалева), преподаватели и студенты Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина, Фрунзенского политехнического института, учащиеся школ г. Фрунзе и краснореченской средней школы.

Настоящий сборник отражает главным образом итоги изучения городищ Красная Речка и Бурана в период с 1978 по 1983 г. Представилось целесообразным включить в сборник неопубликовавшиеся и частично использовавшиеся в научной литературе отчеты П. Н. Кожемяко о полевых работах на Красной Речке в 1961 г. и 1962—1963 гг.

Среди авторов статей — непосредственные участники работ на городищах, а также специалисты по различным отраслям исторических знаний, привлекавшие в своих исследованиях обнаруженные экспедициями памятники. Такой состав авторов отразился на характере публикуемых работ: в одних случаях это анализ и обобщение результатов полевых исследований, в других — исследования по эпиграфике и нумизматике, выходящие за рамки материалов Красной Речки и Бураны.

Авторы благодарят всех, кто участвовал в обсуждении сборника и своими замечаниями помог его подготовке. Следующий выпуск тематического сборника предполагается посвятить результатам работ экспедиции в 1984—1988 гг.

Рукописи отчетов хранятся в фондах Отделения общественных наук АН Киргизской ССР (инв. № 5114) и Института истории АН Киргизской ССР (инв. № 699); при подготовке к печати тексты отчетов подверглись лишь незначительной стилистической правке. Материалы отчетов были частично опубликованы (*Кожемяко П. Н.* Раскопки жилищ горожан X—XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. — Фрунзе: Илим, 1967. С. 53—90).

При полиграфическом воспроизводстве сборника по техническим причинам оказалось невозможным снабдить транскрипционную передачу восточных терминов и выражений в статьях Б. Д. Кочнева и В. Н. Настича диакритическими знаками, точно отражающими их фонематические характеристики. Поэтому в указанных статьях дается упрощенная (приблизительная) транскрипция.

М. И. Новиков
Издатель
Ленинград
1961 г.

0787

О ПОДЪЕМЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ
В КРАСНОРЕЧЕНСКОМ ГОРОДИЩЕ
8 1961 г.

◆ КРАСНОРЕЧЕНСКОЕ ГОРОДИЩЕ ◆

◆
ОТЧЕТ

**О ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТАХ
НА КРАСНОРЕЧЕНСКОМ ГОРОДИЩЕ
В 1961 Г.**
◆

Развалины древних городов и поселений Чуйской долины изучались в той или иной мере еще до 1958 г. На городищах Краснореченское и Ак-Бешим проводились стационарные раскопки, открывшие ремесленные мастерские, замковые сооружения, буддийские храмы, христианскую церковь и др. Было осуществлено сплошное обследование всех известных городищ долины по внешним данным, со стратиграфическими разрезами значительной их части. Эти работы ввели в научный обиход многочисленные и важные данные о размерах, общей топографической структуре и стратиграфии культурных наслоений, об отдельных постройках и монументальных сооружениях городов и поселений.

В настоящее время в исследовании средневековых городов на очереди стоят вопросы их внутренней жизни. Для накопления материалов, которые позволили бы ставить и решать эти вопросы, необходимы долготелние и обширные по объему стационарные работы. Стационарное изучение городищ представляется нам как систематическое накопление данных по всем вопросам городской жизни раннего средневековья: хозяйственной деятельности, общественным отношениям, идеологическим представлениям, искусству, архитектуре, строительной технике, фортификации, общей и конкретной топографической структуре.

Одним из наиболее перспективных объектов в этом аспекте являются развалины раннесредневекового города, расположенные вблизи с. Краснореченское.

Работы по изучению остатков этого одного из крупнейших в Киргизии раннесредневековых городов рассчитаны на длительное время. Только при таком характере работ можно будет ставить и решать проблемы городской жизни изучаемого периода.

* * *

Работами прошлых лет на городищах Чуйской долины нами была прослежена тенденция постепенного роста поселений, начиная от центральной части, являвшейся в подавляющем большинстве случаев первоначальным ядром поселений. Для обоснования этого наблюдения широкими раскопочными материалами на Красной Речке были намечены объекты для раскопа на центральных развалинах и за их пределами, вплоть до периферии поселения вдоль первой длинной стены.

◆ **I. РАСКОПКИ НА ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЗВАЛИНАХ**

Поскольку Семиреченской экспедицией ни один из раскопов не был доведен до материковых слоев, мы поставили своей задачей в первую очередь получить представление о времени возникновения и замирания здесь жизни, с тем, чтобы составить общее суждение о хронологических рамках поселения.

◆ **РАСКОП III**

◆ Им предусматривалось стратиграфическое изучение наиболее укрепленной части центральных развалин Краснореченского городища, которые, как отмечено выше, могли быть одной из наиболее ранних частей поселения. Он растрассирован в центральном четырехугольнике на месте раскопа VI Семиреченской археологической экспедиции (1939 г.).

Семиреченской экспедицией раскоп VI был начат на площади около 140 кв. м и доведен до отметок 0,3—0,8 м, только на площади в 36 кв. м (там, где была расчищена комната) — до отметки 1,6 м¹. От раскопа 1939 г. осталась неглубокая западина гораздо меньшей площади, чем раскоп, разбитый в 1961 г. Это, вероятно, связано с тем, что вскопанная земля из комнаты не выносилась за пределы раскопа, а рыхлые отвалы очень легко оплывали, заполняя его площадь.

В 1939 г. в раскопе получены вещественные, в том числе монетные материалы, позволившие А. Н. Бернштаму датировать снятые слои и помещение, названное им женской половиной дома, временем не позже X в.²

Раскоп расположен на относительно ровной площадке с понижением к северо-западному углу. Его первоначальная площадь — 100 кв. м — была в ходе работ доведена до 168 кв. м.

Вначале были сняты отвалы 1939 г., затем начали снимать горизонтальные слои по всей площади раскопа. Характеристика стратигра-

¹ Тр. Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина // МИА. — М., Л., 1950. № 14. С. 19, а также табл. VII, 4 (план и разрез).

² Там же.

фии и учет вещественного материала велись по полуметровым слоям³.

Первый полуметровый горизонтальный слой из-за покатости площадки в направлении к северо-западу и западины, оставшейся от раскопа 1939 г., зарегистрирован только в юго-восточном углу, на небольшой площади. Наслоения его состоят из глинисто-золистых рыхлых завалов. Вещественного материала немного. Можно отметить единственный фрагмент поливной посуды, в том числе поливного коричневого чирага и боковин сосудов белой и зеленой глазури, мелкие кусочки штукатурки, покрытой синей краской (роспись), не очень выразительные фрагменты неполивных сосудов.

Второй полуметровый горизонтальный слой зарегистрирован почти во всех квадратах. Он представлен разной плотности глинисто-золистыми завалами с включениями угольков. В районе квадратов Л-15, М-15, Н-15 обнаружены следы пожарища, в районе квадратов О-15, О-16 и П-15, П-16 — признаки сырцово-кирпичной стены. Вещественный материал значителен по объему. Встречены кости животных, обожженный кирпич, фрагменты стеклянных изделий, большое количество глиняной посуды, в том числе с поливой белого и зеленого цветов с полихромной росписью и подглазурной гравировкой, а также станковой керамики с хорошо профилированными венчиками, чираги, дастарханы, сфероконы и пр.

В третьем полуметровом слое выявились многочисленные остатки былых построек (стены, полы, перекрытия) и сооружения бытового и хозяйственного характера (очаги, ямы, колодцы), относящиеся к верхнему строительному горизонту. Нижняя граница этого горизонта выявлена совершенно четко в конце третьего слоя (на глубине 1,5—1,6 м), о чем свидетельствует ряд фактов. Так, в одном помещении пол выстлан жженым кирпичом, в других на полу лежат обгоревшие остатки рухнувших перекрытий. Основания сохранившихся стен всех помещений находятся приблизительно на этом же уровне, несколько ниже уровня пола.

Все это, бесспорно, говорит о том, что мы имеем дело с последними по времени жилыми постройками в этом пункте. А если учесть, что место расположения раскопа — одно из наиболее высоких на этой части поселения, то можно с определенной уверенностью сказать, что мы имеем дело с постройками последнего периода жизни всей этой части центральных развалин Краснореченского городища.

Открытые на площади третьего раскопа постройка погибли при трагических обстоятельствах. Ярким доказательством этого являются следы пожарища: обуглившиеся балки перекрытия и дверной коробки, значительные слои сгоревшего и истлевшего камыша, обширные пятна прокаленной глины и завалов сырцового кирпича, мощные угольные прослойки в завалах.

³ План и разрезы по раскопу приводятся по архивным авторским чертежам; таблицы керамики составлены Б. Э. Аманбаевой по материалам отчета П. Н. Кожемяко (см. иллюстративное приложение). — *Ред.*

Следы пожара сохранили ряд признаков, проливающих свет на характер и технику сооружения перекрытий. Расчищены крупного сечения деревянные детали, скреплявшиеся железными большемерными гвоздями типа костылей; прослежены прослойки древесного угля от сгоревших деревянных деталей значительной толщины, прослойки камышовой золы и тлена камыша; толстая обмазка из глины, замешанной с соломой. Вероятно, перекрытия были плоскими (или плоскими двускатными) и покоились на деревянных балках, на которые был положен камыш, покрытый толстым слоем глиняной обмазки.

Приведенная выше характеристика всех трех полуметровых слоев свидетельствует о том, что до отметки 1,5—1,6 м мы имеем дело с остатками сооружений одного и, вероятно, не очень продолжительного периода. Поэтому общую характеристику сооружений и вещественного материала мы даем как для единого комплекса.

Однако следует отметить, что в завалах строительного горизонта, выделяющегося по остаткам построек, расчищены тандыры, очаги, а сохранившиеся стены его были в некоторых случаях прорезаны ямами. Тандыры, очаги и ямы, безусловно, относятся к более позднему времени (об этом подробнее см. ниже).

Опишем остатки сооружений. В северо-восточном углу раскопа площадь квадратов К, Л, М, Н-14 и К, Л, М-15 и частично квадратов К, Л, М-16 занимает помещение № 1. От периметра стен его сохранились полностью южная стена и частично западная и восточная. Северная стена или не сохранилась совсем, или находится за пределами раскопа, под северным его обрезом.

Стены выложены из сырцового кирпича, среди которого кирпичи размерами 30 x 20 x 10 см. В западной стене сохранилось 11 рядов сырца, высота которых — 1,13 м, толщина швов — 18—25 мм, длина — 2,95 м. Ширина ее не определена, так как западная плоскость уходит под обрез раскопа. Два ряда кирпичей находятся ниже пола (фундамент?). В верхней части стены сохранилась штукатурка из глины со значительной примесью соломы.

В южной стене 8 рядов кирпичей, высота — 0,91 м, длина — 2,35 м, ширина — 0,9 м, толщина швов — 15—35 мм. В этой стене, в юго-восточном углу, хорошо прослеживается дверной проем шириной 1,1 м. В проеме на полу положен ряд сырцового кирпича, образующий порожек.

Восточная стена в помещении № 1 имеет длину 2,4 м, но она продолжается и на юге в соседних помещениях. Толщина — 0,88 м. На ней хорошо сохранилась штукатурка из глины с обильной примесью соломы.

Вдоль западной стены под полом (на глубине 10—15 см) обнаружен трубопровод из обожженных глиняных труб.

В помещении № 1, кроме того, был расчищен очаг, стоящий на полу в северо-западном углу. Очаг выложен из обожженного кирпича размерами 25 x 25 x 5 см. Площадь 65 x 65 см. По краям очага бортики из кирпича, поставленного на ребро. В очаге значительный слой золы.

Помещение № 2 занимает площадь квадратов Н-14, Н-15, О-14, О-15. Стена, общая для помещений № 1 и 2, на значительном отрезке в северной части отсутствует, так что помещение это в настоящем виде образовано двумя стенами — восточной и южной.

Южная стена из сырцового кирпича длиной 1,10 м и шириной 1,4 м сохранилась на высоту 1,16 м. В ней был дверной проем, доходивший до восточной стены помещения № 1, ширина проема — 1,4 м. Вход имеет порожек, образованный двумя рядами обожженных кирпичей, положенных друг на друга. Интересно отметить, что порожек на 12 см ниже пола коридора, ведущего из помещения № 1 в помещение № 6. В стене проема был расчищен паз для дверной коробки шириной 16 см и наибольшей глубиной 25 см. В пазу остатки обгоревшей коробки.

Восточная стена длиной 3,8 м расчищена неполностью, так как она уходит под северный обрез раскопа, ширина стены — 1,6 м, она сохранилась на высоту 1,5 м.

На поверхности стен второго помещения сохранилась штукатурка. Сохранность штукатурки на обеих плоскостях всех стен помещений № 1 и 2 до отметки 1,5 м позволяет решить один частный вопрос. В районе дверного проема в помещении № 2, а также на площади помещений № 1 и 2, начиная со второго слоя, найдена большая серия кусков штукатурки с врезным орнаментом и росписью красками. Тот факт, что на нижней части плоскости стен до высоты 1,5 м такой штукатурки не отмечено, говорит о том, что роспись и врезной орнамент находились на верхней части стен и, возможно, представляли собой фриз.

Помещение № 3 расчищено на небольшой площади между восточной стеной второго помещения и восточным обрезом на площади квадратов П-14, П-15, П-16. Южная стена второго помещения продолжается и здесь. Сложена она из сырца размерами 37 x 20 x 10 см, длина — 1,8 м, толщина — 1,35 м. В юго-западном углу третьего помещения расчищена яма (№1), которая частично врезается в южную стену помещения. Диаметр ямы — 1,3 м, глубина — 1,9 м.

Помещение № 4 занимает квадраты К-17, К-18, К-19 и частично квадраты Л-17, Л-18, Л-19. Из стен зачищены три: северная и восточная полностью, южная — частично. Западная стена была, вероятно, продолжением западной стены помещения № 1; в северо-западном углу она разрушена ямой № 2, а далее уходит под обрез раскопа. Северная стена, общая с помещением № 1; восточная, сильно разрушенная, является продолжением восточной стены того же помещения, поэтому мы не приводим их характеристику. В южном конце восточной стены был второй дверной проем этого помещения шириной 0,8 м. Южная стена представляет собой скорее простенок шириной 0,35 м и длиной 0,97 м, сохранившийся на высоту 0,6 м. Западный конец простенка оформлен как одна из сторон дверного проема, третьего в помещении № 4.

Яма № 2 отличается необычайно тщательной отделкой: стены покрыты обмазкой в несколько слоев, в противоположных точках стен

сделаны ступеньки. Диаметр ямы — 1,1 м, глубина — 5,15 м. Возможно, что это был колодец, но сейчас на дне его нет и признаков подпочвенных вод.

Помещение № 5 занимает площади квадратов М-16, М-17, М-18, М-19, Н-18, Н-19. В нем сохранились все четыре стены. Западная, смежная с помещением № 4, описана выше, ее основание ниже пола на 2 кирпича. В ней, как уже отмечено, был дверной проем. Южная стена длиной 2,5 м, шириной 0,9 м, высотой 0,53 м была глухой. Северная стена длиной 3,4 м по своему сечению производит впечатление простенка, возведенного при какой-то перепланировке комплекса сооружений. Ширина — 20 см. Она сложена на уровне пола в один кирпич из сырца и обожженного кирпича высотой 0,43 см. Размер сырца 37 x 20 x 6 см, обожженного — 25x25x5 см.

Восточная стена сохранилась почти полностью, только в северном конце в связи с сооружением северной стены (простенка) была сужена; ее длина — 5,8 м, ширина — 0,5 м. Сохранилось 5 рядов кирпичей, вверху — штукатурка. Стена сырцовая, полный размер сырца установить не удалось. В 2,2 м от южного конца восточной стены к ней примыкает короткий простенок (1,5 м) высотой 0,43 м, шириной 0,5 м. Между этим простенком и южной стеной помещения расчищено 3 ямы. В крайнем юго-восточном углу находится подквадратной формы яма № 3, выложенная обожженным кирпичом размерами 25x25x5 см. Сохранилось 9 рядов кирпича. Размеры ямы — 70 x 66 см, глубина — 0,53 м. У южной стены также расположена яма (№ 4), ее диаметр — 1,10 м, глубина — 2,3 м; устье выложено сырцовым кирпичом. Еще одна яма (№ 5) находится к юго-востоку от стены-простенка, ее диаметр — 0,9 м, глубина — 2,95 м. Возможно, эти последние три ямы были устроены в кладовой, ограниченной южной стеной и простенком.

Помещение № 6 расположено на площади квадратов М-17, Н-17, О-17, П-17 и О-18. Состоит из комнаты и V-образного коридора, соединяющего ее с помещением № 2. Имеет неправильные очертания в плане, обусловленные, вероятно, тем, что помещение образовано при какой-то перестройке. Об этом говорят южные стены, сложенные в один кирпич впритык к капитальным стенам, а также уступчатое окончание восточной стены комнаты. Северная стена, общая для комнаты и коридора, только на границе их она делает выступ в 7 см внутрь комнаты. Это южная стена помещений № 2 и 3. Ее плоскость со стороны коридора и комнаты № 6 облицована сырцовым кирпичом, поставленным на ребро. Размер кирпича 37 x 20 x 6 см. Кирпич оштукатурен. Длина всей северной стены — 2,9 м, ширина — 1,3 м, высота — 1,0 м.

Южная стена сложена в один кирпич. В комнате ее длина — 2,75 м, в коридоре — 3,75 м, ширина — 0,3 м. Стены комнаты в северо-западном углу сохранили следы ремонта или перестройки. Здесь часть кладки из кирпича, поставленного на ребро. Сохранилось два вертикальных и два горизонтальных ряда кирпича размером 37 x 20 x 6 см. Южная стена коридора описана в помещении № 5. Часть коридора, идущая по направлению ЗВ, длиной 2,7 м и шириной 1,0 м; идущая

по линии СЮ — соответственно 1,9 и 1,1 м. Западная стена коридора и дверной проем, ведущий в помещение № 2, описаны выше. Пол коридора вымощен жженым кирпичом в шахматном порядке, размеры кирпича 25х25х5 см. После снятия этой вымостки обнаружилось, что кирпич был положен на землю без раствора. На 10 см ниже этого пола расчистился второй пол — земляной. Уровень пола коридора ниже уровня пола помещения № 6 на 1 кирпич, т. е. на 5 см. У западной стены коридора находится яма № 6, ее диаметр — 0,88 м, глубина — 0,28 м.

Помещение № 7, занимающее квадраты О-18, П-18, О-19, О-20, скорее всего, является результатом перестройки и перепланировки, о чем свидетельствует фактура северной и, особенно, восточной стен. Западная и северная стены описаны в помещениях № 5 и 6. Южная стена — сырцовая, полуметровой толщины. Особый интерес представляет восточная стена описываемого помещения. Она состоит из двух параллельных стен. Западная (внутренняя) сложена из сырца размерами 47х23х10 см. Ее основание находится на уровне пола первого строительного горизонта. Основание второй (внешней) стены уходит ниже, вероятно, во второй горизонт.

В этом районе на глубине 0,35 м вскрыты тандыр и очаг. Пол очага находится примерно на уровне верхней, сохранившейся границы стены первого строительного горизонта. Это небезынтересное обстоятельство говорит о том, что выше первого строительного горизонта находятся остатки деятельности человека. К этому еще надо добавить, что многие ямы своими устьями прорезают завалы, образовавшиеся над полом первого строительного горизонта, некоторые из них врезаются в его стены (ямы № 1, 2, 11), что говорит об их более позднем происхождении. Можно выдвинуть такое предположение. Расчищенные остатки первого строительного горизонта не являются свидетельством последнего периода жизни в этом пункте поселения, хотя остатков построек выше них нет. Это говорит или о том, что на месте раскопа в последний период жизни поселения был пустырь, где рыли хозяйственные ямы и сооружали временные очаги, или о том, что в последний период жизни поселения здесь обитали жители, не сооружавшие капитальных строений. Возможно, это был период постепенного замирания города после монгольского завоевания.

В помещении № 7 зачищен ряд ям. На границе квадратов П-18 и П-19, у западной стены помещения, находится яма № 7 диаметром 1,0 м, глубиной 2,3 м. В юго-западном углу — яма № 8 диаметром 0,83 м, глубиной 1,5 м. Устье ее вымощено сырцом. На границе квадратов П-19 и П-20 расчищена яма № 11 диаметром 0,9 м, которая частично врезается в восточную стену помещения. В юго-восточном углу обреза вскрыты частично еще два помещения.

Помещение № 8 расположено на площади квадратов К-19, К-20 со следами перестроек. Оно вскрыто частично, поэтому четкого представления о характере перестройки составить нельзя. Западная стена является продолжением той же стены помещения № 5, северная — об-

шая с южной стеной того же помещения. Параллельно северной стене на расстоянии 0,9 м проходит простенок из сырца размерами 43 x 25 x 10 см, шириной 0,55 см. Трудно представить себе помещение шириной менее метра. Вероятно, это результат перепланировки.

Помещение № 9 расчищено только в северо-западном углу. Его северная стена — продолжение той же стены помещения № 8, западная, тоже сырцовая, имеет толщину 0,75 м. Здесь расчищено две ямы. Одна из них (яма № 9) находится на границе квадратов П-20 и О-20, ее диаметр — 1,10 м, глубина — 2,35 м. Яма № 10 расположена на границе квадратов М-20 и Н-20, в самом северо-западном углу помещения, ее диаметр — 1,4 м, глубина — 2,5 м.

На глубине 1,51 м в помещении № 8 было расчищено два тандыра. Один из них стоял на площадке из обожженных кирпичей, его высота — 48 см, диаметр — 60 см. Сохранившаяся высота второго тандыра — 38 см, диаметр — 50 см. Стенки тандыров толстые (до 5 см) внутренняя поверхность их покрыта глубокими желобками, сделанными «гребенкой». Разрез помещений показал следующее соотношение высот полов: наиболее высокий уровень пола в коридоре; в помещении № 6 пол на 15 см ниже пола коридора, в помещении № 1 — пол одного уровня с полом коридора, в помещении № 2 — ниже пола коридора на 25 см, в помещении № 5 — ниже пола коридора на 12 см, в помещении № 8 — одного уровня с полом коридора.

Первый строительный горизонт достаточно точно датируется X—XII вв., т. е. караханидским временем. Соотношение лепной и станковой керамики составляет 1:3⁴. Чрезвычайно характерно распределение по слоям монетного материала. Раскоп дал 22 монеты, в 14 случаях найдено по одной монете и в двух случаях — по 4. Монеты относятся к разновидностям тюркешских (11 штук) и караханидских (11 штук). Монеты тюркешского круга в трех случаях найдены в засыпи ям. Увязать их со слоем трудно, так как устья ямы не были зарегистрированы точно по отношению к полу первого строительного горизонта. Поэтому мы пока не будем принимать в расчет эти монеты для датировки. Остальные 8 монет тюркешского круга найдены в слое не ниже двухметровой отметки, т. е. на 0,5 м ниже пола первого строительного горизонта. Поэтому с полной уверенностью можно сказать, что слои, в которых они найдены, относятся ко времени VIII—X вв.

Монеты караханидского типа найдены в двух случаях по 4 и в трех случаях — по одной. В одном случае 4 монеты найдены в засыпи ямы (№ 14), остальные — в слое. В трех случаях они были найдены на глубине до одного метра, и только одна — ниже пола первого строительного горизонта.

Таким образом, монетный материал в подавляющем большинстве распределен по двум хронологическим периодам — VIII—X и X—XII вв.

⁴ Статистические подсчеты на большом числе поселений Чуйской и Таласской долин показывают, что такое возможно только после X в. — до этого лепной керамики больше, чем станковой.

Монеты вместе с керамикой определяют дату первого строительного периода — X—XII вв.

Эта дата не согласуется с определением времени верхних слоев раскопа VI Семиреченской экспедиции, упомянутого выше. Мы полагаем, что наша датировка достаточно обоснована. Дата, предложенная А. Н. Бернштамом, объясняется, вероятно, тем, что раскоп был небольшим и неглубоким.

Первый строительный горизонт после обмерных работ и фиксирования на плане был снят, после чего было продолжено углубление на всей площади (168 кв. м). Однако из остатков строений здесь не было найдено ничего, подобного первому строительному горизонту. Ниже полов слои сильно перемешаны, но вещественных материалов (в том числе керамики и монет) много. Учет материалов велся поквратно, с составлением описей для каждого полуметрового слоя, кроме того, производился статистический учет всей без исключения керамики (также по полуметровым слоям).

Раскоп не был закончен, так что судить о нижней дате слоев нельзя. Слои, непосредственно подстилающие первый строительный горизонт, по керамике и монетам можно отнести к VIII—X вв., т. е. к тюркешско-карлукскому периоду.

Следует сказать также о предпринятой разведке мощности не вскрытых наслоений в раскопе III. Небольшой шурф размером 2 x 1 м, расположенный в квадрате О-14 на месте зольника, показал, что толщина культурного слоя неодинаковая: в юго-западном углу шурфа материковый грунт появился на глубине всего 4,5 м, по всей остальной поверхности — на глубине 5,3 м. Все наслоения — сплошь зольники, насыщенные материалом. Таким образом, культурные наслоения на месте этого раскопа превышают 5 м.

◆
**II. РАСКОПКИ
В ПРЕДЕЛАХ ТЕРРИТОРИИ,
ОГРАЖДЕННОЙ
ПЕРВОЙ ДЛИННОЙ СТЕНОЙ**
◆

Сохранность Краснореченского городища за последние годы резко ухудшилась в связи с тем, что колхоз в широком масштабе проводит на его территории не только распахки, но и планировочные работы с помощью землеройных машин, ведет строительство. В результате разрушаются преимущественно остатки сооружений за пределами центральных развалин: западный сектор занят усадьбами колхозников, южный — целиком распахан, распланирована большая площадь между шоссе Фрунзе — Рыбачье и каналом Чупра. Это значительно ограничивает возможности выбора здесь объектов для раскопок. На городище почти не осталось не тронутых деятельностью современного человека площадей, а следовательно, почти не сохранилось мелких построек рядовых горожан, исчезающих на поверхности даже при распахках. Поэтому в настоящее время исследователи почти лишены возможности изучать жилье, ремесленные мастерские и другие сооружения трудового населения раннесредневековых городов. Совсем небольшие не тронутые участки остались вдоль каналов Чупра и БЧК, но и здесь возможности исследователей ограничены: небольшие площади не позволяют представить планировку кварталов ремесленников и другого трудящегося люда города; к тому же эти зоны были застроены в XI—XII вв. и о начальном периоде жизни города они сведений не дадут. В непосредственной близости от центральных развалин сохранилась небольшая группа холмов. При многолетних стационарных раскопках их хватит ненадолго. Все эти обстоятельства учитывались при выборе объектов раскопок в 1961 г.

Стремясь обнаружить наиболее ранние слои за пределами центральных развалин, мы считали необходимым начать раскопки вблизи этой части города, так как при расширении города за пределы первоначальных рамок поселений осваивалась, вероятно, территория около существовавших укреплений. Решено было начать работы с продолжения расчистки двух объектов, раскапывавшихся еще Семиреченской археологической экспедицией. Они имеют наиболее мощные наслоения и представляют собой довольно сложные строительные комплексы. На одном из них расчисткой древнего колодца Семиреченской экспедицией было установлено наличие слоев VI—VIII вв.

Раскоп I — продолжение раскопа VIII Семиреченской экспедиции. Вскрывалась вся поверхность теле, составляющая около 600 кв. м.

В 1940 г. Семиреченской экспедицией на холме было вскрыто 11 комнат. Комнаты № 3, 4, 7, 8, 9, 10, 11 относятся к X—XII вв., это остатки сырцовых стен постройки, разрушенной во время монгольского завоевания. Их датировка обусловлена расположением выше слоев VIII—X вв., а также типичной конструкцией отопления в виде канав-желобов в стенах (изученной при раскопках на городище Ак-Бешим) и комплексом керамики.

Вскрыто несколько комнат (№ 1, 2, 5, 6) VIII—X вв. Здесь не было найдено ни керамики, ни других предметов. Помещения датируются на основании фрагментов росписи, обнаруженных в комнате № 6. Роспись представлена букетами цветов (астр) и фрагментом изображения Будды.

Нижний строительный горизонт не вскрывался раскопом. Он прослежен в колодце, прорубленном в одной из комнат среднего горизонта. В колодце были просмотрены мощные стены из набивного дувала от здания согдийского происхождения⁵.

Первый полуметровый слой состоял из бесструктурных заплывов (видимо, остатков отвалов раскопок 1940 г.), а также из оснований стен (в 1—3 кирпича) построек расчищенного Семиреченской экспедицией верхнего строительного горизонта, отнесенного к X—XII вв. В конце первого полуметрового слоя в нескольких точках наметились контуры следующего строительного горизонта. Но этот горизонт не является тем слоем, который выделен Семиреченской экспедицией (комнаты № 1, 2, 5, 6) и датирован VIII—X вв.

При самом тщательном исследовании мы не нашли признаков второго слоя (VIII—X вв.), описанного в публикациях Семиреченской экспедиции. Сразу же под основаниями стен, сохранившимися по восточному краю тепе, там, где на плане отмечены помещения № 8 и 9, отнесенные к X—XII вв., наметились контуры стен следующего строительного горизонта. Они продолжались по обводу холма. Как показали дальнейшие раскопки, на этом уровне открывался комплекс сооружений храмового характера, основание которого было на гораздо большей глубине, чем пол комнаты № 6 раскопа 1940 г.

Второй слой в раскопе 1940 г. (его пол) расположен ниже пола первого слоя всего на 35—40 см. Стены же храмового комплекса, открытого в 1961 г., начинаясь непосредственно от основания стен слоя X—XII вв., вскрытого в 1940 г., продолжают на глубину до 2,0 м. Во всем горизонте не замечено никаких следов перестроек. После разрушения верхних частей храма завалы были разровнены и на этой площадке сооружены строения, раскопанные в 1940 г. Нам трудно судить, можно ли остатки сооружений, открытых в 1940 г., делить на два слоя. О датировке раскопок Семиреченской экспедиции мы скажем ниже.

Комплекс состоит из собственно храма и обширного помещения, расположенного с юго-западной стороны. По планировке он напоми-

⁵ Чуйская долина... С. 28—29, 38—42.

нает Ак-Бешимские храмы № 1 и 2, но имеет свои особенности. Он ориентирован углами по странам света, состоит из центрального святилища, обходной галереи и зала, вероятно, не имевшего одной — юго-восточной — стены и, следовательно, носившего характер «открытого» помещения (см. план храмового комплекса).

Центральное святилище — квадратное в плане, с выходом в «открытый» зал. Его размеры 3,2 x 3,2 м, ширина выхода — 0,8 м, толщина стен — 1,6 м, они выложены из сырцового кирпича размером 40—42 x 20—22 x 8—10 см, сохранившаяся высота — 1,5 x 1,7 м. Стены хорошо оштукатурены. На штукатурке удалось найти несколько небольших участков росписей, которые наносились на белую подгрунтовку голубой, коричневой, красной и другими красками. Пол в святилище был намазан на глубине 2,49 м от высшей точки холма. Это на 33 см ниже уровня пола восточного коридора и на 16 см — западного.

Обходная галерея окаймляет центральное святилище с трех сторон: северной, восточной и западной, с выходами из западного и восточного коридора в «открытый» южный зал; выходы имеют ширину 0,9 м. Толщина стен, образующих выходы, — 1,2 м, они сложены из сырца размерами 40—45 x 20—22 x 8—10 см. Из сырца сложена и западная стена в западном коридоре, которая отделяет храмовый комплекс от западной пристройки. Размеры кирпича такие же. Восточная и северная стены обходной галереи, являющиеся внешними стенами комплекса, очевидно, были паховыми — при зачистках не удалось заметить ни одного кирпича. Стены галереи были хорошо оштукатурены. В некоторых местах отмечены следы росписи по подгрунтовке, аналогичные росписям в святилище.

Ширина восточного и западного секторов галерей — 2,3 м, северного — 2,7 м. Высота внешних стен галереи не превышает 0,8 м. Пол галереи проходил по слою утрамбованной глины. В восточном секторе галереи уровень пола от высшей точки тепе — 2,16 м, в западном — 2,33 м.

Выходы из обходной галереи ведут в южный «открытый» зал. Здесь зачищены восточная и западная стены, идущие до края тепе. Южной стены, или хотя бы ее малейших признаков, не обнаружено, поэтому мы и называем это помещение «открытым». Размер комнаты по оси ВЗ — 11,3 м, по оси СЮ — не менее 10 м.

Вдоль восточной стены идет суфа шириной 0,75 м и высотой 0,45 м. Между входами в обходную галерею и центральное святилище, вдоль его южной стены, находятся две суфы-лежанки шириной 0,7—0,8 и высотой 0,45 м. Они очень тщательно оштукатурены.

Западная стена «открытого» зала является продолжением стены обходной галереи толщиной 1,3 м, в ней имеется дверной проем шириной 1,55 м, ведущий из «открытого» зала в западную пристройку. Между этим проемом и проходом в западный коридор галереи устроена суфа, форма и размеры которой аналогичны описанным выше.

Западная пристройка состоит из двух больших комнат — северной и южной. Южная комната имеет стены не по всему периметру: не

сохранились западная и южная стены; последней, как и в храме, скорее всего не было, возможно, в комплексе было два открытых во двор помещения. Восточная, общая с «открытым» залом храма стена, имеет суфу, идущую от входа к югу, на протяжении 4,5 м, высота ее — 0,45 м, ширина — 1,1 м.

Северная стена описываемого помещения, общая с северной комнатой (ее описание будет дано ниже). Вдоль этой стены, начиная от северо-западного угла, идет суфа таких же размеров, как и суфа у восточной стены. Она сохранилась на протяжении 3,2 м. Проход из южной комнаты в северную был вдоль восточной стены, его ширина — 1,4 м.

Северная комната имеет стены по всему периметру. Ее общие размеры по оси СЮ — 8,7 м, по ЗВ — 9,3 м. Северная и западная стены, являющиеся внешними стенами храмового комплекса, были пахсовыми. Их полная толщина из-за оплывов пока не установлена. Вдоль северной стены во всю ее длину проходит суфа таких же размеров, как и упомянутые выше.

Восточная стена описана при характеристике обходной галереи храма. Добавим только, что вдоль нее от северо-восточного угла идет суфа шириной 0,8, высотой 0,45 м, длиной 4,3 м.

Южная стена, как и восточная, из сырцового кирпича размерами 42 x 22 x 10 см и 25 x 25 x 10 см; сохранившаяся высота южной стены — 1,7—1,9 м. При расчистке оказалось, что только верхняя часть стены из сырца, внизу она сложена из пахсовых блоков размером 0,9 x 0,6 м. Это обстоятельство вызвало необходимость тщательного обследования стены. Установлено, что нижняя — блоковая — часть является продолжением стен третьего строительного горизонта, где (как мы увидим ниже) все стены из пахсовых блоков. На уровне храмового комплекса она была надстроена сырцом.

В заключение несколько слов о храмовом комплексе. Общая планировочная идея его имеет аналогии в двух буддийских храмах, расположенных на городище Ак-Бешим в 1953—1954⁶ и 1955—1958 гг.⁷ Краснореченский храм имеет центральное святилище, обходную галерею, а также зал перед святилищем. Этим сходство в планировке ограничивается.

Через проход в западной стене храм соединен с дополнительным сооружением из двух комнат. Ак-Бешимский храм № 1 имеет открытый двор, составляющий единое целое с храмом, но храм № 2 такого двора не имеет. Вероятно, своеобразие планировки Краснореченского храма объясняется тем, что он относится к более позднему времени, когда архитектурные каноны буддийского зодчества изменялись (может быть, под местным влиянием).

⁶ Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. // Труды КАЗЭ. — М., Л., 1959. Т. II. С. 155—241.

⁷ Зяблин Л. П. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. — Фрунзе, 1961.

Дата Краснореченского храма по вещественному материалу более поздняя, чем даты Ак-Бешимских храмов. На это указывает наличие, правда очень небольшого количества, поливной керамики, которая в Чуйской долине появилась не ранее IX в. Следует учитывать, что в Чуйской долине поливная керамика составляет очень небольшой процент от общего количества глиняной посуды, даже в XI—XII вв. — в период наибольшего распространения здесь поливной керамики.

О более поздней, чем VIII в., дате говорит также статистическое соотношение лепной и станковой керамики и общий облик станковой керамики. В слое, который находится на уровне сохранившихся стен храмового комплекса, соотношение лепной и станковой керамики составляет 1:5,7. Такого соотношения ранее X в. мы не знаем. Да и формы сосудов и их оформление говорят в пользу этой даты.

Наконец, мы имеем еще одно доказательство датировки храмового комплекса временем после первой половины X в. — это караханидская монета, найденная на 0,35 м ниже основания стен храмового комплекса. Предложенная датировка, безусловно, нуждается в подтверждении архитектурно-планировочными данными, а также свидетельствами, которые указывали бы на существование буддизма в караханидское время. Эти направления исследований должны стать одними из самых важных при дальнейших работах.

Известную роль в установлении даты храмового комплекса могут сыграть раскопки следующего строительного горизонта, который уже отчетливо виден под полами храмового комплекса.

Третий строительный горизонт зарегистрирован в районе восточной пристройки к храму. В ней начата расчистка четырех параллельных, узких (2,3 м) и длинных (6 м), комнат, разделенных мощными стенами (2,5 м) из пахсовых блоков. На стенах в некоторых местах уцелела штукатурка. Здание, вероятно, сохранилось на большую высоту — ни в одной из комнат пока не обнаружено дверных проемов, составляющих обычно около 2 м.

Параллельно с раскопками холма была предпринята работа по изучению двора. В его восточном углу был растрассирован раскоп площадью 144 кв. м. Здесь должны быть изучены укрепления двора (стены и угловая башня) и значительной толщины культурные наслоения. Раскоп не был закончен, работы будут продолжены⁸. На части площади раскопа были сняты все наслоения до материка, это дает возможность судить об их датировке. Остатков построек в восточном углу не было обнаружено, но отмечены следы какого-то производственного сооружения, которое еще предстоит обследовать. До полного завершения работ можно предположить, что двор был сооружен в VIII в. и был обжитым до конца жизни усадьбы (XII в.).

⁸ В настоящее время здесь построена колхозная птицеферма, поэтому продолжение раскопок невозможно. — *Ред.*

РАСКОП II

Этим раскопом начато вскрытие большого холма, находящегося к югу от цитадели. Семиреченской археологической экспедицией здесь был заложен разведочный раскоп в виде траншеи, зачищен угол глинобитной стены, а также следы второй стены. Найдены мелкие фрагменты цветной штукатурки; следы фресок были обнаружены в 3,5 м к югу от этих стен. Найдены наконечник от ремешка, несколько фрагментов неполивной керамики, фрагмент стекла и зеленой поливы. Раскоп не был датирован⁹.

Наш раскоп был рассчитан на полное вскрытие холма и небольшой площади, примыкающей к холму с востока. Выбор этого объекта для раскопок обусловлен упомянутыми выше условиями — отсутствием вблизи центральных развалин нераспланированных холмов.

Работы на холме оказались весьма результативными. Здесь был открыт уникальный памятник искусства — колоссальная глиняная скульптура усопшего Будды.

Холм, как оказалось, представляет собой остатки буддийского храма. В храме был расчищен только западный коридор, идущий в направлении СЮ, в котором и обнаружена скульптура. Другие части храма не вскрывались.

Сохранившаяся длина западного коридора достигает 10,4 м. В северном конце он уже в древности был разобран на значительном протяжении, в южном — недостает небольшого отрезка. Плохая сохранность коридора в северном конце объясняется, вероятно, тем, что холм, образовавшийся от обвалов и заплывов верхних частей храма, с северной стороны был разрушен для каких-то нужд. Об этом как будто бы говорит и следующее: северный склон холма предельно крутой, в то время как остальные склоны — пологие, как обычно бывает при естественном разрушении сооружений в несколько метров высотой.

Стены коридора сложены из сырцового кирпича. В высоту стены сохранились: западная — до 3,0, восточная — до 4,0 м. Общая ширина коридора — 2,8 м. Вдоль восточной стены, во всю длину коридора, из того же сырца, что и стены, сооружен пьедестал высотой 1,0 м, шириной 1,7 м. Пьедестал занимает большую часть площади коридора: между ним и восточной стеной остается проход всего в 1,1 м. Пьедестал имел убегающую вертикальную стенку. Поверху он оформлен небольшим карнизом, выполненным напуском кирпича. Поверхность вертикальной стенки пьедестала была оштукатурена и, вероятно, покрыта фресками, следы которых прослежены в нескольких местах.

⁹ Чуйская долина... С. 42—43.

В южном конце западного коридора более или менее четко наметились поворот и начало южного коридора. Здесь прослежены признаки, говорящие о том, что в южном коридоре сохранилась штукатурка с подгрунтовкой белого цвета и росписями на них.

Из-за отсутствия специалистов-реставраторов во Фрунзе и невозможности пригласить их из Государственного Эрмитажа работы на раскопе II были прекращены. Для предохранения скульптуры, а также наметившихся росписей на стенах южного коридора, расчищенные части храма были полностью засыпаны (до первоначальных отметок). Предварительно скульптура была закрыта слоем бумаги и рубероида. Работы на раскопе предполагается продолжить в 1962 г. с участием специалистов-реставраторов.

Краснореченская скульптура датируется монетным материалом, а также многочисленными аналогиями подобных памятников буддизма Средней Азии VII—VIII вв. Мы имеем в виду скульптуру двух Ак-Бешимских храмов (раскопки Л. Р. Кызласова и Л. П. Зяблина), материалы Пенджикентских храмов, скульптуру храмов Кувы в Узбекистане (раскопки В. А. Булатовой), скульптуру, найденную при раскопках Аджина-Тепе в Таджикистане (раскопки Б. А. Литвинского) и некоторые другие памятники.

◆
О Т Ч Е Т

О РАСКОПНЫХ РАБОТАХ
НА КРАСНОРЕЧЕНСКОМ ГОРОДИЩЕ
В 1962—1963 гг.

◆

Раскопные работы на Краснореченском городище в 1962—1963 гг. велись как на объектах, начатых в 1961 г. (I, II, III)¹, так и на новых объектах (IV, V, VI, VII, VIII, IX). Вскрытие всех объектов (кроме I и II) было закончено полностью.

О целях и задачах, ставившихся при выборе объектов, начатых в первый год работы на городище, было сказано в отчете за 1961 г. Раскопки новых объектов имели главной целью сбор материалов о жизни трудового населения города.

◆

РАСКОП I

◆

Верхние слои на этом объекте, относящиеся к X—XII вв., были раскопаны Семиреченской археологической экспедицией в 1939—1940 гг.² В отчете Краснореченского археологического отряда за 1961 г. были описаны остатки построек, сохранившиеся после раскопок 1939—1940 гг. Как видно из отчета, о периоде X—XII в. на этом объекте мы могли сказать очень мало.

В 1962 г. была закончена расчистка трех глубоких ям (вероятно, бадрабов), которые были выкопаны во время существования жилых сооружений X—XII вв. В засыпках ям оказалось значительное количество вещественных материалов, преимущественно керамика. Они представляют собой комплексы, относящиеся к небольшим хронологическим периодам, и, таким образом, могут играть определенную роль в датировке керамических изделий X—XII вв. Поэтому мы приведем более или менее подробное описание керамики из всех трех ям-колодцев.

¹ Кожемяко П. Н. Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 г. // Фонды Отд. общ. наук АН КиргССР. Инв. № 5114. С. 1—30; см. также наст. работу. С. 7—24.

² Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии — Фрунзе, 1941. С. 88—90; Чуйская долина... С. 28—29, 38—42.

Яма № 1 расположена в квадрате М-13. Она пробивает стены храмового комплекса, а еще ниже — стены замка, и должна быть отнесена к верхнему строительному горизонту. Весь керамический материал, бесспорно, караханидского времени (X—XII вв.). Он представлен рядом форм.

Котлы полусферической формы (круглодонные) употреблялись для приготовления пищи. Две петлеобразные ручки прикреплены к стенке котла пальцевыми вдавлениями. Ручки гладкие в виде валика или с каннелюрами (надрезами), создающими впечатление витой ручки. Иногда на плечиках котлов симметрично расположены четыре шишечки. Венчики двух типов: треугольные в сечении, лежащие прямо на плечиках сосуда, и отмеченные простым отгибом скругленного края наружу. Тесто с примесью довольно значительного количества песка. Отмечены и естественные примеси — гипс и слюда. Диаметр котлов — 18—20 см, толщина стенки — 0,6—0,8 см, внешняя поверхность без покрытия. Обжиг неполный — в толще черепка серая полоска.

Тагара. Большие сосуды типа лоханей в форме опрокинутого усеченного конуса. Диаметр их по венчику достигает 35 см, толщина стенок — 0,8 см. Высота сосудов из-за фрагментарности не прослежена. Венчик выражен двусторонним утолщением края с горизонтальной площадкой наверху. На площадке иногда прослеживается орнамент в виде волнистого желобка. Тесто имеет незначительные естественные примеси мелкого песка и слюды. Обжиг неравномерный — в толще черепка серая прослойка. Поверхность покрыта розовым ангобом.

Чашы. Этот вид сосудов — один из наиболее распространенных, он выполнял роль столовой посуды. Более десяти экземпляров чаш из этого колодца сохранились или целиком, или настолько, что форма их восстанавливается. По форме чаши делятся на две группы:

а) Чашы-кружки с крутыми расширяющимися вверх боками. Маленькие петлеобразные ручки, не поднимающиеся выше края. Венчики отмечены простым утончением края и мягким отгибом его наружу, ширина тулова — 10—12 см. На доньях следы подрезки ножом, высота — 5,5—5,8 см, диаметр — 5,5—6,5 см, толщина стенки — 0,4—0,6 см. Тесто с естественной примесью в очень малых дозах песка. Обжиг равномерный, кремового цвета. Поверхности без покрытия ангобом.

Среди этой группы выделяется одна чаша из хорошо отмученной глины. Внутренняя поверхность ее покрыта довольно плотным ангобом белого цвета. По краю на ангоб нанесена роспись коричневой минеральной краской в виде полуovalов, расположенных так, что один заходит на другой. Снаружи чаша не отличается тщательностью отделки, здесь сохранились потеки белого ангоба. Дно срезано с круга, придонная часть слегка подрезана ножом.

б) Плоскодонные конические чаши типа пиал с гораздо более покатыми боками, без ручек. Стенки прямые, от дна идут широким расступом. Венчики выражены утолщением края и легким отгибом наружу, и только в одном случае — загибом внутрь. Тесто с естественными примесями мелкого песка и слюды. Обжиг равномерный, одно-

родный, кремового цвета. Поверхности без покрытия. Внутри видны следы быстрого вращения на гончарном круге. Диаметры венчиков — 14—18 см, высота — 7—7,5 см, диаметры доньев — 5—5,5 см, толщина стенок — 0,4—0,8 см.

Кувшины. Представлены 4 экземплярами узких высоких горловин с частью тулова и массивными коленчатыми ручками, идущими от верха горловины к плечикам. Ручки в сечении овальные. В одном случае наружная поверхность ручки каннелирована тремя неглубокими желобками. У основания ручки имеют по несколько значительной глубины выемок, сделанных неширокой (до 1 см) палочкой. Диаметры горловин — от 4,6 до 6 см, высота — от 7,7 до 10,5 см, толщина стенок — 0,5—0,8 см. Венчики выражены утончением края и легким отгибом его наружу. По аналогии с собирающимся на две трети кувшином, найденным во дворе усадьбы, можно составить общее представление о форме тулова кувшинов, она близка к шару с плоским дном.

Тесто кувшинов с естественными примесями очень мелкого песка и слюды. Обжиг высокий, равномерный, красного цвета. На одном из кувшинов — светлый ангоб. В двух случаях очень четко видно, что горловины формовались отдельно и вставлялись в готовое тулово, в котором делалось отверстие, а затем тщательно примазывались снаружи, — здесь хорошо видны следы пальцев рук мастера. Кроме ручек, весь сосуд делался на гончарном круге.

Горшки значительных размеров, но сохранились лишь в отдельных фрагментах. Венчик, подтреугольный в сечении, переходит в маловыразительную шейку. Тулово подшарообразной формы с процарапанным орнаментальным пояском по плечикам, состоящим из двойной волнистой или зигзагообразной линии, заключенной между сведенными горизонтальными линиями. Диаметры горловин горшков — до 20—21 см, тулова — до 30 см, толщина стенок — до 0,8 см. Тесто плотное, с включением небольшого количества мелкого песка и слюды как естественных примесей. Обжиг равномерный, высокий, красного цвета.

Миски в форме перевернутого усеченного конуса с круглыми прямыми боками. Венчик образован утолщением края в обе стороны, его граница по внешней поверхности подчеркнута неглубоким желобком. Тесто с значительной естественной примесью песка и слюды. Обжиг равномерный, в изломе кремового цвета. Поверхности без покрытия. Диаметр по верху — 24 см, по дну — 16 см, высота — до 8,5 см, толщина стенки — 0,6—0,8 см.

Вся керамика из ямы № 1 сделана на гончаром круге. Некоторые виды сосудов формовались сразу, в один прием другие изготовлялись по частям, а затем соединялись. Общий уровень техники очень высокий, что позволяет говорить о высоком профессиональном мастерстве гончаров.

Яма № 2 расположена в квадрате 0-14; как и первая, она прорезает стенки храмового комплекса и замка. Это определяет в известной степени ее датировку (как и ямы № 1). В засыпи ее собрана боль-

шая коллекция керамики, сходной с керамикой из ямы № 1 (здесь не встречены лишь кухонные котлы).

Горшки широкогорлые с шарообразным туловом. Шейка невысокая, венчик образован отгибом края наружу или треугольным в сечении его утолщением. Тесто с примесью значительного количества мелкого песка и слюды как естественных примесей в глине. Черепок в изломе розового цвета, обжиг высокий, равномерный, поверхности со светлым ангобом и без покрытия. По верхней части тулова процарапанный орнамент — зигзагообразная гребенчатая линия, заключенная между такими же горизонтальными полосами. Диаметр — от 23 до 25 см, толщина стенки — 0,6—0,7 см.

Чаши, как и в первом колодце, — самая многочисленная категория посуды: 9 целых или почти целых чаш и около 30 фрагментов. Прослеживается то же деление на две группы:

1) Чаши-пиалы в форме перевернутого усеченного конуса с покатыми боками. Тесто с естественными примесями песка и слюды. Обжиг высокий, равномерный, кремового цвета. Поверхности без покрытия. Диаметр поверху — 15—19 см, дна 5—6 см, высота 6—7 см, толщина стенки — 0,4—0,6 см.

2) Чашечки-кружки имеют две разновидности:

а) Небольшие, довольно глубокие цилиндро-конические плоскодонные сосуды с изящной петлеобразной ручкой. Утонченный край вместо венчика. Ручка не поднимается выше края сосуда. Тесто с естественными примесями мелкого песка и слюды. Обжиг высокий, равномерный, красного цвета. Поверхности без покрытий. На дне видны следы среза чашечек с гончарного круга. Диаметр устья — 10—12 см, дна — 6—7 см, высота — 4,5—5,8 см, толщина стенки — 0,3—0,5 см.

б) Большие по размерам чашечки с несколько иной формой тулова: стенки примерно от середины высоты сосуда резко расширяются раструбом кверху. Такие же ручки, утонченный край без венчика. Фактура черепка, как и в первой разновидности. Высокий обжиг, без покрытий. Дно в некоторых случаях слегка подрезалось ножом, хорошо видны следы среза сосуда с площадки гончарного круга. Диаметр устья — 11—12 см, дна — 5—6 см, высота — 5,5—5,7 см, толщина стенки — 0,3—0,5 см.

Кувшины делятся на две группы:

а) Первая включает небольших размеров кувшины с вытянутым туловом. Ширина — от 5 до 10 см, высота — почти одинаковая. Колпчатая ручка от верха горловины до плечиков, овальная в сечении. В некоторых экземплярах по линии перехода горловины в тулово размещается горизонтальный поясок процарапанного орнамента — два параллельных желобка. Тесто с естественными примесями песка и слюды. Обжиг высокий, однородный, розового цвета. Некоторые покрыты белым ангобом. Диаметр тулова — 12—15 см, дна — 3,5—10,5 см, толщина стенки — 0,7—0,8 см. На доньях — следы среза сосудов с площадки гончарного круга.

б) Кувшины второй группы более значительных размеров, с подшарообразным туловом. Диаметр горловин достигает 7—10 см, высота — 7—13 см. Венчик подтреугольный в сечении. Наиболее заметным отличием этих сосудов является наличие небольшого носика — слива, образованного оттягиванием края. Ручки такой же формы, как и в первой группе, с аналогичным гребешком по центру. Поверхности без покрытий.

Банки — довольно редкая форма керамических сосудов. Тулово подцилиндрическое, слегка расширяющееся кверху. Стенки прямые, две ручки от венчика — почти до плоского дна. Поверхности без покрытия, на дне следы среза с площадки гончарного круга.

Чашки плоскодонные, значительной вместимости. Стенки круто поднимаются от дна, расширяясь кверху. Венчики выражены двусторонним утолщением края подтреугольной формы. Край слегка загибается во внутрь. Тесто плотное, с незначительной примесью мелкого песка. Обжиг высокий, равномерный. Внутренняя и внешняя поверхности покрывались плотным слоем светлого ангоба. Диаметр устья — 37 см, поддона — 10—12 см, высота — 11 см, толщина стенки — 0,7—0,8 см.

В целом о керамике из ямы № 2 можно сказать следующее. Подавляющее большинство ее изготовлено на гончарном круге. Большие сосуды типа хумов, хумчей, от которых мы имеем только придонные части, формовались по частям (из 3 или 4 частей), затем собирались и места соединения тщательно замазывались тряпкой, смоченной в жидкой глине. Горловины широкогорлых кувшинов изготавливались вместе с туловом, узкогорлых формовались отдельно, а затем присоединялись к тулову, в котором предварительно делалось соответствующих размеров отверстие. Ручки кувшинов, банок, чашечек прикреплялись сверху, место приклепления замазывалось мокрой тряпкой. Ручки небольших чашечек, использовавшихся наиболее широко в качестве столовой посуды, часто прикреплялись небрежно.

Единственным украшением посуды из ямы № 2 (кувшинов, иногда горшков) является процарапанный гребенчатый орнамент — горизонтальные пояски или волнистая линия между горизонтальными поясками. Число бороздок в пояске от 2 до 6. Орнамент расположен на верхней части тулова. В качестве покрытия поверхностей использовался светлый, реже красный ангоб. Некоторые виды посуды (чашечки) ничем не покрывались.

Лепная керамика встречается очень редко. В основном это боковины сосудов или плоские невыразительные донья.

Яма № 3 не пререзает стен второго строительного горизонта, поэтому, очевидно, не может быть так уверенно отнесена к последнему строительному горизонту, как две предыдущие. Однако ее устье было зарегистрировано почти на одном уровне с устьями двух первых колодцев, это, а также полная идентичность материалов из заполнения с материалами ям № 1 и 2 дают право относить яму № 3 к тому же периоду — X—XII вв.

Керамический материал в этой яме представлен наибольшим количеством целых и восстанавливаемых форм.

Котлы значительных размеров, устье широкое, венчики двух типов: треугольные в сечении, лежащие прямо на плечиках (полное отсутствие шейки), и в виде небольшого валика — утолщения, также лежащего на плечиках. На плечиках — по две петлеобразных горизонтальных ручки, иногда с продольными каннелюрами. У основания ручек — по одному пальцевому вдавлению. Тесто с естественными примесями песка и слюды. Обжиг равномерный, розового цвета. Котлы покрывались светлым ангобом. Диаметр венчика — от 20 до 28 см, толщина стенки — 0,6—0,8 см.

Горшки с подшарообразным туловом, плавно переходящим в довольно высокую и широкую шейку. Венчик треугольный в сечении. Диаметр устья — 16 см, толщина стенки — 0,7 см.

Другой тип горшков, с таким же туловом, не имеет шейки, а венчик у них в виде небольшого бережка, с опущенным краем, лежит прямо на тулове. Диаметр устья — 20 см, толщина стенки — 1,0—1,2 см. Верхняя часть горшков этого типа украшена поясами зигзагообразных линий, нанесенных гребенкой. Тесто с естественными примесями песка и слюды. В качестве покрытия использовался светлый ангоб, иногда покрытие не употреблялось.

Чашки, как и в комплексах ям № 1 и 2, наиболее распространенный вид сосудов (3 целых экземпляра, 8 сохранившихся наполовину и 20 крупных выразительных фрагментов). Формы более разнообразные, чем в первых двух комплексах — их не менее четырех.

а) Чаша-пиала довольно глубокие, с покатыми боками, идущими резким раструбом кверху. Край иногда отмечен легким утолщением и незначительным загибом внутрь. На донце хорошо видны следы среза с площадки гончарного круга. Тесто с обычными для краснореченской керамики естественными примесями. Обжиг высокий, черепок розового и кремового цветов. Желтым или светло-красным ангобом покрыто около половины сосудов, на остальных — покрытия нет. Диаметр устья — 14,5—16 см, дна — 5,5—6,5 см, высота — 5,5—6,7 см, толщина стенки — 0,4—0,7 см.

б) Чашечки-кружки с почти вертикальными стенками, корпус их образует кверху незначительный раструб. В верхней части — изящная вертикальная петлеобразной формы ручка, не поднимающаяся над краем. Край утонченный и слегка отогнут наружу. У дна и на дне следы легкой подрезки с площадки круга. Тесто с обычными естественными примесями. Обжиг высокий. Из-за сплошного бадрабного налета нельзя говорить о наличии или отсутствии покрытия поверхностей. Диаметр устья — 9,5—10 см, дна — 6,5—7,0 см, высота — 4,5—5 см, толщина стенок — 0,3—0,5 см.

в) Чашечки-кружки со стенками, идущими от дна резким раструбом кверху. Край со значительным утолщением и отгибом наружу. В остальном эти кружки повторяют группу «а». Диаметр устья — 10 см, дна — 5 см, высота — 5,7 см, толщина стенки — 0,3—0,5 см.

г) Чашечки с одним или двумя перегибами стенок тулова. В первом случае стенки от дна идут резким раструбом на $\frac{2}{3}$ высоты, затем стенка делает перегиб и верхняя часть получает цилиндрическую форму. Край со слабым утолщением и слабым загибом внутрь. Во втором случае профиль стенок сложнее: от дна до половины высоты они идут со слабым наклоном наружу, после первого перегиба наклон резко увеличивается, в последней четверти высоты стенки выпрямляются почти до вертикального направления. Край срезан. Тесто без искусственных примесей. Обжиг высокий, черепок кремового цвета, без покрытия. Диаметр устья — 10—16 см, дна — 6—6,5 см, высота — 3,7—6,5 см, толщина стенки — 0,4—0,6 см.

Кувшины, как и во втором комплексе, делятся на две группы.

а) Узкогорлые водоносные кувшины с подшарообразным туловом и довольно массивной коленчатой вертикальной ручкой от края горловины до плечиков. Небольшой носик образован оттяжкой края горловины в сторону, противоположную ручке. Венчик горловины либо треугольный в сечении, либо в виде утолщения края с незначительным отгибом наружу. В глине естественные примеси. Обжиг высокий, черепок кремового цвета. Покрытие светлым ангобом или без него. Диаметр горловины — 4—4,5 см, высота — 7,5—8 см.

б) Широкогорлые кувшины с формой тулова, как у предыдущих. Ручки на внешней стороне имеют один или два выступа-гребешка. Горловина плавно переходит в тулово, верхняя часть которого (плечики) иногда украшалась гребенчатым орнаментом из сдвоенных горизонтальных линий, между которыми проходит волнообразный пояс. В каждом пояске — по четыре бороздки. Другой тип орнамента: между горизонтальными поясками два широких пояса из поставленных под углом углублений, сделанных крупной гребенкой. В глине естественные примеси; обжиг высокий, черепок розового цвета. Покрытие — светло-красный ангоб (или без покрытия). Диаметр горловины — 8—14 см, высота горловины — 6—6,5 см, толщина стенки — 0,6—0,8 см.

Светильники обнаружены только в этом колодце (яма № 3). Они представлены двумя группами:

а) Светильники с круглым резервуарчиком и сильно вытянутым носиком (широко распространенный тип). Петлеобразные ручки, поднимающиеся над краем светильника, с опорной площадкой в виде листа или без нее. В нашем комплексе есть экземпляры, покрытые толстым слоем непрозрачной зеленой поливы, и экземпляры без поливы, но с белым ангобом по залощенной поверхности. Поверхности резервуарчиков нарезаны каннелюрами, напоминающими резьбу по металлу. Диаметр устья — 3—4 см, резервуара — 4—7 см, высота — 3—4,5 см, длина носика — 4,5—8,5 см.

б) Светильники в виде неглубокой чашечки-плошки. На одном участке край оттянут в небольшой носик, на который и помещался верхний конец фитиля. Плошка на небольшом дисковидном поддончике. Тесто с естественными примесями. Обжиг высокий, черепок кремо-

вого цвета. Поверхность без покрытия. Диаметр устья — 13 см, дна — 5 см, высота — 4 см, толщина стенки — 0,4 см.

Ступкообразные сосуды представлены придонной частью лишь одного экземпляра. Поддон в виде толстого диска, выступающего за линию стенок тулова. По наружному краю поддона частые косые насечки, неглубокие, выполненные острой палочкой. Такие сосуды имели коническое тулово с плоским краем. Тесто с естественными примесями. Обжиг неполный, с серой полосой в толще розового черепка. Поверхности без покрытия. Диаметр дна — 10 см, толщина стенки — 1—1,2 см.

Хумы представлены незначительным количеством фрагментов: плоские донья, венчик в виде массивной широкой горизонтальной площадки. Серая глина с естественными примесями. Обжиг равномерный. Наружная поверхность покрыта серым ангобом.

Как и в яме № 2, подавляющая часть керамики изготовлена на гончарном круге. Большие сосуды (типа хумов, хумчей), а также узкогорлые водоносные кувшины формовались по частям. Остальные сосуды изготавливались в один прием. Ручки кувшинов, банок, чашек прилеплялись, края их замазывались.

Орнаментальное украшение посуды встречается очень редко. Основным типом орнамента является процарапанный, выполненный гребенкой, реже острой палочкой. Чаше всего это геометрический орнамент: 1) варианты процарапанных гребенкой сочетаний горизонтальных поясков с зигзагообразными и волнистыми; 2) только зигзагообразные или волнистые пояски, также сделанные гребенкой; 3) сочетания горизонтальных поясков со схематическими елочками, наколотыми гребенкой; 4) насечки-царапины на придонной части, сделанные палочкой.

В единичных случаях встречен орнамент из каннелюр на резервуарчике светильника, сделанный под резьбу по металлу.

Время, к которому относятся все три комплекса керамики из выгребных ям, определяется рядом факторов.

Нижняя хронологическая граница устанавливается тем обстоятельством, что две из трех ям прорезают стены второго и третьего строительных горизонтов. Следовательно, они могли быть выкопаны только в тот период, когда уже сооружение второго строительного горизонта (храмовый комплекс) было совершенно разрушено — иначе ямы не могли бы прорезать стены на всю их высоту. Вероятно, это было сделано в период существования последней по времени постройки в храме, относящейся к третьему строительному горизонту, раскопанной еще Семиреченской экспедицией и правильно отнесенной к XI—XII вв.

Общие признаки, которыми характеризуется керамика из выгребных ям, — почти полное изготовление глиняной посуды на гончарном круге, массовость и стандартность производства, схематичность орнаментального украшения были присущи только развитому ремесленному гончарному производству периода не ранее X в.

Сравнительное изучение керамики показывает, что наши комплексы имеют много аналогий в керамике X—XII вв. из ряда областей Средней Азии и Казахстана. Аналогичные краснореченским котлы из-

вестны в находках с городища Кюльбесхан в долине Чаткал³, поселений Таласской долины⁴, с городища Карабулак⁵ на юге Киргизии, в поздних слоях замка Ак-Тепе под Ташкентом⁶, в синхронных поселениях Северного Таджикистана⁷.

Кувшины, обильно представленные на Красной Речке, известны в находках с городищ Чуйской и Таласской долин Киргизии⁸, с городищ Древнего Узгена⁹, а также в Южном Казахстане¹⁰.

Горшки и горшкообразные сосуды встречены при раскопках поселений Северной¹¹ и Южной Киргизии¹², Ташкентского оазиса¹³ и Южного Казахстана¹⁴. Тагора имеют аналогии и параллели в комплексах керамики Северной и Южной Киргизии¹⁵, Южного Казахстана¹⁶ и Узбекистана¹⁷.

Для чаш, встреченных в очень большом количестве в краснореченских выгребных ямах, аналогий пока известно меньше, чем для остальных

³ Кибиров А. К. Археологические памятники Чаткала // Тр. КАЭЭ. — М., Л., 1959. Рис. 40. Т. 2. С. 56.

⁴ Кожемяко П. Н. Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. — Фрунзе, 1963. Табл. V; Бубнова М. А. Средневековое поселение Ак-Тобе I у с. Орловка. С. 142. Рис. 13 (13—17).

⁵ Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. — Фрунзе, 1962. С. 117, 121.

⁶ Тереножкин А. И. Холм Ак-Тепе близ Ташкента // Тр. ИИА АН УзССР. — Ташкент, 1948. Т. 1. С. 105. Рис. 12 (2—4).

⁷ Негматов Н., Зеймаль Е. В. Раскопки на Темирзян-Тепе // Изв. ООИ АН ТаджССР. — Душанбе, 1959. Вып. 1. С. 82. Рис. 9(6).

⁸ Чуйская долина... Табл. XXVIII, XXX; Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. — Фрунзе, 1959. С. 57. Табл. XV (1, 8—10); Он же. Оседлые поселения Таласской долины. Табл. V; Бубнова М. А. Средневековое поселение Ак-Тобе... Рис. 13(62—80).

⁹ Заднепровский Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. // Тр. КАЭЭ. — М., Л., 1960. Т. IV. С. 223. Рис. 47 (а, в).

¹⁰ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. — Алма-Ата, 1958. Т. 5. С. 188—189. Рис. 105; Археологические исследования на северных склонах Каратау // Тр. ИИАЭ. — Алма-Ата, 1962. Т. 14. С. 198. Рис. 61.

¹¹ Чуйская долина... Табл. XXIX (3, 4, 6); Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 57. Табл. 15 (1—6); Бубнова М. А. Средневековое поселение Ак-Тобе... Рис. 13 (28—29).

¹² Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. С. 114—115. Рис. 7—8.

¹³ Тереножкин А. И. Холм Ак-Тепе близ Ташкента... С. 108; Бураков Ю. Ф. Городище Минг-Урюк в Ташкенте // Тр. САГУ. Археология Средней Азии. Новая серия. — Ташкент, 1956. Вып. 81. Кн. 12. С. 128. Рис. 6.

¹⁴ Агеева Е. А., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана... С. 190. Рис. 106.

¹⁵ Кожемяко П. Н. Оседлые поселения Таласской долины... С. 155. Табл. III; Бубнова М. А. Средневековое поселение Ак-Тобе... С. 142. Рис. 13(54—61); Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. С. 116—120.

¹⁶ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений... С. 289, 191. Рис. 108.

¹⁷ Шишкина Г. В. Замок Бад-Асия // ИМКУ. — Ташкент, 1963. Вып. 4. С. 98—99. Рис. 6.

ных сосудов¹⁸. Баночной формы сосуды встречаются как на севере Киргизии¹⁹, так и на юге²⁰.

Очень близкие аналогии к краснореченским имеют поливные чаги, происходящие с городов, поселений, рудников и других памятников различных, в том числе и весьма отдаленных районов Средней Азии²¹.

Как видим, все категории посуды, встречающиеся в описанных комплексах керамики из ям раскопа I Краснореченского городища, имеют аналогии и параллели в керамике, известной на обширной территории Средней Азии. Соответствующие керамические комплексы, происходящие с различных поселений, относятся к одному и тому же периоду — конец X—XII в. включительно. Такая датировка устанавливается на основании сравнительного анализа большого количества стратиграфических наблюдений, данных монетного материала, памятников искусства и других предметов, найденных в тех же слоях, что и керамика. Керамические комплексы из краснореченских ям, несомненно, относятся к этому же времени. «Зажатые» в узкие хронологические рамки, определенные, в общем, непродолжительным использованием бадрабов, эти комплексы могут явиться в дальнейшем, при накоплении материалов, основой для более дробной датировки керамики в пределах X—XII вв.

Характеристика второго строительного горизонта — храмового комплекса VIII—IX вв. — на раскопе I приведена в отчете за 1961 г.²² Чтобы получить возможность продолжить изучение наслоений на этом холме, пришлось выполнить большой объем земляных работ по сносу стен храмового комплекса. Сделанная при этом расчистка оснований стен храма показала, что он стоял на очень плотной платформе (толщина ее до 51 см), перекрывавшей нижний строительный горизонт.

Вещественный материал, зарегистрированный при снятии остатков стен и полов храмового комплекса, дал возможность определить время его сооружения и предварительно наметить период его бытования.

Под полами храма, основаниями его стен, а также в толще глиняной платформы, сооруженной в качестве своеобразного фундамента

¹⁸ Чуйская долина... Табл. XXI; Бубнова М. А. Средневековое поселение Ак-Тобе... С. 142. Рис. 13 (102—119).

¹⁹ Чуйская долина... Табл. XXIX; Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... Табл. XV.

²⁰ Заднепровский Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии. С. 223. Рис. 47.

²¹ Бернштам А. Н. Памятники старины Таласской долины. — Алма-Ата, 1941, С. 52; Чуйская долина... Табл. XXXII; Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. — М., Л., 1952. № 26. С. 165; Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 64. Табл. XVII; Археологические исследования на северных склонах Кара-Тау... С. 144; Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. С. 119, 121; Заднепровский Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии... С. 232. Рис. 54; Тереножкин А. И. Холм Ак-Тепе близ Ташкента. С. 11; Давидович Е. А. Раскопки замка Кала-и Боло // Тр. ТАСЭ. — М., Л., 1958. Т. 3. № 66. С. 89—90. Рис. 15 (3, 4).

²² См. наст. работу. С. 18—21.

храмовой постройки, найдено несколько групп монет тюргешского типа. В квадрате Н-9 под основанием восточной стены западной галереи храма обнаружен клад из 17 тюргешских монет. В квадрате Н-10, под восточным пилоном входа в западную обходную галерею, обнаружено две тюргешские монеты. В толще глиняной платформы, в квадрате Н-11, также найдена тюргешская монета. Наконец, в квадрате О-10, под основанием западного пилона входа в западную обходную галерею, найдено 2 тюргешские монеты.

Возможно, что находки большинства монет под основаниями стен были связаны с каким-то обрядом, совершавшимся при закладке здания.

Принято считать, что тюргешские монеты начали выпускаться после установления гегемонии племенной конфедерации тюргешей в 711 г. Находка клада и небольших групп монет свидетельствуют о том, что тюргешские монеты во время сооружения храма уже достаточно широко обращались. Это дает право помещать нижнюю хронологическую границу сооружения храма не ранее 20-х годов VIII в.

Верхняя хронологическая граница существования храмовой постройки определяется по монетным данным весьма приближенно. Дело в том, что тюргешские монеты (как и монеты, выпускавшиеся от имени тюргешских каганов, и так называемые «монеты тюргешского круга», по-видимому, эмиссии удельных правителей), как это неоднократно отмечалось исследователями, были в обращении вплоть до появления первых монет караханидских ханов во второй половине X в.²³

Есть ли другие данные, которые можно было бы использовать для установления времени жизни храма?

Керамических и других изделий на полах и суфах храмового комплекса встречено очень мало. Это объясняется тем общеизвестным фактом, что в культовых и других общественных постройках, как правило, отсутствует или весьма скуден бытовой инвентарь, являющийся одним из основных датирующих материалов.

Достаточно четко прослежена планировка сооружения. Общая планировочная идея его имеет аналогии в двух буддийских храмах городища Ак-Бешим²⁴. Однако у Краснореченского храма есть свои особенности, прежде всего ориентировка углами по странам света. Через проход в западной стене храм соединен с дополнительным сооружением из двух комнат. Основной зал для богослужения не имел южной стены, т. е. он был «открытого» типа. Открытой была и одна из комнат западной пристройки. Это своеобразие планировки Краснореченского

²³ Бернштам А. Н. Тюргешские монеты // ТОВЭ. — Л., 1940. Т. 2. С. 10; Смирнова О. И., Шербак А. М. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (Киргизская ССР) в 1953—1954 гг. // Учен. записки Института востоковедения АН СССР. — М., Л., 1958. Т. XVI. С. 514—561.

²⁴ Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим... С. 165—198; Зяблин Л. П. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. С. 4—27.

храма объясняется, вероятно, тем, что он относится к более позднему времени, чем Ак-Бешимские храмы, архитектурные каноны буддийского зодчества к этому времени подверглись более глубокому местному влиянию.

Настенные росписи храма, зарегистрированные при раскопках 1940 г. и в наших работах, также относятся к VIII—X вв.²⁵

В 1962—1963 гг. был расчищен и третий строительный горизонт. Здесь оказались прекрасной сохранности остатки нижнего этажа монументального замкового сооружения. Они открылись сразу же под сплошной глиняной платформой, служившей «фундаментом» храмовому сооружению. Расчисткой замка выяснено, что все его помещения были засыпаны и утрамбованы до уровня, на который сохранились стены, а затем перекрыты упоминавшейся платформой.

Лессовый суглинок засыпки и забутовки содержал очень мало вещественного материала. В нем изредка встречались фрагменты керамики и обломки обожженного кирпича. Было всего два случая находки монет тюркешского типа в верхних слоях забутовки западных комнат. На полях помещений замка вещественных материалов не обнаружено. Это свидетельствует о том, что в истории существования этого сооружения был период запустения, когда оно было целиком покинуто.

Планировка замка следующая. Он прямоугольный, ориентированный углами по странам света, периметр его образуют мощные глинобитные стены толщиной 6,7 м. На трех углах замка, кроме южного, обращенного во двор усадьбы, монолитные башни трех- и пятигранных очертаний, выступающие за линию стен на 2,8 м. Размер прямоугольника по ЮЗ—СВ—32,7 м, по СЗ—ЮВ—30 м. Внутри него стенами шириной 2,3—2,8 м, сложенными из сырцового кирпича размерами 48×24×10 см, образована система помещений. По центральной линии с СВ на ЮВ на всю внутреннюю длину прямоугольника (16,5 м) проходит коридор шириной 2,1 м. По обеим сторонам коридора, перпендикулярно его длинной оси, расположено по четыре узких (2,1—2,4 м) и длинных (5,8 м) комнаты. Внутренние поверхности внешних глинобитных стен хорошо оштукатурены, они имеют глубокие надрезы, правильно расположенные линии которых образуют рисунок, воспроизводящий кладку большими пахсовыми блоками. Надрезы делались не только для декоративного украшения, но и для того, чтобы большая толща глинобитных стен при высыхании не давала сетки трещин и не уменьшала бы их прочность. Внутренние стены, сложенные из сырцового кирпича, не были оштукатурены. На каждой из них в центре полуциркульная арка. В настоящее время нельзя с полной уверенностью сказать, были это арочные проемы из комнаты в комнату, или архитектурно-декоративные украшения плоскостей стен. Для окончательного ответа на этот вопрос необходимо выполнить большие по объему работы по разборке арочных заполнений и стен в местах их стыков. Однако есть

²⁵ Бернштам А. Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. 1949, XI. С. 375.

основания считать, что это все же были только декоративные арки. В них при очень хорошей сохранности поверхностей стен видны только дуги арок, выложенные кирпичом, поставленным наклонно. Ничем не обозначены пята арок, отсутствуют какие бы то ни было признаки вертикальных отрезков дверных проемов, начинающихся ниже пят. Сырцовую кладку ниже линии окончания дуг арок никак нельзя считать замуровкой дверных проемов: горизонтальные ряды кладки не прерываются, в некоторых случаях длинные стороны кирпичей пересекают ту точку, где должна была бы проходить вертикальная линия дверного проема. На всех плоскостях стен, образующих коридор, выложено по три арки. Все они закрыты торцами стен, образующих комнаты, так что видны только небольшие боковые участки. Столь своеобразное положение арок в местах, где наиболее вероятны выходы в коридор, является одним из аргументов, подтверждающих их декоративный характер.

Остается сказать о наружном входе в замок. Плоскости внешних, глинобитных, стен замка внутри помещений расчищены на всем их протяжении. Они прекрасно сохранились. Тем не менее мы нигде не обнаружили хотя бы признаков дверного проема. Наиболее вероятное их местонахождение — это «торцовые» стены коридора, но там в обоих случаях мы встретились с хорошо оштукатуренными поверхностями; расчистка внешнего обвода в этих точках также не выявила входов. Следовательно, мы можем утверждать, что извне в нижней части замка входа не было.

Это обстоятельство приводит к выводу о существовании в замке второго этажа, а также пандуса или перекидного мостика от какого-то сооружения, стоявшего в отдалении от замка, по которому входили наверх. Только так можно объяснить отсутствие наружного входа. Аналогии этому способу сообщения замковых сооружений с внешним миром известны в ряде районов Средней Азии античной и раннефеодальной поры. Пандусы были в замках Джильдык-Кала²⁶ в Хорезме и Большая Бегим-Кала в Мервском оазисе²⁷; перекидные мостики — в хорезмийских замках Якке-Парсан и Тешик-Кала²⁸.

Из приведенных выше данных о Краснореченском замке видно, что вещественных материалов для его датировки пока недостаточно. Так, все материалы из забутовки (монеты, обожженный кирпич, керамика) свидетельствуют о верхней границе существования постройки. О нижней же границе, т. е. о времени сооружения, можно судить только на основании сравнительного изучения его архитектурно-планировочных основ. Поскольку время запустения и перестройки замка определяется началом VIII в., то аналогии и параллели нашему сооружению надо искать среди памятников, относящихся к более раннему времени. Хо-

²⁶ Толстов С. П. Древний Хорезм. — М., 1948. С. 117. Рис. 56.

²⁷ Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Тр. ЮТАКЭ. — М., 1958. Т. VI. С. 133.

²⁸ Толстов С. П. Древний Хорезм. С. 125. Рис. 70; С. 138. Табл. 40.

рошо датированный и принципиально сходный по планировке замок был раскопан в 1933 г. на горе Муг в Таджикистане²⁹. В 1933 и 1940 гг. Семиреченской экспедицией был вскрыт замок, почти идентичный по планировке и строительной технике описываемому замку. Он датирован V—VII вв.³⁰ Это дает право относить и второй Краснореченский замок к V—VIII вв.

Работы на раскопе I не закончены. Наиболее трудоемкая часть работ предстоит при изучении большого двора, примыкающего к южной и западной сторонам замка. Необходимо продолжить расчистку внешнего обвода замка. Для окончательного выяснения характера арок следует произвести разборку внутренних поверхностей их. Нужно также изучить места стыков глинобитных и сырцовых стен для ответа на вопрос, одновременно они сооружались или в различное время.

РАСКОП II

В 1961 г. на этом объекте было вскрыто коридорообразное помещение в западной части холма, в котором на высокой лежанке-суфе находилась гигантская скульптура лежащего Будды, вылепленная из глины. В южном конце этого коридора наметился поворот и начало второго южного коридорообразного помещения. В последнем были обнаружены признаки, говорящие о том, что здесь сохранилась штукатурка со стеной росписью. Отсутствие возможностей для ведения реставрационных работ вынудило прекратить раскопки и законсервировать объект, приняв меры по предохранению скульптуры и росписей от атмосферных осадков³¹.

В 1962 г. для продолжения работ на этом объекте была приглашена группа реставраторов Государственного Эрмитажа под руководством П. И. Кострова. Западное коридорообразное помещение было вновь открыто. Скульптура подверглась очистке и пропитке закрепляющими составами, была разделена на части и снята. В расчлененном виде она была отправлена в Эрмитаж для дальнейших реставрационных работ. Сложные операции по консервации и снятию скульптуры заняли почти весь полевой сезон. Только в конце его с помощью реставраторов была предпринята расчистка южного коридора.

Здесь поверхность стен оказалась в лучшем состоянии. На внешней стене этого коридора сохранились остатки живописи — нижняя часть человеческой фигуры. К сожалению, стенопись в южном коридоре

²⁹ Васильев А. И. Согдийский замок на горе Муг // Согдийский сборник. — Л., 1934. С. 18—32. Фиг. 3 и 4.

³⁰ Чуйская долина... С. 15—16, 27—28, 30—36. Табл. XV.

³¹ Кожемяко П. Н. Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 г. // Фонды Отд. общ. наук АН КиргССР. Инв. № 5114. С. 26—30; см. также наст. работу. С. 22—24.

ре очень плохой сохранности. Фигура человека из-за разрушения слоев краски, а также плотных кальцинированных налетов едва различима. Разрушения усугублены корневой системой растений, образовавшей целый ковер между плоскостью стены и завалом.

Небольшие фрагменты росписей, упавшие со стен, были расчищены в завалах коридора. Сохранность нескольких фрагментов позволяет говорить о характере росписей.

1. На значительном по размерам куске стены внизу — широкое, красного цвета поле, далее — на сером фоне желтые языки пламени, как бы выходящие из красного поля, выше — четыре чередующиеся узкие полосы: красная, серая, голубая и желтая.

2. Меньший по размерам кусок разделен на два сектора: справа — желтовато-красные геометрические фигуры и стилизованные листья растений; слева — на сером фоне желтой краской изображен сосуд кувшинообразной формы на высоком поддоне с двумя петлеобразными ручками, расположенными вертикально. Горловина широкая, небольшой высоты. Венчик выражен широкой дисковидной площадкой, стоящей под прямым углом к горловине.

3. Часть росписи с плохо сохранившимися красками красного и белого цветов, но на ней отчетливо видна надпись согдийским курсивом, нанесенная черной краской.

4. Значительный кусок с тремя участками различных цветов. На красном и желтом фоне сюжет изображения плохо различим. На голубом фоне изображен цветок с двумя бутонами. Стебель и листья выполнены серой краской, бутоны — красной, коричневой и розовой.

5. Маленький фрагмент росписи. На одном участке по серому фону коричневой краской нанесены волнообразные линии. На втором — по светло-серому фону сиреневой краской изображен контур цветка: в центре — два концентрических кружка, закрашенных желтой краской, затем — розетка из одиннадцати мелких лепестков, далее — розетка из восьми более крупных лепестков.

Вид цветков трудно определить до полной реставрации; возможно, это была стилизация наиболее распространенных цветов.

Расчищенные участки стенописи были подвергнуты закреплению, частичной реставрации, а затем сняты в специальные формы (как и скульптура) для последующей камеральной обработки.

В связи с тем, что срок полевых работ подходил к концу, дальнейшие работы по вскрытию южного коридора были прекращены, и объект подвергнут консервации: вся вскрытая площадь была вновь засыпана до первоначальных высотных отметок.

В 1963 г. группа реставраторов Эрмитажа выехать для продолжения работ на Краснореченском городище не смогла.

Таким образом, окончание работ на раскопе II, открывших чрезвычайно интересный памятник культуры далекого прошлого Киргизстана, отодвигается³². От сравнительного изучения небольших по площа-

³² О продолжении раскопок на объекте см. наст. работу. С. 73—75.

ди фрагментов росписей и живописи, открытых до сих пор, приходится воздерживаться из-за их плохого состояния. Первоначальный вид сохранившихся участков может быть восстановлен кропотливыми реставрационными работами, после чего можно будет начать их изучение, сравнивая с богатыми росписями памятников Средней Азии (в Пенджикенте, Варахше, Балалык-Тепе и других), а также сопредельных стран.

◆ РАСКОП III ◆

В 1962 г. работы на объекте были завершены, все культурные напластования сняты до материка, так что появилась возможность судить о раскопе в целом.

Вся культурная толща может быть разделена на три строительных периода: 1) верхний, с хорошо сохранившимися нижними частями стен и полами помещений; 2) средний, с плохо сохранившимися остатками строительных сооружений — оснований стен и отдельных участков полов; 3) нижний, без строительных остатков.

В 1961 г. на этом объекте был полностью вскрыт первый строительный горизонт, который достаточно четко датируется XI—XII вв. — караханидским периодом. Основанием для датировки служит обильный керамический материал, монеты, имеющие четкую стратиграфию, а также строительная техника. В первом строительном горизонте расчищено 8 помещений и один переходный коридор, залегающие на глубине 1,5—1,6 м³³.

При снятии полов помещений первого строительного горизонта выяснилось, что под первым полом находилась подсыпка толщиной в 10 см, под ним — второй земляной пол. При снятии стен этого горизонта оказалось, что основания большинства их находились на уровне второго пола и несколько ниже. Три стены уходят во второй строительный горизонт. Вероятно, они были сооружены во втором горизонте, а в третьем были надстроены. Это обстоятельство говорит о прямой преемственности культурных наслоений первого и второго горизонтов.

Второй строительный горизонт зафиксирован по остаткам нескольких глинобитных стен и большим участкам пола.

Однако сохранность стен плохая, причем расчищены стены, идущие преимущественно в одном направлении — с северо-востока на юго-запад. Поэтому для второго строительного горизонта мы почти ничего не знаем о размерах помещений и характере планировки.

³³ Кожееяко П. Н. Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 году // Фонды Отд. общ. наук АН КиргССР. Инв. № 5114 (см. наст. работу. С. 9—16).

Стен, которые были использованы и в верхнем строительном горизонте, — три. Стена-1 тянется с северо-востока на юго-запад через весь раскоп от квадрата П-14 до Л-21. На уровне третьего строительного горизонта она была надстроена в северном конце и являлась стеной помещений № 2 и 3. На глубине 2,1 м длинная стена расширяется на 15—20 см в западную сторону. Это расширение является или следом еще одной, наиболее ранней, надстройки стены, или границей подушки-фундамента, положенной при закладке стены на рыхлые подстилающие слои. Ширина стены-1 достигает 1,5 м сохранившаяся высота — 0,9—1,0 м.

Вторая стена среднего горизонта (в квадратах П-16 и 17) начинается от стены-1, но вскоре уходит под восточный обрез раскопа, поэтому она расчищена всего на протяжении 2,6 м. Ее ширина несколько меньше стены-1—1,35 м, сохранившаяся высота — 0,9—1,0 м. Она также была надстроена в верхнем строительном горизонте, где разделяла помещения № 3 и 4.

Третья стена, существовавшая и в верхнем, и в среднем строительном горизонте, находится в северо-западном углу раскопа в квадратах Л-14, К-14—16. В комплексе сооружений верхнего строительного горизонта она относилась к помещениям № 1 и 4. Стена глинобитная шириной 0,95 м, во втором горизонте она имеет высоту (как и стена-1) 0,9—1,0 м. Вдоль западной плоскости стены № 3 был обнаружен отрезок трубопровода, состоящий из восьми труб (целых и фрагментированных), общей длиной 25—30 см с раструбом на одном конце, служившим для соединения. Трубопровод обложен кусками обожженного кирпича; концы его уходят под западный и северный обрезы раскопа, поэтому судить о его общей протяженности и назначении пока невозможно.

На отметке 1,9 м на большей части раскопа между стенами-1 и 3 расчищен пол второго строительного горизонта, представляющий поверхность из плотно утрамбованной земли желтого цвета, отслаивающейся небольшими пластинками, толщина пола достигает 40 см. Под полом рыхлая засыпь, в которую на 20—30 см опущены основания стен.

Таким образом, нижняя граница второго строительного горизонта проходит на глубине 2,5—2,6 м, т. е. на 1,0 м ниже границы верхнего горизонта.

К востоку от стены-1 пол второго строительного горизонта наиболее четко прослеживается в западной части раскопа. Вероятно, это объясняется частыми перестройками, которые здесь производились. О них, в частности, свидетельствуют количество и система расположения стен.

Здесь, кроме описанной выше стены-2, все остатки сооружений относятся только ко второму горизонту.

Стена-4 (в квадратах П-20, О-19 и 20) зачищена только по одной плоскости (северной), вторая плоскость не обнаружена. Как и стена-2, она начинается от первой стены и идет перпендикулярно ей

к востоку. Ее продолжение уходит под восточный обрез раскопа. Плохая сохранность не позволяет говорить о ее ширине, сохранившаяся высота — 0,5 м.

Стена-5 (в квадратах П-18, 19—20) расчищена отрезком протяженностью 3,6 м. Она начинается от стены-4 и идет параллельно первой стене. Ее ширина — 1,5 м, сохранившаяся высота — 0,6 м. В северном конце стена обрывается, вероятно, потому, что здесь ее прорезают две ямы.

Между стенами-2 и 4 проходит узкий (0,3 м) простенок длиной 6,2 м. От него к стене-1 отходит короткий (0,75 м) простенок такой же ширины. Они образуют вдоль стены-1 два помещения размерами 0,75 x 4,8 м и 0,75 x 1,5 м, которые, скорее всего, являлись хозяйственными пристройками или результатами какой-то перепланировки. Других помещений во втором строительном горизонте мы не знаем.

Основания стен-4 и 5 и обоих простенков стоят на отметке 2,3—2,4 м, т. е. почти на грани второго строительного горизонта.

Наслоения второго строительного горизонта в основном составлены глиняными завалами желтого цвета с включением битого сырцового кирпича и кусков рушеной пахсы. Реже встречались такой же фактуры плотные затеки; совсем редко отмечались темно-серые небольшие по площади зольники толщиной до 35—40 см. В квадрате К-14 расчищена площадка 60 x 50 см, частично уходящая под северный обрез раскопа, вымощенная обожженным кирпичом, лежащим в два слоя. Наиболее частые размеры кирпичей: 36 x 16 x 4 см, 29 x 18 x 3 см, 30 x 20 x 3 см.

Второй строительный горизонт насыщен большим количеством керамики. Здесь найдено и большое число тюркешских монет.

Прежде чем перейти к характеристике находок среднего строительного горизонта, необходимо отметить следующее обстоятельство. Как было сказано выше, от строительных сооружений в нем сохранились основания нескольких капитальных стен, которые были использованы как фундаменты для построек верхнего горизонта. Остальные стены были разрушены до основания. Исходя из этого, можно было предполагать значительную перемешанность культурных наслоений среднего и верхнего горизонтов. Но учитывая, что монетный материал этих горизонтов делится очень четко (тюркешские монеты для среднего и караханидские для верхнего), можно считать, что разрушение построек среднего горизонта было одновременным и, скорее всего, произошло в период возведения сооружений последнего горизонта, так что перемешанности слоев в сколько-нибудь значительных масштабах не было.

Об этом свидетельствует керамический материал и, в частности, тот факт, что в среднем горизонте обнаружены лишь единичные фрагменты низкокачественной поливной посуды, которая появляется в Чуйской долине на рубеже IX—X вв.

В среднем горизонте встречается и лепная, и станковая керамика, причем почти в равной пропорции. Среди лепной отмечены следующие ведущие формы:

Кувшины с узкой (4—5 см) высокой (до 20 см) горловиной и колечатой ручкой от венчика до плечиков, а также кувшины другого вида, отличающиеся более широкой (7—8 см) и низкой (до 10 см) горловиной. Аналогии им известны в других поселениях Чуйской³⁴ и Таласской долин³⁵.

Горшкообразные сосуды делятся на две группы: открытые горшки с вытянутым туловом и горшки шаровидные. На тех и других ручки различных видов: глухие полулунные и прямые с нарезками под витые, с пальцевыми вмятинами и насечками, петлеобразные горизонтальные. Аналогии — в Чуйской долине³⁶ и Южном Казахстане³⁷.

Чашы с прямыми или наклонными стенками и плоским дном. Венчики выражены односторонним или двусторонним утолщением. Диаметр по верху — до 26 см, дна — 7—10 см. Аналогии в Чуйской и Таласской долинах³⁸, Южном Казахстане³⁹, Согде⁴⁰.

Крышки для сосудов встречаются плоские, конические и вогнутые, различных диаметров. Они богато украшены резьбой по внешней поверхности. Сюжет резьбы геометрический и стилизованный растительный. Чрезвычайно разнообразны по оформлению ручки крышек: округлые с шишечками, раздвоенные сверху, усеянные мелкими шишечками, увенчанные стилизованными фигурками животных и птиц. Аналогии им широко представлены в Киргизии⁴¹, Южном Казахстане⁴², Узбекистане⁴³.

Столики для еды — дастарханы — на ножках и на круглых полых подставках. Нижняя поверхность сплошь украшена врезным орнаментом. Такие столики широко известны по памятникам Киргизии⁴⁴.

Керамика, изготовленная на гончарном круге, представлена большим числом форм, чем лепная, со значительными отличиями внутри форм. Общий облик керамики говорит о том, что она являлась продуктом ремесленного производства.

³⁴ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 40. Табл. V.

³⁵ Бубнова М. А. Средневековое поселение Ак-Тобе... С. 141. Рис. 9 (33—41, 46—49)

³⁶ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 40. Табл. VI.

³⁷ Археологические исследования на южных склонах Кара-Тау... С. 198. Рис. 56.

³⁸ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения...; Бубнова М. А. Средневековое поселение Ак-Тобе... С. 141. Рис. 9, 50—54.

³⁹ Археологические исследования на южных склонах Кара-Тау... С. 196. Рис. 57.

⁴⁰ Маршак Б. И. Влияние горевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв. Культура и искусство народов Востока // ТГЭ. — Л., 1961. Т. 5, С. 181. Табл. 2 (2, 3, 5, 13, 15, 18).

⁴¹ Чуйская долина... Табл. XXV, VII, IX; Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 40, 42. Табл. VII.

⁴² Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений... С. 177—178. Рис. 95—97.

⁴³ Дьяконов М. М. Керамика Пайкенда // КСИМК. Вып. XXVIII. — М., 1949. С. 91—92.

⁴⁴ Чуйская долина... С. 129—130. Табл. XXI—XXIV; Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 42—44. Табл. VII. (В 1983 г. на Ивановском городище В. Д. Горячевой был найден дастархан с вырезанной до обжига краткой согдийской надписью: *к'р* (менее вероятно *β' р*), что можно понять как «держи!» — пожелание для сидящих за столиком для еды. — *Ред.*).

Кувшины. Большое число среди них составляют узкогорлые с колеччатой ручкой от венчика до плечиков. Они разнятся размерами горловин, формами тулова. Существенной особенностью узкогорлых кувшинов является наличие слива — либо в виде небольшого смятия края, либо специально сформованного длинного носика-слива. Отдельную группу составляют широкогорлые кувшины без ручек. Аналогии станковым кувшинам широко известны в Северной Киргизии⁴⁵.

Горшкообразные сосуды в основном тех же форм, что и лепные. Среди них отмечаются два вида — открытые горшки с широким устьем без венчика и горшки с низкой широкой горловиной. Ручки полулунные, глухие и петлеобразные, вертикальные и горизонтальные. Сходные формы происходят с поселений Чуйской и Таласской долин⁴⁶.

Баночной формы сосуды появляются впервые в это время, но их расцвет относится к следующему периоду. На данном этапе они еще имеют форму переходную от горшкообразных сосудов к баночным X—XII вв. Диаметр устья и дна — 8—10 см, корпуса — до 12 см, высота — 10—15 см. Аналогии известны в Чуйской долине⁴⁷.

Чаши небольших размеров и изящного оформления принадлежали к столовой посуде. Они еще без поддона, на плоском дне, с петлеобразными вертикальными ручками или без них. Диаметр — 7,0—15 см, высота 4—15 см. Аналогии — в Чуйской и Таласской долинах⁴⁸.

Тагора. Эти чаши-лохани могли служить для различных хозяйственных нужд. Их форма — перевернутый усеченный конус. Дно плоское, массивный венчик выражен утолщением края наружу или двусторонним утолщением. По горизонтальной площадке венчика — волнистая линия, сделанная гребенкой. Аналогии — в Северной Киргизии и Узбекистане⁴⁹.

Дастарханы отличаются от лепных правильностью форм диска и круговой подставки, тщательностью отделки рабочей поверхности. Тыльная сторона также богато украшена врезным орнаментом, размеры такие же, как у лепных.

Светильники-чираги с цилиндрическим резервуаром и сильно вытянутым носиком впервые появляются в этот период, обычно они без поливы, редко — с поливой.

Поливная керамика найдена в незначительных количествах. Это подтверждают наблюдения за керамикой других поселений Киргизии⁵⁰

⁴⁵ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 40, 46. Табл. X; Бубнова М. А. Средневековое поселение Ак-Тобе... С. 141. Рис. 9, 133—151.

⁴⁶ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 48. Табл. X; Бубнова М. А. Средневековое поселение Ак-Тобе... С. 141. Рис. 9, 27—38.

⁴⁷ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 50. Табл. XII.

⁴⁸ Там же. С. 48—50. Табл. XI; Бубнова М. А. Средневековое поселение Ак-Тобе... С. 141. Рис. 9 (50—54).

⁴⁹ Шишкина Г. В. Замок Бад-Асия/ИМКУ. — Ташкент, 1963. Вып. 4. С. 98—99. Рис. 6; Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 50. Табл. XI.

⁵⁰ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 61.

и Казахстана⁵¹, где в этот период поливная керамика отмечена единичными экземплярами. Сама полива еще очень невысокого качества, мутно-белая, с многочисленными пузырями.

Достаточно широкий круг аналогий почти для всех обнаруженных форм лепной и гончарной керамики, который приведен выше, служит основанием для датировки этого строительного горизонта VIII—X вв.

Третий строительный горизонт не имеет никаких остатков сооружений. Он составлен плотными глинисто-золистыми напластованиями, которые подстилали основания стен среднего горизонта и располагались непосредственно на материке. Его толщина значительно варьирует в разных пунктах раскопа, что зависит от рельефа материка. Как выяснилось после снятия всех культурных наслоений, поверхность желтых материковых лессовых суглинков у середины восточного обреза раскопа залегает на глубине всего 2,0 м; к югу и северу от этого пункта она опускается до глубины 2,4—2,7 м, а вдоль всего северного обреза и северной части западного обреза раскопа материковые суглинки зарегистрированы на глубине 3,5 м. Кроме того, вдоль северного обреза раскопа расчищено несколько мощных зольников, углубляющихся в материк на 4,5—4,8 м. Вероятно, в момент первоначального заселения площадь, вскрытая раскопом III, была свободна от застройки. Ее неровность может быть объяснена либо естественным состоянием, либо выборкой лессовых суглинков для возведения построек в непосредственной близости, о чем довольно ясно говорят большие, неправильных очертаний ямы зольников. Культурный слой этого горизонта, превышающий 1,0 м, отложился как результат существования в непосредственной близости городских жилых построек. Слой густо насыщен керамикой, костями животных и другими предметами.

Прежде чем перейти к характеристике вещественных материалов из нижнего горизонта и его датировке, следует сказать об одном важном обстоятельстве в сложении культурного слоя этого периода.

Как уже говорилось, в нижнем горизонте совершенно отсутствуют строительные остатки, вследствие этого стратиграфически нельзя выделить какие-либо стадии в процессе его образования. Находки из этого горизонта относятся к периоду с VI по VIII в. Наиболее уверенно датируемые предметы, в том числе монеты и керамические формы, имеющие близкие аналогии в керамике других поселений Северной Киргизии и сопредельных с Киргизией районах Средней Азии, расположены так, что предметы VI в. встречаются вместе с предметами VIII в. Есть случаи, когда более поздние вещи находились ниже ранних.

Наиболее вероятным кажется предположение, что вскрытая раскопом III площадь в VI—VIII вв. была свободна от застройки. Накапливавшиеся здесь культурные наслоения за счет отходов домашнего хозяйства (много костей животных, битой керамики и золы) ничем не фиксировались (стерильные прослойки, полы и стены построек) и, следовательно, могли на протяжении всего этого периода подвергаться пе-

⁵¹ Археологические исследования на северных склонах Кара-Тау... С. 196.

ремещениям. Так можно объяснить перемешанность находок, относящихся к разным хронологическим периодам.

Как видно из сказанного выше, мы вынуждены датировать третий строительный горизонт без стратиграфических данных, только на основании вещественных материалов. Наиболее четко время его существования может быть установлено по результатам изучения монет и керамических изделий.

Монеты. При анализе раскопочных данных верхнего строительного горизонта было отмечено, что в нем встречались только монеты караханидских илеков. Это было одним из оснований датировать верхний горизонт X—XII вв.

В более раннем монетном материале представлены четыре группы монет:

1. Монеты китайской династии Тан.
2. Тюргешские монеты.
3. Монеты «тюргешского круга».
4. Очень мелкие монеты типа тюргешских, но без надписей на обеих сторонах.

Весь докараханидский монетный материал из раскопок 1961—1962 гг. на Краснореченском городище находится на определении у О. И. Смирновой. Мы получили ее предварительное заключение, основанное на изучении монет, полученных при предшествующих нашим раскопкам поселений Чуйской долины.

Китайские монеты, зарегистрированные на территории Северной Киргизии, относятся в основном к эмиссии династии Тан.

Один из типов китайских монет на лицевой стороне имеет надпись «Кай-юань тун-бао» («Разменная монета Кай-юань»). Обратная сторона гладкая, без отличий. Монеты с такими надписями, по данным О. И. Смирновой, впервые появились в 621 г., но выпускались несколько раз и после этой даты, вплоть до конца правления династии Тан (907 г.).

Другой тип танских монет на лицевой стороне имеет надпись «Дали юань-бао». Обратная сторона также гладкая. Монеты с такой легендой выпускались в 769 г.

На лицевой стороне третьего типа танских монет помещена легенда «Цянь-юань чжун-бао». Обратная сторона и здесь гладкая. Годы девиза правления «Цянь-юань» падают на период с 758 по 760 г.

Как видим, изученные специалистами китайские монеты, встречающиеся на чуйских городищах, относятся к танским эмиссиям разных лет (с 621 по 907 г.)⁵².

Китайские монеты, происходящие из раскопа III Краснореченского городища, относятся, по предварительному определению О. И. Смирновой, к этому же периоду.

⁵² Смирнова О. И. О классификации и легендах тюргешских монет // Учен. зап. Института Востоковедения. — М., Л., 1958. Т. XVI. С. 528—529.

Наибольшую долю в докараханидском монетном материале составляет местный чекан. Он представлен, как уже упоминалось, четырьмя типами монет. Три из них имеют медный (или бронзовый) кружок, внешне похожий на танские монеты: в центре квадратное отверстие, окаймленное бортиком (рамкой), по краю также проходит бортик.

Первый тип монет имеет на оборотной стороне надпись: «Божественного тюргеш-кагана деньга»⁵³, исполненную согдийским письмом на согдийском языке. На лицевой стороне помещено изображение лука (тамга?). Подобные монеты хорошо известны и датируются временем существования тюргешского каганата (711—756 гг.).

Второй тип монет имеет на оборотной стороне ту же надпись, что и предыдущий, а на лицевой — лирообразный знак (тамга) и надпись из двух слов — возможно, имя (удельного?) правителя или его титул — «государь» (быть может, первое слово — это не имя собственное, а «нисба» — прилагательное от названия местности или племени)⁵⁴.

У третьего типа монет одна сторона гладкая, на второй — расположен знак (тамга) в иных вариантах, чем на втором типе. Сопроводительная надпись по содержанию сходна с легендой из двух слов на предыдущем типе⁵⁵.

О. И. Смирнова, анализируя сопроводительные надписи к лирообразным знакам (тамгам) этих двух типов монет, отмечает, что «государь», упоминаемый в них, хорошо известен по письменным источникам как титул согдийских князей, а не тюркских. Сами тюрки этого титула не применяли. Это дает право считать, что монеты с этим титулом выпускались не от имени тюркских владетелей, а от имени согдийских. Поэтому называть тюргешскими монеты, принадлежащие к данным типам, строго говоря, не следует. Но поскольку легенды на первом типе бесспорно упоминают тюргешских каганов, мы вправе определить второй и третий типы как монеты круга тюргешских⁵⁶.

Приведенные О. И. Смирновой и другими исследователями сравнительные данные о технике изготовления этого типа монет, а также стратиграфия их залегания в культурных слоях Ак-Бешимского городища дают право относить эти два типа монет к VII в.⁵⁷

⁵³ По мнению В. А. Лившица, более точный перевод легенды на лицевой стороне монет тюргешских каганов гласит: «Господин тюргешский каган. Деньга». Заслуживает внимания то, что на этом типе тюргешских монет имя кагана всегда отсутствует. Сходным образом нет имен собственных и на монетах с титулом каган (в согдийской передаче $y' y' n$), выпускавшихся в VII — начале VIII в. в Самаркандском Согде и в Чаче (чачские монеты этого типа еще не изданы). На так называемых «монетах тюргешского круга» имя кагана встречается только на одном типе (он представлен одним экземпляром из Ак-Бешима и одним — с Красной Речки), однако в легенде этих монет нет слова *turkys* «тюргеш, тюргешский». — *Ред.*)

⁵⁴ Смирнова О. И. О классификации и легендах тюргешских монет. С. 532—536.

⁵⁵ Там же. С. 536—539.

⁵⁶ Там же. С. 539.

⁵⁷ Там же.

Четвертый тип представлен значительным количеством одиночных монет и кладом (свыше 40 шт.). Все они плохой сохранности, имеют вид очень тонких медных кружков (0,5—1,0 мм) маленького диаметра (0,5—1,0 см) с квадратным отверстием в центре, но без бортиков, как в описанных выше типах. Нет бортиков и по краю кружка. Монеты без каких-бы то ни было изображений, поэтому не могут быть определены.

Подводя итоги рассмотрения монетного материала из раскопа следует сказать, что характер залегания монет позволяет определить только верхнюю и нижнюю даты второго и третьего строительных горизонтов, взятых вместе. Нижняя хронологическая граница культурного слоя может быть определена временем не позже VII в. Верхняя граница слоев должна быть установлена не последней датой выпуска монет (для монет второго — четвертого типов эта дата неизвестна), а с учетом того обстоятельства, что тюркешские монеты и так называемые «монеты тюркешского круга» бытовали долгое время после их выпуска. Как было отмечено, эти монеты найдены на всем протяжении третьего и второго горизонтов. Верхняя дата этих горизонтов может соответствовать второй половине X в. Следует отметить, что бытование тюркешских монет до X в. отмечалось и в других исследованиях⁵⁸.

Перейдем к рассмотрению второго важного критерия при археологической датировке — керамике. Количественно в ней резко преобладает лепная, но набор форм в станковой и лепной примерно одинаков. И там и здесь есть ряд форм сосудов, которые характерны только для этого горизонта, в последующее время они уже не встречаются.

В лепной керамике такими изделиями были:

Светильники, представлявшие собой круглые неглубокие резервуары на высоких подставках. Подставки имели различные формы: высокий цилиндр, разделяющийся на три ножки внизу, простой треножник, массивные конусы или усеченные пирамиды. Большинство подставок густо покрыто процарапанным орнаментом геометрического характера. Аналогии широко известны⁵⁹.

Подставки под вертел или сосуды для приготовления пищи в открытых очагах. В наших сборах есть несколько подставок в форме стилизованных фигурок животных, венчающих массивное четырехугольное основание. В синхронных слоях других поселений Киргизии и Казахстана известны разнообразные формы подставок⁶⁰.

Оссуарии — глиняные гробики для погребения костей умерших. Они двух форм — прямоугольные и овальные, закрывались крышкой.

⁵⁸ Бернштам А. Н. Тюркешские монеты... С. 105—111.

⁵⁹ Чуйская долина... С. 118—119. Табл. V—VI; Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 33—34. Табл. IV; Бентович И. Б. Керамика Пенджикента // МИА. — М., Л., 1953. № 37. С. 141—142. Рис. 10.

⁶⁰ Чуйская долина... Табл. V; Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 33. Табл. III.

Поверхность украшена лепным и процарапанным орнаментом. Осуарии известны во многих областях земледельческих культур Средней Азии⁶¹.

Остальные керамические изделия представлены лепной посудой. Почти все ее формы были встречены и в предыдущем горизонте, где они принадлежат к категориям изделий, вытесняемых продукцией ремесленного производства — станковой посудой. Но здесь лепная посуда составляет резко преобладающую часть.

Котлы из грубого теста с примесями. Формы тулова довольно однообразны — шарообразные, на плечиках петлеобразные горизонтальные ручки или глухие дугообразные. На шейке и верхней части тулова орнамент из налепных жгутиков с вмятинами и насечками. Диаметр — до 20 см, высота — до 15 см. Аналогии как по форме, так и по орнаменту, очень широкие⁶².

Горшкообразные сосуды в верхней части схожи с котлами, но нижняя часть тулова обычно вытянута. Дно плоское. Ручки такие же, как у котлов — глухие и петлеобразные с вмятинами и насечками. Диаметр тулова — до 30 см, дна и устья — до 15 см. Подобная посуда известна на многих поселениях Чуйской долины и Южного Казахстана⁶³.

Кувшины узкогорлые с коленчатой ручкой от венчика к плечикам. Тулово вверх — шаровидное, книзу — вытянутое, преимущественно без орнамента, но встречается и процарапанный, и налепной орнамент. Аналогичные кувшины известны в Чуйской долине и Южном Казахстане⁶⁴.

Сковородки-жаровни с невысоким вертикальным или наклонным бортиком-краем (3—6 см), диаметр — от 20 до 40 см. Распространены широко⁶⁵.

Крышки для сосудов — дисковидные, конические, вогнутые, диаметр — до 30 см. Верхняя плоскость густо покрыта врезным или процарапанным орнаментом. Ручки крышек в виде грибков, либо раздвоен-

⁶¹ Чуйская долина. Табл. XIV; Кожмяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 35—36. Табл. V.

⁶² Чуйская долина... С. 20. Табл. XIX; Агеева Е. П., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений... С. 171—172. Рис. 90; Табл. I; Кожмяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 25. Табл. I; Бубнова М. А. Средневековое поселение Ак-Тобе... С. 138. Рис. 9, 5—15; Бентович И. Б. Керамика Пенджикента... — Табл. VIII; Тереножкин А. И. Холм Ак-Тепе... С. 116; Он же. Согд и Чач // КСИИМК. Вып. XXIII. С. 69. Рис. X(9), XXI (3, 4).

⁶³ Кожмяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 26. Табл. I; Археологические исследования на южных склонах Кара-Тау... С. 190—191. Рис. 54.

⁶⁴ Чуйская долина... Табл. XVI—XVII; Кожмяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 26—28. Табл. II; Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений... С. 172. Рис. 90; Бубнова М. А. Средневековое поселение Ак-Тобе... С. 137. Рис. 9 (42—45).

⁶⁵ Кожмяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 29—30. Табл. III; Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений... С. 173; Тереножкин А. И. Холм Ак-Тепе... С. 117; Бубнова М. А. Средневековое поселение Ак-Тобе... С. 139. Рис. 9 (17).

ные, либо в виде фигурок птиц и животных. Повсеместно встречаются в Чуйской долине и Таласе⁶⁶.

Чаши значительных размеров. Тулово с прямыми наклонными стенками, дно — плоское, диаметр устья — до 25 см, дна — 15—20 см, высота — до 10 см.

Среди станковой керамики также есть формы, которые встречаются только в этом горизонте, в лежащих выше слоях их уже нет.

Неглубокие сосуды с горизонтально отогнутым краем, на котором ножом вырезаны треугольные зубцы. Вероятно, это были сосуды на высоких полых ножках. Полые поддоны найдены в нескольких экземплярах без чашеобразного верха. Подобные сосуды обнаружены на городищах Ак-Бешим⁶⁷, на Тали-Барзу под Самаркандом⁶⁸, в долине Кашка-Дарья⁶⁹.

Вазообразные сосуды на сплошном суживающемся поддоне, иногда с валиком на шейке, чаще без него. В наших коллекциях найдены фрагменты нескольких сосудов, преимущественно ножки. Они известны в прежних раскопках поселений Чуйской долины⁷⁰, а также в Самаркандском Согде — на Тали-Барзу⁷¹, на Кулдор-Тепе⁷², в Кашка-Дарьинском оазисе⁷³.

Чаши (миски) с волнистым краем. Найдены лишь фрагменты. Нижняя часть с плоским дном — коническая. Края мисок изогнуты несколькими изгибами, как бы смяты, так что они образуют своеобразную розетку из четырех и шести лепестков. Аналогии — в керамике Пенджикента⁷⁴.

⁶⁶ Чуйская долина... С. 136—138, Табл. XVII—XIX; *Кожемяко П. Н.* Раннесредневековые города и поселения... С. 30—32, Табл. IV; *Бубнова М. А.* Раннесредневековое поселение Ак-Тобе... С. 138. Рис. 9, 55—56; *Агеева Е. Н., Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений... С. 174—175. Рис. 927.

⁶⁷ *Распопова В. И.* Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины // Тр. КАЭЭ. — М., 1959. Т. II. С. 141. Рис. 1, 1.

⁶⁸ *Якубовский А. Ю.* Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. // ТОВЭ. 1940. Т. II. С. 67.

⁶⁹ *Кабанов С. К.* Согдийское здание V в. н. э. в долине Кашка-Дарья // СА. 1958. № 3. С. 144—151. Рис. 7, 7—14.

⁷⁰ *Распопова В. И.* Гончарные изделия согдийцев... С. 143. Рис. 1, 4—7.

⁷¹ *Григорьев Г. В.* Городище Тали-Барзу // ТОВЭ. 1940. Т. II. С. 93. Рис. 38.

⁷² *Ставиский Б. Я., Урманова М. Х.* Городище Кулдор-Тепе // СА. 1958. № 1. С. 233. Рис. 3.

⁷³ *Кабанов С. К.* Археологические памятники зоны Чим-Курганского водохранилища // Изв. АН УзССР. Сер. общ. наук. 1957. № 2. С. 80. Рис. 4.

⁷⁴ *Тереножкин А. И.* Раскопки в кухендизе Пенджикента // МИА. 1950. № 15. С. 91. Табл. 41, 2-й; *Бентович Н. Б.* Керамика Пенджикента... С. 138—139. Рис. 6. Табл. X, б; *Беленицкий А. М.* Археологические раскопки в Пенджикенте // КСИИМК. 1954. Вып. 55. С. 35. Рис. 3.

Чаши с отлогими, начиная от дна, стенками. В верхней части стенок сделан уступ, выше которого стенки идут гораздо круче. Аналогии известны в Пенджикенте⁷⁵, Фергане⁷⁶, Ташкентском оазисе⁷⁷.

Кувшины со сливом на короткой шейке, намеченным небольшим смятием венчика. Невысокая горловина, коленчатая ручка — от венчика к плечикам. Известны в Чуйской долине, в Фергане и Согде⁷⁸.

Остальная станковая посуда в этом горизонте, составляя незначительную долю, предстает как развитие некоторых форм лепной керамики. (О ней было сказано при характеристике среднего строительного горизонта).

Таким образом, третий строительный горизонт имеет материалы, которых нет в среднем, что четко выделяет его хронологически. Материал и приведенные ему широкие аналогии из других районов Средней Азии достаточно определенно датируют время образования этого горизонта — V—VIII вв.

РАСКОП IV

Раскоп был разбит на отдельно стоящем холме в 500 м к юго-западу от центральной части городища. Холм входит в цепочку подобных ему бугров, тянущуюся с севера на юг.

Размеры холма по оси СЮ — 30 м, по оси ЗВ — 40 м. В плане он прямоугольный, ориентированный сторонами по странам света. По восточной, северной и западной сторонам прослеживаются невысокие гребни валов. В южной части холма находится прямоугольная в плане западина с открытой южной стороной. Здесь мог быть вход. В юго-западном углу — небольшая возвышенность. Здесь же, ближе к центру холма, находится его высшая точка (ее отметка над окружающей местностью 2,0 м).

С юга к холму примыкает прямоугольная в плане, с ровной поверхностью оконтуренная слабо выраженными валами площадка размерами по оси СЮ — 30 м, по оси ВЗ — 22 м. Возможно, это двор усадьбы.

Следует отметить еще одну деталь в топографии местности, прилегающей к холму. К западу от него по оси СЮ проходит значительных размеров вал. Описываемый холм как бы примыкает, правда неплотно, к нему. К этому же валу примыкают холмы, расположенные к югу

⁷⁵ Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев... С. 152. Рис. 4.

⁷⁶ Латынин Б. А. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарын в Фергане // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 110. С. 120—157. Рис. 110; Тереножкин А. И. Согд и Чач. Вып. XXI. С. 6. Рис. 89.

⁷⁷ Массон В. М. Городище Ханабад // Сб. студенческих работ САГУ. — Ташкент, 1951. Вып. III. С. 76.

⁷⁸ Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев... С. 149. Рис. 3.

и северу. Западнее вала находится еще один холм. Вал этот, вполне вероятно, является остатками стены, выполнявшей, возможно, роль границы квартала в городе.

Холм скрывает остатки усадьбы горожанина. В ней было полностью раскопано жилое помещение, двор раскопками не затрагивался. Была разрезана западная стена — вал. Под оплывами холма расчищены остатки жилого дома общей площадью 408 кв. м. Все капитальные стены в постройке — глинобитные, внешние стены толщиной 1,4—2,0 м, внутренние — от 25 см до 1,3 м. О планировке можно сказать следующее. Единственный вход с западной стороны был монументально оформлен, его образовывали два далеко (до 4 м) выступающие пилоны, вероятно, перекрытые коробовым сводом из сырцового кирпича. Вдоль пилонов зачищено две глинобитные лежанки-суфы, служившие местом отдыха. Внутри, сразу за наружным входом, находится коридорообразное помещение (комната № 7) размерами 5 x 4,3 м. Здесь по сторонам также устроены суфы. Коридор был открыт (без дверного проема) в большой центральный зал (комната № 6), имевший размеры 7,2 x 7,2 м. Вокруг зала по периметру располагались остальные помещения. К западу находилось одно помещение (комната № 1), стены в котором сохранились не по всему периметру. Северная стена толщиной 1,2 м, западная — всего 0,3 м, выложена она в один сырцовый кирпич. Размеры помещения 3,9 x 2,9 м.

Вдоль северной стены на всю ширину дома расположены четыре комнаты. Комната № 2 находится в северо-восточном углу дома. Южная и западная стены в ней пахсовые, толщиной 0,98—1,10 м, между ними в юго-западном углу — дверной проем шириной 1,22 м. По расположению скользящий, он соединяет комнату с центральным залом. Две другие стены — внешние стены дома. Комната несколько вытянута с севера на юг и имеет размеры 5,7 x 3,07 м. В ней вскрыто два уровня полов: первый — на глубине 1,3 м, с очагом у выхода; второй — на глубине 1,5 м, у западной стены находился очаг. Фрагменты еще одного или нескольких очагов обнаружены в завале у восточной стены. Комната, вероятно, была жилой.

Комнаты № 3 и 4 занимают центральную часть северной стены. Первоначально (при постройке дома) это была одна комната. Большую часть составляет комната № 4 размерами 5,2 x 3,3 м; ее западная и южная стены — пахсовые. В южной стене дверной проем шириной 1,3 м соединяет комнату с центральным залом. Комната № 3 размерами 1,4 x 3,4 м образована при какой-то перестройке стеной, сложенной в один кирпич (размером 42 x 21 x 7,5 см). Начинаясь от северной, она не доходит до южной и образует проход шириной 0,75 м.

В заполнении обеих комнат обнаружено очень много специфического инвентаря: железные скобели, ножи, оселки, железные и бронзовые трубки, железный предмет, напоминающий принадлежность ступки (пест?), куски окаменевшей смолы. Возможно, это была мастерская ремесленника. О характере выпускаемой продукции по имеющимся данным судить трудно.

Комната № 5 находится в северо-западном углу дома, она вытянута по оси СЮ, размеры — 6 х 4 — 4,2 м. Внутренние (восточная и южная) стены, как и внешние, — пахсовые. Это первое помещение в доме, вход в которое был не из центрального зала, а из смежного помещения. Вход, как и в помещениях № 2 и 3, скользящий, расположен у северной внешней стены. На западной, южной и восточной стенах обнаружены явственные остатки облицовки сырцовым кирпичом (размером 45 х 22,2 см). В помещении вскрыто два пола. Вдоль южной и восточной стен располагаются глинобитные лежанки-суфы, первая шириной 1,5 м, вторая — 0,7 м. Основания суф находятся на уровне первого пола.

В северной части суфы, расположенной вдоль восточной стены, близ прохода, находится очаг типа тандыра диаметром 78 см. Очаг сооружен на глиняной подставке-площадке, основание которой находится на уровне первого пола. В северо-западном углу из сырцового кирпича, который от огня прокалился и имеет розовый цвет, расположен второй очаг. Основание его находится на уровне первого пола. Стена для этого очага в углу подрублена. В середине помещения находилась печка для выпечки лепешек (тандыр) диаметром 73 см. В него встроены второй, меньших размеров тандыр подпрямоугольной формы с обожженными стенками шириной 47 см, сохранившаяся длина — 47 см. Топочное устье находится с южной стороны, основание тандыра — на уровне первого пола. Оба очага были перекрыты сырцовой стеной (длиной 2,5 м и шириной 0,64 м), которая делит помещение на две части: северную — шириной 2,83 м и южную — шириной 2,97 м. Часть этой стены упала и была зачищена в завале.

В плоскости западной стены, близ северо-восточного угла, прорезана в плане восьмиугольная ниша диаметром 1,2 м и глубиной 0,44 м. Вероятно, она выполняла какие-то хозяйственные функции (хранение посуды?). Очаги, печки для выпечки хлеба, зольники, кости животных, фрагменты посуды — все говорит о том, что эта комната служила местом приготовления пищи.

Комната № 8 в юго-западном углу дома вытянута по оси ЗВ, размер ее 4,3 х 8,3 м. Из внутренних стен северная — фундаментальная, из пахсы, толщиной 1,1 м, восточная — тонкая, толщиной 0,5 м, из кирпича размером 37 х 21 х 9 см. Вход в эту комнату шириной 1,0 вел из центрального помещения. В заполнении были найдены фрагменты керамики, а на полах — 3 чирага, покрытые поливой, и сердоликовая бузина. Это, по всей видимости, было жилое помещение.

Комната № 9 расположена к востоку от комнаты № 8. Северная внутренняя стена ее сложена из пахсы, толщиной 1,1 м. Южная — внешняя стена всего дома, но она здесь, как и в комнате № 10, претерпела капитальный ремонт, в результате которого изнутри впритык к первоначальной была возведена вторая стена. Ширина отремонтированной стены равна 2,2 м. Восточная и западная стены — тонкие, толщиной до 0,5 м, из сырца размерами 37 х 21 х 9 см. Стены эти не параллельны фундаментальным. Это показывает, что они являются результатом при-

строек, а не первоначальной планировки жилого дома. В этом помещении найдено несколько караханидских монет. Интерес представляет находка небольшого по площади фрагмента штукатурки со следами росписи.

Комната № 10 занимает юго-восточный угол дома. Она неправильных очертаний, что, вероятно, было связано с упоминавшейся капитальной перестройкой, которая затронула эту комнату в еще большей степени, чем предыдущую. Размер комнаты по линии ЗВ — 3,5 м, по оси СЮ размер не установлен, ибо северная стена, смежная с комнатой № 1, не сохранилась. Вход в комнату № 10 был у северной стены, он шел из комнаты № 9. В заполнении комнаты кроме фрагментов керамики, найдены караханидские монеты и пятна краски. Характер планировки дома с большими пролетами между стенами позволяет предполагать, что перекрытие дома было плоским — древесно-земляным.

В комнате № 8 вдоль ее северной стены был заложен шурф, показавший, что основания стен находятся ниже уровня пола всего на 10 см. Они стоят прямо на материке желто-зеленого цвета. Небольшой слой мелкого песка на лессе свидетельствует о воде, протекавшей по площади, где было сооружено здание. Возможно, что песчаная подсыпка была определенным строительным приемом.

Жилой дом просуществовал весьма долго. На это указывает наличие нескольких полов, а также описанные выше перепланировки и капитальные ремонты здания.

Значительная площадь здания (свыше 250 м²), монументальное оформление наружного входа, а также следы настенных росписей в помещении № 9 дают право считать, что этот дом принадлежал состоятельному горожанину.

Вещественными находками на этом объекте были в основном предметы быта: фрагменты керамики, в том числе поливная с подглазурной многоцветной росписью, чираги, остатки принадлежностей одежды, очаги, печи для выпечки хлеба. Найдено значительное количество монет. Большинство их медные, но есть два экземпляра серебряных. Монетный материал в основном караханидского времени (X—XII вв.).

Весь вещественный материал дает основание датировать этот жилой дом X—XII вв. Наличие трех монет тюргешского типа не противоречит этому, так как две из них были найдены под полами дома и, следовательно, могли находиться там до постройки его. Кроме того, известно о бытовании тюргешских монет в обращении вплоть до первых илеков.

При описании топографии прилегающей к дому местности говорилось о площадке-дворе, примыкающей с юга, и о стене-вале, проходящей с запада.

При раскопках дома не был ясно выявлен выход из дома во двор — открыт лишь выход на запад. Это обстоятельство как будто противоречит наблюдению, которое было сделано на основании конфигурации холма до раскопок. Однако плохая сохранность южной стены, прослеженной в ее центре почти на уровне пола, оставляет возможность счи-

тать, что вход во двор все-таки был, и что, следовательно, дом был домом-усадебой.

Траншеей был прорезан вал, проходящий западнее усадьбы. Оказалось, что он является остатком глинобитной стены, ширина которой достигает 8 м, а сохранившаяся высота — всего 0,5—0,7 м. О назначении этой стены можно строить пока лишь предположения. Стеной городского квартала, синхронной дому, она не могла быть из-за своей мощности. Для X—XII вв. внутри городов наличие столь мощных стен трудно объяснить. Остается предположить, что это городская стена более раннего периода жизни города, чем дом. Об этом как будто свидетельствует и очень сильная разрушенность стены к XI—XII вв.

РАСКОП V

В 1962 г. для насыпки полотна дороги, ведущей к животноводческой ферме, бульдозером была срыта значительная часть холма, представлявшего собой остатки средневекового сооружения. От большого холма, имевшего размеры 30 x 20 м, уцелело два останца — северный и южный, вся середина холма к моменту раскопок была срыта. В срезах останцов явственно просматривались профили стен из сырца и пахсы. На западной плоскости одной из стен южного останца виднелось ганчевое покрытие с резным орнаментом. Было решено обследовать этот памятник, хотя от него осталось очень немного.

В результате раскопок установлено три периода существования здания в пределах одних и тех же стен. Нижний, на глубине 2,0—2,2 м, зафиксирован по четко прослеживаемым полам, которые зачищены в трех помещениях из пяти.

Выше, на глубине 1,3—1,5 м, вскрыт средний (основной) строительный период. В этот период существовали все пять помещений, остатки которых были расчищены. Одно из них имело богатое архитектурно-декоративное убранство. Обнаружены также остатки третьего строительного периода в этом комплексе. Они представлены отрезками стен, углами сооружений, стоящих на полах внутри комнат среднего периода.

Зарегистрированы и следы разрушения дома как постройки. В южной стене помещения № 4 были зачищены производственные печи диаметром до 1,2 м, заполненные опавшей обмуровкой и золой.

При характеристике этого объекта мы располагаем некоторыми определенными данными лишь о среднем периоде его существования. Нижний горизонт прослежен только по четко проступающим в ряде мест полам, находящимся на 0,7 м глубже полов основного периода. У нас не было возможности вскрыть их на всей площади здания, поэтому можно лишь отметить их наличие.

Основной период обживания дома был фактически и концом его жизни как цельного комплекса. Уже для этого периода отмечены вре-

менные небрежные перестройки и перепланировки, которые, безусловно, свидетельствуют о запустении отдельных частей этого большого здания. Постройки верхнего периода коренным образом меняли его план, а обнаружение больших печей — бесспорный свидетель гибели здания, тогда как город продолжал жить.

В основной период была обжита вся площадь дома. На это указывают помещения, расчищенные под обоими останцами.

Северный останец составлен в большей своей части оплывами. Здесь наметились контуры только одного помещения в северо-восточном углу, где удалось зачистить около 2 м восточной стены, угол и метровый отрезок северной стены. Очень приблизительно наметился небольшой участок восточной стены этого помещения. Если это действительно стена, то один из промеров комнаты был равен всего 3,5 м. Это помещение относится к основному периоду существования дома. От остальных помещений сохранились лишь небольшие полоски у внешней стены шириной до 1 м; в северо-западном пункте от здания вообще ничего не сохранилось. К жилому дому с севера примыкала пристройка с менее фундаментальными стенами. К ней относится стена протяженностью 3,0 м, идущая по линии СЮ, но не примыкающая к стене дома. Возможно, это была самостоятельная хозяйственная (или производственная) постройка.

В южном останце сохранились четыре помещения, расположенные вдоль всей стены полосой от 1,5 до 2,8 м.

Вход в дом (как и в других домах) был один — с южной стороны. Он был оформлен несколько иначе, чем в доме № 1. Здесь нет выступающих пилонов, во всю толщину внешней стены (1,2 м) сделано нечто вроде тамбура шириной 2,3 м. В тамбуре по обеим сторонам расположены суфы-лежанки, доходящие почти до самого дверного проема шириной 1,0 м, оформленного двумя пилонами, вынесенными в глубь интерьера; этот проем ведет в коридор шириной 3,0 м. И здесь, по восточной стороне, на всю длину расчистившейся стены тянется суфа-лежанка шириной 0,6 м. Наличием коридора и суфы-лежанки в нем планировка этого дома напоминает планировку дома № 1.

К востоку от коридора находилось значительное по площади помещение размером по оси ЗВ — около 7,0 м, второй промер был не менее 6 м.

К западу от коридора размещалось два помещения сравнительно небольших размеров. Оба они по линии ЗВ достигали около 4,5 м, другой промер (как и у восточного помещения) был не менее 6 м.

Из всех расчищенных помещений наиболее примечательно крайнее юго-западное. В нем на стене была обнаружена начинавшаяся прямо от пола алебастровая панель, покрытая резьбой и раскрашенная в несколько цветов. Кроме панели, в помещении был фриз из резной сырой глины.

Декоративная резьба по ганчу в Северной Киргизии встречена впервые. Но значение находки не только в этом. Чрезвычайно важно, что она применялась в жилищном строительстве, причем в широких

масштабах. Как видно из обследованных остатков, в комнате были облицованы по крайней мере две стены, но вполне возможно, что такую же облицовку имели и две другие стены. Тот факт, что в этой же комнате в завалах найдены фрагменты резьбы по сырой глине, говорит как будто бы о том, что резьбой по ганчу украшена панель комнаты, а резьбой по сырой глине — декоративный фриз сверху.

Резьба по ганчу выполнена одинарными и сдвоенными желобками шириной и глубиной до 2 мм. В ее сюжете сочетаются три элемента: геометрический, стилизованно-растительный и схематизированный зооморфный.

Геометрический орнамент состоит из полосы шириной 10 см, ограниченной сдвоенными желобками и заполненной окружностями с точкой в центре. Эта полоса, переплетаясь, образует стрельчатые арки и пальметы различных очертаний. Стрельчатые арки, расположенные по низу панели, заполнены двумя схематизированными изображениями фигурок животных, как бы стоящих на задних ногах, с переплетенными передними. Фигурки разделены луновидной фигурой, увенчанной трилистником. Пальметы сплошь заполнены сложным переплетением стилизованных листьев растений и их стволов, перехваченных четырехлепестковыми розетками.

Эта резьба дополняет довольно широкий круг известной в настоящее время среднеазиатской ганчевой орнаментации: в раскопанных мечети и дворце на Афрасиабе, во дворце правителей и мавзолее Хакима ат-Термези в Термезе⁷⁹, в мечети Магоки-Аттари в Бухаре⁸⁰.

От фриза из резной сырой глины нами найдены небольшие фрагменты (наибольший из них размером 18 x 25 см), поэтому представление о сюжете резьбы можно составить только приблизительное. В ее состав входит ломаная, местами закругляющаяся полоса с гладкой поверхностью шириной 3 см, оконтуренная сдвоенными желобками. Эта полоса образует сложную плетенку, фигуры которой нельзя восстановить из-за их фрагментарности. Площади, остающиеся между полосами плетенки, сплошь заполнены резьбой: ряды треугольников, окружности, ромбы, волутообразные завитки, прямые линии-изгибы, меандровое плетение, четырехлепестковые розетки с четырьмя лучами между лепестками, сетка из прямых, а чаще дугообразных линий, в местах сопряжения которых двулистники. Возможно, был и эпиграфический орнамент (есть напоминания отдельных арабских букв).

Аналогий нашей резьбе в Киргизии нет. Единственный пока пример резьбы по сырой глине для данного периода известен в мечети Магоки-Аттари в Бухаре⁸¹.

⁷⁹ Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. — Ташкент, 1961. С. 134—148, 164—170, 176—177.

⁸⁰ Шишкин В. А. Археологические работы в мечети Магоки-Аттари в Бухаре // Тр. Института истории и археологии АН УзССР. — Ташкент, 1955. Вып. 7. С. 35—48; Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент... С. 160—162.

⁸¹ Шишкин В. А. Археологические работы в мечети Магоки-Аттари... С. 47.

Следует, однако, сказать, что этот вид декоративного убранства существовал в терракоте. В 1953 г. при дообследовании большого архитектурного комплекса близ с. Сретенка нами была обнаружена терракота с подобным и даже буквально совпадающим сюжетом (материалы не опубликованы).

Находки следов резной панели и фриза позволяют предположить наличие богатого декоративного убранства и в других помещениях.

Так как, несмотря на большие разрушения, были зафиксированы северная и южная стены жилого дома, а на углах частично и западная с восточной, то можно говорить о его общих размерах. Это было вытянутое сооружение, достигавшее по линии ЗВ 25 м, по линии СЮ — 14,5 м.

Большие размеры дома, а также высокохудожественные образцы декоративного убранства являются достаточным основанием считать его жилым домом очень состоятельного горожанина — представителя городской знати.

Полное разрушение центральной части дома не позволяет воссоздать картину его внутренней планировки. Но зная планировку дома № 1 и еще двух домов, о которых пойдет речь ниже, мы вправе предполагать, что из коридора проход вел в центральное помещение, делившее дом на две половины, а оттуда — в остальные помещения. Но возможно, что в доме было два ряда помещений, располагавшихся по длинной оси. Такая планировка вполне возможна, поскольку центральное помещение известно только для подквадратных в плане жилых домов.

Весь комплекс находок — керамический материал, монеты, декоративная гравировка и резьба по алебастру и сырой глине — позволяют датировать основной период жизни жилого дома XI—XII вв. Более ранний период, отмеченный по полам на глубине 2,0—2,2 м, относится, вероятно, ко времени не ранее X в. Но это предположение основано только на стратиграфических наблюдениях, вещественными материалами оно не может быть подтверждено, поскольку горизонт не вскрывался на больших площадях.

Период запустения, вероятно, относится к концу XII в. — ко времени, когда город еще жил, в нем были какие-то ремесленные производства, остатками которых являются печи и стена, встроенная в помещение № 4.

◆ РАСКОП VI (жилой дом № 3) ◆

Раскоп VI был заложен на холме, в том же районе, что и раскоп V, в 150 м к юго-востоку от него. Этот участок внутри длинной стены Краснореченского городища принадлежит к числу наименее разру-

шенных сельскохозяйственными работами. Здесь прослеживаются усадебного типа постройки с одним холмом внутри стен, а также целые серии холмов, объединенные как будто одной стеной-валом. Вероятно, это один из городских кварталов, где застройка была усадебная.

До раскопок холм имел подчетырехугольную форму, размеры его 20 x 22 м, высота — до 1,7 м. В центре холма — западина глубиной около 0,4 м. Холм с трех сторон окружен сходными остатками сооружений, расположенных на различных расстояниях — от 10 до 50 м. Лишь к востоку от него имеется значительное по площади свободное пространство. В эту сторону от холма отходит невысокий (около 1,0 м) вал, имеющий в основании 8—10 м, его протяженность — около 50 м.

Холм раскопан полностью. Под ним оказались остатки жилого дома общей площадью 200 кв. м. В планировке его лежит такой же принцип, как и в жилом доме № 1 (раскоп IV). Прослеживается единственный вход с выступающими наружу до 1,5 м пилонами, но только с восточной стороны, толщина пилонов — 1,3 м. Тамбур, образуемый ими, шире дверного проема всего на 0,4 м. Сразу за входом находится вытянутое по линии ВЗ коридорообразное помещение (№ 1) размерами 2,5 x 5,2 м. Из него ведут два прохода: один — направо, в северо-восточную комнату (№ 2), второй — открытый (на всю ширину коридора) — прямо в центральное помещение (№ 3). Из центрального помещения проходы ведут еще в четыре комнаты. Три из них (№ 4, 5, 6) расположены вдоль северной стены, две (№ 7 и 8) — вдоль южной внешней стены.

Комната № 1, коридорообразная, служила своеобразной прихожей. В ней вдоль стены расположена глинобитная лавка-суфа шириной 1,1 м.

Комната № 2 размерами 2,4 x 4,4 м, вероятно, имела хозяйственное назначение. В ней в северо-западном углу расчищен большой очаг размером 1 x 1,2 м. Высота его стенок, сложенных из сырцового кирпича, достигает 0,18 м. Очаг заполнен слоями золы с включением пережженных костей и фрагментов глиняных сосудов с закопченной внешней поверхностью. Комната, вероятно, была кухней.

Комната № 3 — большой центральный зал размерами 6,5 x 7,8 м. Она, как и подобная ей комната в жилом доме № 1, являлась парадной и могла служить для семейных трапез и приема гостей. Вдоль западной и южной стен зала на всю длину проходят лежанки-суфы шириной 1,0 м. Своим расположением комната № 3 делит дом на две половины: северную и южную, где располагались жилые комнаты.

Возможно, что это деление было связано с распространением ислама. У мусульман, как известно, женская и мужская половины жилого дома были самостоятельными элементами, причем даже не всем членам семьи разрешался вход на женскую половину. Возможно, что такое объяснение планировки вскрытых на Краснореченском городище жилых домов вполне допустимо — догмы ислама в караханидское время поддерживались правящей династией и получили широкое распространение.

Комната № 4 размерами 2,8 x 2,3 м, смежная с комнатой № 2, не-

четко обозначена с южной стороны, где она граничит с центральным залом. Возможно, стены здесь не сохранились или были снесены при перестройке. Из нее шел проход, начинающийся у самой северной стены, в комнату № 5 — очень маленькую, площадью 2,3 x 2,5 м.

Комната № 6, последняя в этом ряду, расположена в северо-западном углу. Ее площадь — 2,3 x 3 м; вход в нее шириной 0,85 м — в южной стене. Все три последние комнаты имеют только по две фундаментальные стены — северную (внешнюю стену дома) и южную шириной 0,9 м. Стены, идущие по линии СЮ, узкие (20—40 см) и производят впечатление временных перестроек. Вполне возможно, что при первоначальной планировке здесь было не три, а две комнаты (скорее всего, отсутствовала комната № 5).

Комната № 7 размерами 4,1 x 7,7 м, вытянутая по линии ЗВ, занимает юго-западный угол. В ней суфы окружают все четыре стены, причем вдоль всей западной и частично вдоль северной и южной стен суфы двухступенчатые. По западной стене идет суфа шириной 2,7 м. Суфы-лежанки в этой комнате занимают большую часть ее площади. Вход скользящий, в северо-восточном углу, шириной 1,0 м.

Комната № 8, расположенная в юго-восточном углу дома, размерами 4,8 x 6 м, вытянута по линии СЮ. И здесь лежанки-суфы тянутся по трем сторонам: во всю длину южной стены и частично — по западной и восточной. Ширина суф — от 0,7 до 1,1 м; вход — в северо-западном углу, по расположению скользящий, шириной 0,8 м.

Следов значительных перестроек и перепланировок в этом доме не отмечено. Это дает основание считать, что он просуществовал меньший период времени, чем дом № 1. Общая площадь дома № 1 в 2 раза больше, что может указывать на принадлежность дома № 2 менее состоятельной семье.

Перекрытия этого дома, как и первого, были плоскими, деревянно-земляными. Вероятно, плоским было и перекрытие над пилонами у входа.

Находки на этом объекте многочисленные и интересные. Среди них — фрагменты керамики (неполивной и поливной), целые сосуды, хумы, железные ножницы, наконечники стрел, очень правильной формы бронзовый крючок, гвозди и др. Найдено несколько монет тюркешского круга, большинство же — караханидские. Но самой интересной находкой является текст надписи уйгурским алфавитом (согдийского происхождения), выполненный черной краской на стенке большого хума⁸². В надписи около 20 строк.

⁸² Фотография этой уйгурской надписи опубликована. См.: *Кожемяко П. Н.* Раскопки жилищ горожан X—XIII вв. на Краснореченском городище // Древняя и средневековая культура Киргизстана. — Фрунзе, 1967. С. 79—81. Рис. 13; *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. — Фрунзе, 1982. Вып. II. С. 185. Табл. XVI (здесь фото надписи перевернуто). Текст сохранился довольно отчетливо, особенно в правом верхнем столбце, палеогеографическая его датировка кажется соответствующей археологической — X—XII вв. Над чтением текста, насколько нам известно, работала тюрколог Л. Ф. Тугушева, однако до сих пор нет публикации его транслитерации и перевода. — *Ред.*

Все материалы, найденные в жилом доме № 3, аналогичны находкам домов № 1 и 2. Следовательно, время его существования также должно быть отнесено к X—XII вв.

РАСКОП VIII (жилой дом № 4)

В поисках жилых и производственных построек рядовых ремесленников и других простых горожан были предприняты раскопки остатков небольших построек.

Небольшие сооружения со временем принимали вид холмиков. Раскопки одного из таких маленьких холмиков были осуществлены в 1963 г. Расположенный на изгибающемся берегу оврага и поэтому сильно расплывшийся холм имел размеры 20 x 25 м и высоту не более 1,5 м. Размеры холма в основании значительно увеличились за счет больших сплывов двух скатов к оврагу.

Объект раскопан полностью. Он действительно представляет собой остатки небольшой постройки. После ее запустения и образования холма на нем было устроено кладбище. На вскрытой площади, достигшей 300 кв. м, зарегистрировано 55 погребений, совершенных на разных уровнях. Кладбище существовало довольно долго, о чем говорит то обстоятельство, что очень часто погребения «находят» друг на друга, а иногда расположены одно над другим. Для такого расположения погребений нужно длительное время.

Густо расположенные погребения значительно разрушили интерьеры помещений и всех сторон дома. Но все же при тщательной зачистке удалось в общих чертах установить очертания здания.

Общая планировка дома выглядит так. Две небольшие комнаты (№ 1 и 2), объединенные общим периметром внешних стен, расположены по линии СЮ. Между ними дверной проем шириной 1,2 м. Размеры комнат: 6,0 x 3,6 и 6,0 x 2,9 м.

В комнате № 2, в восточной половине, расчищен простенок, выложенный на ширину одного сырцового кирпича, который образует комнату размером 1,4 x 2,8 м. Здесь, в северо-восточном углу, сохранилась вымостка пола из обожженного кирпича (размером 2,25 x 8,5 см) на алебастре. По краям вымостки — кирпичи, поставленные на ребро.

С южной стороны примыкает небольшое помещение размером 2,2 x 2,5 м (№ 3), в котором не обнаружена восточная стена. Вероятно, это был коридор, открытый на восток. Из коридора дверной проем шириной 1,2 м вел в комнату № 1.

К этим трем комнатам, объединенным в одно целое, с северной стороны пристроено изолированное от них помещение. В нем очень плохо сохранились западная и восточная стены, однако северо-запад-

ный угол, зачищенный на небольшом протяжении, и восточный конец северной стены показывают, что помещение по оси ЗВ имело такие же размеры, как и весь дом. Южная стена была общей с комнатой № 3, северная же зачистилась почти на всем протяжении. В ней имелся дверной проем шириной 1,5 м, близ северо-западного угла.

Как видим, жилой дом № 4 является совсем иным в планировочном отношении. Здесь нет традиционного деления интерьера на две половины. Вероятно, это связано с тем, что дом принадлежал очень бедной семье.

Повсеместное разрушение стен и внутреннего пространства помещения впускными погребениями очень затрудняет определение назначения комнат; усложняют это и перестройки, которые отмечены тонкими стенками. Можно лишь заключить, что комнаты № 1 и 2 первоначально были жилыми. Позднее во второй из них был сооружен простенок и сделана вымостка на полу из обожженного кирпича. Северная — изолированная — комната выполняла хозяйственные функции. С юга был небольшой тамбурный коридор. Вещественный материал довольно бедный. Керамика преимущественно гончарная, с поливой и без нее, в мелких фрагментах. Нумизматический материал представлен тремя экземплярами монет тюргешского типа, все плохой сохранности. Найдена часть железного серпа. Из ювелирных изделий отметим медное кольцо, перстень со вставкой из стекла, брошь из медной проволоки, стеклянные бусы, бусы из пасты. Весь комплекс находок относится к X—XI вв.

Погребения, занявшие холм после полного разрушения дома, расположены в несколько ярусов. Среди них были захоронения в грунтовых ямах и в ямах с обкладкой из сырцового кирпича. Значительную долю погребений составляют склепы из сырцового и обожженного кирпича. Склепы имели стенки высотой до шести кирпичей (60 см), положенных с напуском внутрь, образующим небольшой свод. В другом типе склепов над вертикальными стенками из кирпича сделано коническое перекрытие из двух рядов сырца, поставленного под углом.

РАСКОП IX (жилой дом № 5)

Рядом с жилым домом № 3, в 8 м к югу от него, стоял четырехугольный холм размерами 18 x 25 м в основании. Высота холма над окружающей местностью около 1,5 м, поверхность его неровная, значительно понижавшаяся от краев к центру. Глубина западины достигала 0,5—0,6 м. Общая конфигурация холма давала основание считать его не остатками постройки, а развалинами огороженного стеной двора жилого дома № 3. Соответственно этому предположению была сделана нивелировка холма только по двум осям.

Однако раскопки не подтвердили предположение об огороженном дворе. Под завалами и наплывами холма оказались остатки жилого дома, имевшего размеры 14,5 x 15,5 м.

Планировка дома решена почти так же, как в домах № 1 и 3. Она приближается к жилищам, у которых центральное помещение по своему положению позволяет делить дом на две половины: женскую и мужскую. Это помещение играет роль своеобразного коридора, из которого входы ведут в остальные комнаты дома. Это и естественно, так как описываемый дом относится к тому времени, когда догматы шарията уже получили достаточно широкое распространение в Северной Киргизии, особенно среди оседлого населения.

Однако следует оговориться, что мы не вправе связывать такую планировку жилых домов только с воздействием на быт норм шарията. Поскольку для XI—XII вв. характерно еще существование больших патриархальных семей, планировка жилых домов могла, вероятно, отражать и это обстоятельство. Следует учитывать, что в домах было большое количество комнат с отдельными входами в каждую, значительна и общая площадь обследованных жилых домов.

В дом № 5, как и во все предыдущие, был один вход, но в отличие от них он находился в северной стене. И здесь перед входом были пилоны шириной 1,4 м, выступавшие наружу всего на 1,0 м; ширина входа небольшая — 1,0 м.

Непосредственно за входом расчистилось большое помещение размерами 6,7 x 7,5 м неправильного плана. Мы полагаем, что здесь было не одно помещение, а два. Вполне допустимо предположение о существовании коридорообразного помещения (№ 1) размерами 3,0 x 6,7 м, располагавшегося против входа, как и в домах № 1 и 3. Стенка, образовавшая его с запада и отделявшая от северо-западного углового помещения, могла быть не фундаментальной и потому не сохранилась. В пользу предположения о существовании коридора говорят очень большие размеры расчищенного помещения (над помещением с такими пролетами трудно соорудить перекрытие), его неправильный план, а также общий характер планировки здания, особенно наличие стены, идущей по этой линии в южной части дома. Следы самой стены, к сожалению, очень слабые, были отмечены на небольшом отрезке у северной внешней стены дома.

Из комнаты № 2 через коридорообразное помещение идут три двери. Через дверь в северном конце западной стены можно войти в угловую северо-западную комнату, служившую кухней. В северном отрезке ее западной стены расчищено два очага-печки, частично вделанных в тело стены, частично выходящих в комнату. Очаги расположены на расстоянии 1,25 м друг от друга, диаметр одного из них — 45 см, другого — 70 см. Дымоходы выходили наружу в толще стены.

В юго-восточном углу комнаты вдоль двух стен расположены невысокие (40 см) суфы-лежанки шириной 0,9 м, их концы соединены стеночками шириной и высотой 20 см. Это следы какой-то перестройки. Близ угла этой прямоугольной в плане загородки стояли две печки-тан-

дыра. Одна диаметром 54 см, вторая — 70 см, расстояние между ними всего 10 см.

Через вторую дверь из коридорообразного помещения входили в северо-восточную угловую комнату (№ 3), имевшую размеры 3,8 х 6,8 м. В комнате, около северной стены, находилась суфа-лежанка, от которой сохранился полутораметровый отрезок. Около суфы была хозяйственная яма диаметром 1,4 м, глубиной 1,6 м.

Третья дверь из коридора вела в комнату № 4, расположенную в центре западного фаса дома. Это самая маленькая комната в доме, ее размер 3,1 х 3,8 м. Во всю длину ее западной и южной стен расположены суфы шириной 0,7 и 1,1 м.

Из комнаты № 4 проход вел сразу в две комнаты южного ряда. В квадратной комнате № 5 со стороной 3,6 м, расположенной в юго-западном углу дома, как и в предыдущей, во всю длину южной и западной стен зачистились суфы-лежанки шириной 1,3 и 1,2 м. Комната № 6, вытянутая по оси СЮ, размером 5,9 х 2,8 м лежанок не имела.

Последняя комната (№ 7) размером 3,9 х 5,9 м занимала юго-восточный угол дома. В нее был вход из комнаты № 6. Вдоль южной стены проходила очень широкая суфа — 2,1 м, но вдоль восточной стены суфа суживалась до 1,0 м.

Характеризуя архитектурно-планировочную картину этого жилого дома, следует упомянуть еще о полукруглых башнях на всех четырех его углах. Следов перестроек и перепланировок в доме не отмечено, вероятно, вследствие того, что дом просуществовал не очень продолжительное время.

Вещественных материалов сравнительно немного. Это в основном станковая керамика с поливой и без нее. Среди неполивной встречены водоносные кувшины, кружки, хумы, крышки для сосудов. Поливная представлена несколькими чашами, формы которых восстанавливаются, с белой и зеленоватой поливой и коричневой и желтоватой подглазурной росписью.

Найдены караханидские и тюркешские монеты. Наличие караханидских монет на полу и на суфах не позволяет датировать дом временем ранее конца X в.

Таким образом, Краснореченскому отряду удалось полностью раскопать серию жилых сооружений XI—XII вв. (раскопы IV, V, VI, VIII и IX). Среди них есть жилые дома городской знати (раскопы IV и V), дома городского населения среднего слоя (раскопы VI и IX) и дома бедных горожан (раскоп VIII). Это дает возможность составить представление о характере жилого строительства в городах Северной Киргизии в период раннего средневековья.

Жилые дома средневековой Киргизии до раскопок изучались на этом же поселении Семиреченской экспедицией. Они синхронны открытым нами и весьма сходны по планировке⁸³.

Прямых аналогий краснореченским домам в других районах республики, а также в Средней Азии в целом, насколько нам известно, нет, хотя в литературе отмечены раскопки раннесредневековых жилых сооружений. Наиболее обширные сведения были собраны на городище Варахша в Бухарском оазисе, где в 1936—1938, 1950 и 1953—1954 гг. были исследованы верхние слои, в которых был выявлен ряд домов, пристроенных к городской стене. Однако планировка их имеет много отличий от краснореченских домов, в ней нет такой четкости и однотипности⁸⁴.

В дореволюционное время на городище древнего Пайкенда было раскопано жилое здание значительных размеров, несколько комнат которого соединялись друг с другом дверными проемами⁸⁵.

Есть сведения о домонгольских жилых домах на городище Афрасиаб. К сожалению, описание самих построек не приведено⁸⁶.

На городище Мунчак-Тепе, в зоне строительства Фархадской ГЭС на Сыр-Дарье, был обнаружен глинобитный дом, но в публикации сведений о его планировке нет⁸⁷.

Одна комната, синхронная нашим домам, была вскрыта на развалинах древнего Термеза. Комната сырцовая, верхняя часть ее стен сложена из кирпича-сырца, а пол и нижняя панель — из обожженного кирпича⁸⁸. Часть жилого дома была раскопана при работах на городище Старая Ниса⁸⁹. Известны жилые дома на городище Хишт-тепе Кулябской области Таджикской ССР, которые строились из обожженного или из сырцового кирпича с частичным применением обожженного⁹⁰.

⁸³ Чуйская долина... С. 37—46.

⁸⁴ Кабанов С. К. Раскопки жилого квартала X в. в западной части городища Варахша // Тр. ИИА АН УзССР. — Ташкент, 1956. Вып. VIII. С. 100—123; *Он же*. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг. // ИМКУ. — Ташкент, 1959. Вып. I. С. 110—123; Шишкин В. А. Варахша. — М., 1963. С. 97—102. Рис. 48.

⁸⁵ Зилин Л. А. Отчет о весенних раскопках в развалинах Старого Пайкенда // ПТКЛА. Год XIX. — Ташкент, 1915. Вып. 2. С. 63—88; *Он же*. Отчет о летних раскопках в развалинах старого Пайкенда. Там же. С. 89—131.

⁸⁶ Вяткин В. Я. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. — Самарканд, 1927. С. 17.

⁸⁷ Гайдукевич В. Д. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. // КСИИМК, 1947. Вып. XIV. С. 106—108.

⁸⁸ Сухарев И. А. Комната XII в. на площади второй приамударьинской части городища Термеза // Тр. УзФАН. Сер. I. Вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция в 1936 г. — Ташкент, 1940. С. 197—201.

⁸⁹ Ершов С. А. Археологические исследования на городище Старая Ниса в 1946 г. // Тр. ЮТАКЭ. — Ашхабад, 1949. Т. 1. С. 127—129.

⁹⁰ Литвинский Б. А., Давидович Е. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г. // Докл. АН ТаджССР. 1954. Вып. 11. С. 40—46.

При сравнительном изучении жилых домов на Краснореченском городище и в других районах Средней Азии выясняется, что в строительных материалах (пахса, сырец), в конструктивных и строительных приемах (вымостка пола обожженным кирпичом, облицовка стен, печки-тандыры и др.) имеется много общего, тогда как в планировочном отношении отмечаются существенные отличия. Это объясняется тем, что раннесредневековые города Киргизии, как мы показали в специальной работе⁹¹, топографически отличались от синхронных поселений в Шаше и Мавераннахре.

РАСКОП VII

Последним объектом работ отряда являлся холм, расположенный в 200 м южнее юго-западного угла центральной части городища. Холм стоит у края террасы, достигающей в высоту 3,0 м. В плане он подчетырехугольный, с оплывшим северо-восточным углом, ориентирован сторонами по странам света с отклонением к западу на 5°. Длинная ось холма расположена по линии ВЗ. Его размеры 44 x 32 м. В западной части холма имеется возвышение, здесь же, к югу от линии длинной оси, расположена его высшая точка. Небольшое возвышение имеется и в восточной части, в центральной же части и к северу от нее — небольшая западина. Склоны холма равномерны и значительной крутизны.

Терраса, на южной части которой стоит холм, представляет собой надпойменную террасу р. Чу, прорезанную двумя сухими руслами, идущими в меридиональном направлении. В 30—40 м южнее холма террасу прорезает еще одно узкое, но глубокое сухое русло, идущее в западном направлении с постепенным поворотом на север, ограничивая значительную площадку, прилегающую к холму. На площадке просматриваются контуры двора, особенно четко заметны валы двора на востоке и юге.

На восточном отрезке южной стороны холма видна продолговатая западина. Здесь вполне допустимо существование выхода во двор. Комплекс — холм и дворик — занимает пространство неправильных очертаний общими промерами 80 x 80 м.

Холм был вскрыт полностью. Под ним оказались остатки прямоугольного в плане монументального сооружения, достигающего по линии ВЗ 24 м, по СЮ — 29 м и ориентированного сторонами по странам света с поворотом к западу на 6,5°.

Монументальность и архитектурно-планировочный принцип сооружения бесспорно свидетельствуют о его военно-оборонительных функциях.

⁹¹ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 167—184.

Это, вероятно, замок. Он состоит из трех длинных (21 м) и узких (3 м) помещений, соединенных широкими (2,8 и 3,2 м) проходами, расположенными в центре стен. Внешний вход шириной 1,4 м, расположен в восточной стороне, он ведет в среднее помещение. Внешние стены замка шириной 4—4,2 м, внутренние: южная — 3,3 м, северная 4,2 м.

Помещение № 1 — южное, его размеры 2,9 x 21,3 м. Полы в нем выявлены только в восточной части, их положение свидетельствует о том, что стены сохранились на высоту 2,65 м. Полов не менее четырех (с отметки 1,56 до 2,56 м). На глубине 2,15—2,65 м было зачищено 27 слоев промазки пола толщиной 0,5—5 см. Это обстоятельство свидетельствует о длительном непрерывном использовании строения.

Помещение № 2 — среднее, ширина — 2,9 м, длина, как и первого, — 21,3 м. Здесь зачищено шесть полов (с отметки 1,57 до 2,56 м). В этом помещении, в его восточной стене, был главный вход в здание.

Помещение № 3 — северное, ширина — 3,3 м при той же длине, что и два первых. Отмечено шесть уровней полов (с отметки 1,7 до 2,65 м). В замке обнаружены бесспорные следы второго строительного горизонта, причем обживание замка в этот период было непродолжительным. Об этом свидетельствует ряд обстоятельств. Общая толщина полов (периодических намазок) не превышает 3—12 см. Перестройки и перепланировки были небрежными, нефундаментальными. Так, расчищена небольшая стена к востоку от внутреннего (осевого) прохода в среднем помещении, делившая его на две части. В северном помещении замка от второго строительного горизонта сохранилось больше признаков. Оно делилось на три части широкой стеной длиной 1,4 м, встроенной восточнее внутреннего (осевого) прохода, а также тонким простенком, располагавшимся еще восточнее. В северном конце последнего был проход, соединявший эти помещения. Выход из них в среднее помещение замка был прорублен в месте стыка южной стены северного помещения и восточной стены комплекса (в основном в толще первой).

Монументальность, особенно массивность стен, и планировка постройки (узкие и длинные помещения) были обусловлены характером перекрытия. Перекрытия, как это выяснилось в процессе раскопок, были сводчатыми. По остаткам свода, особенно в западной части южного помещения, можно заключить, что их конструкция была простейшей — это ложный свод, возможно, полуциркульный. Своды выводились из большеформатного кирпича и были громоздкими, а это требовало солидных опор, роль которых играли массивные стены. Но и это не объясняет в полной мере монументальность сооружения. Не последнюю роль здесь играло, очевидно, функциональное его назначение. Напрашивается вывод о том, что здание принадлежало к типу крепостной архитектуры.

Чисто типологически в архитектурно-планировочном отношении наш объект находит некоторые аналогии в жилой архитектуре IX—

X вв. Хорасана (Хорам-Кечик, Акуйли-Кошук)⁹² и в Хорезме⁹³. Более близкие аналогии мы приводили при описании вскрытого отрядом замка в раскопе I.

Очень трудно решить вопрос о перекрытии поперечных осевых проходов. Возможно, они были сводчатыми, основанными на системе арок. Но в таком случае был необходим целый ряд дополнительных опор. Обнаружено некоторое количество жженных кирпичей с остатками алебастрового раствора; возможно, это остатки разрушенных опор, но явных следов последних не обнаружено.

Обращает на себя внимание факт чрезвычайной разрушенности стен замка. Это вызвано, вероятно, следующими обстоятельствами:

1) Наш памятник однослойный и, следовательно, не имел позднейших культурных наслоений, которые могли бы защитить его от разрушения.

2) Постройка была одноэтажной и не имела большого количества быстро образовавшихся заполнений, которые также могли бы предохранить ее от разрушений.

3) Наконец, вследствие своей монументальности здание после запустения продолжало еще долгое время оставаться в видимой целостности, процессы разрушения, протекавшие медленно, повредили главным образом его нижние части.

Керамический материал на объекте очень бедный, он представлен в основном бытовой посудой, найденной в дерновом слое и на уровне последних полов. В остальных слоях заполнения керамика почти не встречается. Формы посуды следующие:

1. Крышки сосудов, грубоватой лепки, тесто с включением дресвы. Ручки в виде полусфер и двух отростков. Орнамент из пальцевых вдавлений и процарапанных геометрических линий.

2. Фрагменты хумов в значительном количестве. Очень интересны два фрагмента венчиков с процарапанными на них до обжига надписями уйгурским или арабским письмом (?).

3. Кружки.

4. Кувшины водоносные.

5. Массивные светильники с мелким резервуаром на разветвленной ножке.

6. Два фрагмента оссуариев.

Все изделия из глины находят аналогии в керамике, относящейся ко времени до IX в.

Нумизматический материал представлен всего шестью монетами тюргешей и «круга тюргешских» (в том числе небольшой клад).

Суммируя полученные данные об этом интересном памятнике, можно определить дату его существования — VII—VIII вв.

⁹² Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана. С. 151—152, 154—157.

⁹³ Толстов С. П. Древний Хорезм. С. 125.

Настоящий отчет представляет собой предварительную сводку выполненных Краснореченским отрядом работ. В силу ряда обстоятельств сравнительное изучение очень интересных и важных открытий или еще не сделано, или осуществлено далеко не в исчерпывающей мере. Так, изучение росписей, этого интереснейшего памятника искусства древности не может быть осуществлено до окончания реставрационных работ в Эрмитаже. Пока еще не определено содержание большого по объему (20 строк) текста на стенке хума. Не полностью изучен нумизматический материал. По отдельным архитектурно-планировочным вопросам объекта I окончательное мнение можно будет высказать лишь после завершения на нем работ.

Исследования объекта II фактически только начаты, их продолжение обещает дать много интересного. Однако уже приведенные результаты раскопочных работ и их анализ позволяют говорить, что раскопки на Краснореченском городище дали важные результаты.

В. Д. Горячева, К. М. Байпаков

◆

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГО-ТОПОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КРАСНОРЕЧЕНСКОГО ГОРОДИЩА В 1978—1983 ГГ.

◆

Краснореченское городище относится к раннесредневековым развитым городским центрам Семиречья с так называемыми длинными стенами. В его топографии выделяются цитадель, два шахристана, некрополь с культовым комплексом¹. Прилегающая к центральным развалинам обширная площадь (около 20 кв. км) окружена стеной. На этой территории четко видны следы ирригационной системы, отрезки внутригородских стен и разной плотности застройки.

Весь комплекс центральных развалин занимает площадь немногим более 100 га на краю левой надпойменной террасы р. Чу. Цитадель расположена в юго-восточном углу, на мысу, образованном поймой р. Чу и впадающим в нее горным саем. Небольшая речка опоясывала также поселение с запада.

¹ П. Н. Кожемяко несколько иначе описывает топографию памятника, выделяя в центральных развалинах юго-восточную часть с цитаделью, центральный четырехугольник (тортуль) и западную пристройку со своей цитаделью. Однако, анализируя своеобразие чуйских поселений, он относит краснореченские развалины к категории городищ с развитыми шахристанами. См.: Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 66—67, 177.

Цитадель представляет собой пирамидальный холм высотой 19,5 м, размером 110 x 110 м по подошве и 30 x 25 м по верхней площадке. С двух внешних сторон ее проходит ров, со стороны города были устроены водоемы, от которых сохранились продолговатые котлованы. Здесь же расположен пандусный въезд в цитадель; он защищался двумя выносными башенками, включенными в систему городских укреплений.

Шахристан-1, с пятиугольной ломаной линией стен, вместе с цитаделью занимает площадь 46 га. Микрорельеф его представляет собой отдельные всхолмления, особенно возвышающиеся по трем сторонам вдоль крепостных стен. П. Н. Кожемяко в свое время отмечал на западном участке двор в виде западины², восточнее которого проходила улица, пересекающая эту часть города и переходящая в центральный четырехугольник (шахристан-2). В южной стене были устроены два въезда. От ворот тянулись улицы, обозначенные ныне ложбинами шириной до 20 м. Два пандусных въезда отмечены в восточной и северных стенах, со стороны поймы р. Чу. С юга и запада шахристан-1 дамбой соединялся с шахристаном-2, который вписывается в общие контуры центральных развалин и занимает северо-западную их часть на площади в 19 га.

Шахристаны объединены системой оборонительных стен с рвами. Особенно глубокий и широкий (до 50 м) ров тянется вдоль южной и западной стен шахристана-2; на ряде участков он заполнен родниковыми водами. Стены сохранили следы башен и предвратных сооружений: в стенах шахристана-2 прослеживается 14 башен, шахристана-1 — 25 башен.

По мнению П. Н. Кожемяко, торткуль был выделен из всего комплекса при более поздней перестройке, о чем должны свидетельствовать рвы, расположенные вдоль стен с внутренней стороны³. Однако они не столь глубоки и широки (не более 4—5 м), скорее всего, это свободное пространство вдоль крепостных стен специально не застраивалось (скажем, для маневренности защитников города) и несло определенную функцию в общей системе городских укреплений. К шахристанам примыкает четвертая часть центральных развалин Краснореченского городища, именуемая П. Н. Кожемяко «западной пристройкой». Ее окружают крепостные стены с шестью башнями. Вдоль западного и северного фасов стен имеются всхолмления. Археологические работы 1978 г. позволили установить в цепочке холмов остатки городского некрополя; предварительно датированные VI—серединой X в.⁴ Культурный слой здесь достигает 5 м.

² См.: Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 66. В настоящее время почти вся площадь центральных развалин распахана под богару и поверхность памятника утратила былую четкость.

³ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 67.

⁴ Горячева В. Д., Береналиев О. Раскопки Краснореченского городища // АО — 1978. — М., 1979. С. 590—591.

В «западной пристройке» особо выделяется комплекс построек с округлым холмом в центре. Он окружен стенами с четырех сторон, а в восточный обвод этого микроукрепления включено еще два больших круглых холма, которые П. Н. Кожемяко считал цитаделью. Комплекс примыкает к сооружениям некрополя. Весь кладбищенский ансамбль занимает площадь 5 га. Заслуживает внимания то, что за стенами шахристанов и некрополя сохранилось еще несколько погребальных наусов и кладбищ VI—XII вв.

Следующую часть поселения составляют одиночные постройки в виде холмов, наибольшая концентрация которых наблюдается близ шахристана-1. В 1940 г. А. Н. Бернштам отмечал здесь улицу, вдоль которой тянулись четырехугольные в плане тепе. Он считал эту территорию рабадом города караханидского времени⁵.

Сложная топография городища в совокупности с материалами первоначально небольших раскопок служили основным источником для построения гипотез о путях формирования семиреченского города, суждений о характере его застройки и определения специфических черт. А. Н. Бернштам писал о сложении города из отдельных замков согдийской знати, поселившейся здесь в V—VI вв. В VII в. эти замки, согласно А. Н. Бернштаму, пустеют в связи с возведением укрепления на месте центральных развалин, а в VIII—XII вв. здесь сформировался город со всеми составными его частями — цитаделью, шахристаном и рабадом⁶.

П. Н. Кожемяко, напротив, считал, что раннесредневековая часть города развивалась постепенно, и запустения в связи с переходом жителей из одной части в другую не было. На постройках согдийского времени в процессе естественного развития города возникали строения последующих времен. «Длинная стена» возводится в VIII—IX вв.; вся территория, окруженная ею, к этому времени уже была застроена⁷. Возникнув и развиваясь как оазис оседлой торгово-ремесленной и земледельческой жизни в зоне обитания крупных племенных групп кочевников, город сохранял аграрные пережитки вплоть до XIII в.⁸

Наблюдения на местности позволили нам высказать другую точку зрения о формировании раннесредневекового города. Представляется, что, вопреки мнению П. Н. Кожемяко, центральный четырехугольник (т. е. шахристан-2) мог быть древнейшим крепостным ядром города. Он застраивался одновременно с возведением отдельных замков за его пределами. Стратиграфический раскоп на шахристане-2, заложенный П. Н. Кожемяко в 1961—1962 гг. (раскоп III), выявил три боль-

⁵ Чуйская долина... С. 30.

⁶ Там же. С. 20.

⁷ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 69.

⁸ Там же. С. 183—184; см. также: Петров К. И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начала XIII в. — Фрунзе, 1981, С. 190.

ших строительных горизонта, четко датированных комплексом керамики и монет XI—XII, VIII—X и V—VIII вв.⁹ Таким образом, нижняя дата образования культурных напластований определена V—VI вв. — временем начального освоения согдийцами Чуйской долины.

Зачистки разреза крепостной стены шахристана-2¹⁰ свидетельствуют о возведении ее на вырубленной в толщине материкового лесса платформе высотой 2,5 м. Кладка пахсовыми блоками разной величины (от 0,5 до 1,2 м в стороне) сохранилась на пятиметровую высоту при ширине 12,3 м по основанию. Кверху крепостная стена сужается, образуя заметную покатость ко рву. Стена несет следы ремонта и подкладок с внутренней стороны, однако вопрос о времени ее возведения и ремонтов остается открытым.

В 1979 г. в процессе раскопок некрополя выявлена глинобитная кладка его крепостной стены. Она выполнена ленточным способом: глиняные пласты толщиной 0,2—0,4 м наращивались друг на друга. Стена возведена на гребне естественного возвышения, на небольшой пахсовой платформе, и имеет ширину в основании 10,5 м. Кладка сохранилась на высоту 2,7 м. Стена была возведена в процессе застройки участка некрополя не ранее VII—середины VIII в., поскольку ниже его основания зафиксированы погребения, относящиеся к VII в.

Шахристан-2, основа поселения, кольцом окружали замки феодалов: на востоке это будущая цитадель, на юге — раскопанные А. Н. Бернштамом и П. Н. Кожемяко остатки замковых сооружений, погребенных под позднейшими буддийскими храмами и домами караханидского времени¹¹. Такой же раннесредневековый кешк начал раскапываться в 1978 г. в 1 км к югу от цитадели¹². Монументальным замком являлось тепе в 1,2 км к западу от некрополя, ныне разрушенное. Рядом с замком зафиксировано небольшое оссуарное кладбище.

Краснореченская цитадель дает пример типичного замкового комплекса¹³, поставленного на конусовидный стилобат, сложенный из блоков пахсы, которые, в свою очередь, уложены на естественный лессовый останец. В настоящее время в цитадели на площади в 90 кв. м выявлено три строительных горизонта VI—XII вв. К самому нижнему относится раскопанное до уровня пола узкое коридорообразное помещение, перекрытое коробовым сводом. Стены и перекрытия его выведены из длинномерного кирпича размером 47—44 x 23—20 x 10—8 см.

⁹ Кожемяко П. Н. Отчет о раскопочных работах на Краснореченском городище в 1962—1963 гг. // Фонды сектора археологии ИИ АН КиргССР. Инв. № 699. С. 40—49. (См. наст. работу. С. 40—51).

¹⁰ Разрез осуществлялся П. Н. Кожемяко в 1972 г. Материалы раскопок остались нам неизвестными.

¹¹ Чуйская долина... С. 30; Кожемяко П. Н. Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 г. (См. наст. работу. С. 7—23).

¹² Горячева В. Д., Береналиев О. Раскопки Краснореченского городища. С. 590.

¹³ В литературе уже отмечалась генетическая связь цитаделей с отдельно стоящими замками. См.: Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. — М., 1973. С. 21.

О среднем горизонте дают представление три вскрытых помещения. Примечательно использование несущих конструкций первого периода обживания здания в связи с ремонтами, надстройками и перепланировками. В ремонтных кладках использовался кирпич меньшего формата с характерным красноватым оттенком. Перепланировка и перестройка замка произошли, по-видимому, в IX—X вв., когда по внешнему его обводу была построена галерея, разделенная на ряд узких комнат; в центре располагались жилые и служебные помещения.

В VII—VIII вв. наблюдается рост поселения за счет застройки территории между шахристаном-2 и замком-цитаделью. В общую оборонительную систему включается вся территория; цитадель усиливается двумя выносными башенками, а рвы со стороны города превращаются во внутренние водоемы — хаузы.

Представляется, что застройка территории шахристана-1 была постепенной. Микрорельеф памятника с сетью холмов — остатков зданий внутри него — исключает усадьбную застройку, так как холмы расположены в непосредственной близости. Находки керамических шлаков предполагают и размещение ремесленного производства в пределах городских укреплений. Однако о характере планировки шахристанов можно будет говорить только после вскрытия культурных напластований на больших площадях. Стратиграфические раскопы и шурфы Семиреченской экспедиции и Чуйского отряда КАЭ свидетельствуют о прямой преемственности культурных слоев с VII по XII в.

Несколько слов о характере построек, находящихся непосредственно за стенами шахристанов и некрополя. А. Н. Бернштам, говоря о запусчении замков начиная с VII в., считал характерным для застройки пригородной части краснореченских развалин тот факт, что на остатках замков возводились культовые сооружения VIII—IX вв., а последние, в свою очередь, погребались под домами караханидского времени¹⁴. Подобная последовательность обживания раннесредневековых построек прослежена и при раскопках упомянутого выше кешка (раскоп I), где верхний горизонт дает планировку комфортабельного здания дворцового типа конца X—начала XI в. Дальнейшие раскопки его являются одной из насущных задач экспедиции.

В 1961—1963 гг. П. Н. Кожемяко продолжил раскопки на участках, где вела исследования Семиреченская экспедиция в 1940 г. Там оказался буддийский храм VIII—IX вв. со святилищем, обходной галереей и залом-айваном. Под храмом была открыта монументальная постройка замка VI—VIII вв.¹⁵

В 1980 г. раскопки храма были возобновлены. Изучение топографии выявило более сложный, чем это представлялось ранее, характер храмового комплекса. Храм был двухярусный и вытянут с востока на

¹⁴ Подобное явление наблюдается и на городище Ак-Бешим, где на остатках буддийской часовни IX в. были построены жилые дома последующего периода; сходно с Красной Речкой и расположение храмов за стеной шахристана.

¹⁵ См. наст. работу. С. 21—23, 38—40.

запад. Наиболее возвышенную часть представляет холм, имеющий 35—40 м в диаметре при высоте 5—7 м. С восточной стороны к нему примыкает площадка в виде плоского бугра шириной 35—60 м при высоте 1,5—3 м. Ниже по склону оврага бил родник, перед которым была сделана площадка. Микрорельеф объекта позволяет, таким образом, еще до полного вскрытия различить собственно храмовую часть, двор и расположенные восточнее служебные помещения.

В 1980—1981 гг. храмовая часть была оконтурена с трех сторон. На уровне перекрытий открыта большая часть святилища, сделаны зондажи перед входом в него с восточной стороны. Целлу перекрывал купол; переход от четверика стен к основанию купола осуществляли полукруглые в плане тропы с фестончатым очертанием арки. Купол здания обрушился, частью сполз, закрыв проход с восточной стороны. В конструкции купола использовались длинномерные сырцовые кирпичи размером 48—45 x 24—22 x 8 см. У восточной стены в завале найдены многочисленные кусочки росписей купола, в том числе сравнительно большой фрагмент (0,5 кв. м) с орнаментальным сюжетом в виде черных полос и цветов на красном фоне. Мотивы растительных завитков, ромбов, различных линий встречены также на лежащих здесь кусках глиняной штукатурки. Они исполнены красной, синей, зеленой и черной красками. Размеры святилища по верхнему ярусу раскопа, на уровне перекрытий, составляют 6 x 6 м при толщине стен 2,5 м.

Зал перед святилищем был оконтурен лишь частично. Он вытянут с севера на юг; вход перекрыт аркой, которая, как и тамбуровидный сводчатый коридор и сохранившиеся куски панелей, была покрыта росписями. Кроме того, свод был украшен полушаровидными налестками, подкрашенными в синий, белый и красный цвета.

По обе стороны от входа в целлу, в нишах, образованных выступами стен, находились скульптуры. В завалах найдены фрагменты бедер, рук, ступней, мочки уха, завитки волос. Судя по размерам этих фрагментов, скульптуры были разной величины. Складки одежды и торс окрашены в бело-розовый цвет¹⁶.

Храм был разрушен и заброшен еще в древности. Судя по фрагментарности находок, скульптуры у входа в святилище были разбиты намеренно. У статуи Будды, извлеченной в 1963 г., отсутствовали голова и верхняя часть туловища. Ближайшей аналогией планировки храма и конструктивных его особенностей является, по-видимому, так называемый первый храм Ак-Бешима, вскрытый Л. Р. Кызласовым в 1953—1954 гг.¹⁷ Скульптура усопшего Будды из западной галереи аналогична глиняно-каркасной скульптуре из буддийского монастыря Ад-

¹⁶ Полевая консервация фрагментов скульптуры и росписей произведена художниками реставраторами ВНИИР Министерства культуры СССР А. Д. Дорофеевым и Н. А. Ковалевой. О технике изготовления скульптуры и живописи храма, методах их консервации см. статью Н. А. Ковалевой в наст. издании. С. 130—137.

¹⁷ Кызласов Л. Р. Археологические исследования... С. 156—210.

жина-тепе¹⁸. Краснореченский храм можно предварительно датировать VII—VIII вв. Дальнейшие работы могут уточнить время его возведения и функционирования.

Расположение средневековых буддийских общин за стенами шахристанов, но в непосредственной близости от них, — характерное явление для ряда городов Средней Азии. Краснореченские культовые постройки, наряду с ак-бешимскими, подтверждают выводы исследователей о том, что с конца VI — первой половины VII в. некоторые правители западных тюрок становятся буддистами или, по крайней мере, покровительствуют этой религии¹⁹. Широкое распространение буддизма в Семиречье в эпоху тюркских каганатов связывается с переходом к оседлой жизни²⁰.

Возможно, что остатками храмового комплекса, связанного с зороастризмом, является серия холмов в ограде, примыкающей к некрополю. В 1972 г. траншеями и шурфами его исследовал П. Н. Кожемяко (материалы этих раскопок не опубликованы, их нет и в архиве). В 1979 г. были сделаны зачистки центрального холма сверху, с северной стороны, которые сразу же под дерном выявили монолитную сырцовую кладку из разноформатного кирпича. Раскопки объекта были свернуты в том же году из-за невозможности консервации вскрытой архитектуры.

В указанных территориальных границах близ центральных развалин зафиксированы и другие постройки, например вскрытый в 1978 г. многокамерный наус IX в., включенный в застройку усадьбы (см. статью В. Д. Горячевой в данном сборнике).

Возведение «длинных стен» вокруг поселения, по мнению П. Н. Кожемяко, относится к VIII—IX вв. Они не только являлись крепостными сооружениями, но и символизировали рубежи, своего рода административно-полицейские границы города. Однако в ряде источников, относящихся к середине VIII—X в. прямо говорится, что правители городов Семиречья имеют «по несколько десятков тысяч войска. Они живут смешанно в городах и селениях и часто воюют. Вообще же все землешахсы носят шлемы и щиты, берут друг друга в плен и обращают в рабство»²¹. Понятно, что в условиях постоянных военных стычек жители городов вынуждены были возводить крепостные сооружения не только вокруг жилищ, но и вокруг полей и садов.

В топографии городища (это еще более четко проявляется в других оседло-земледельческих памятниках Чуйской долины) отмечены отдельные отрезки стен, как бы наращенные к ранее существующим.

¹⁸ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепе. Архитектура, живопись, скульптура. — М., 1971.

¹⁹ Ставинский Б. Я. О международных связях Средней Азии в середине VIII в. (в свете данных археологии) // ПВ. 1960. № 5. С. 115.

²⁰ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепе. С. 120.

²¹ Зуев Ю. А. Китайские известия о Суйбе // Изв. АН КазССР. Сер. ист., археол. и этногр. 1960. Вып. 3 (14). С. 92—93.

Возможно, что выявленные П. Н. Кожемяко отрезки глинобитных стен в 1—1,5 км к юго-западу от шахристанов окружали не городские кварталы, как полагал П. Н. Кожемяко, где застройка была усадебная²², а служили более ранними границами города. По мере разрастания в течение столетий старые стены разбирались, а новые возводились. Ширина вскрытых отрезков стен составляет в кладке 8 м. Такая мощность позволяет предполагать в них более ранние крепостные сооружения городского предместья.

Таким образом, в VII—IX вв. происходит интенсивное заселение прилегающей к шахристанам территории и застройка ее усадьбами, культовыми и жилыми сооружениями различных религиозных общин²³, а также ремесленниками и земледельцами. Подобный процесс освоения пригорода в раннее средневековье характерен и для городов Согда и Чача. Исследователи именуют их рабадами, начавшими оформляться еще в «доарабское время», а позже ставшие главными центрами городов Средней Азии²⁴. По-видимому, к XI в. основным ядром становится эта пригородная территория и для города на месте Краснореченских развалин. Хотя еще обживаются цитадель и шахристаны, центр торгово-ремесленной и общественной жизни города переносится в бывший пригород.

Городская застройка в XI—XII вв. занимает площадь около 2 тыс. га, причем обживается и территория вокруг некрополя. Шурфы, заложенные в 1980 г. по всей площади «западной пристройки», выявили культурный слой только караханидского времени, с остатками отдельных домов-усадб XI—XII вв., характерной глазурированной керамикой и монетами илেকского чекана. Однако на холмах-наусах ранне-средневекового некрополя мусульманских захоронений уже не производилось. Дома горажан располагались довольно близко к крепостной стене и наусам как с внешней, так и с внутренней стороны.

На всей площади города, окруженной в это время длинной стеной, прослеживается застройка различной плотности, разветвленная сеть арыков и кубурных линий. В отличие от шахристана, застройка здесь — усадебного типа. А. Н. Бернштам отметил в свое время, что «предместье все в садах. Небольшие четырехугольные в плане дома стоят на сравнительно большом расстоянии друг от друга»²⁵. Раскопами серии домов в усадьбах П. Н. Кожемяко установил взаимное их расположение в 50—100 м друг от друга²⁶. К городу относит П. Н. Кожемяко и остатки построек IX—XII вв. за пределами длинной стены

²² Кожемяко П. Н. Раскопки жилищ горожан... С. 76—77; см. также наст. работу. С. 51—52.

²³ Наличие религиозных общин христиан-несториан засвидетельствовано находками по крайней мере одной согдийской надписи, упоминающей знатного тюрка-христианина, надгробных сирийских надписей и нагрудных несторианских крестов.

²⁴ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. С. 264.

²⁵ Бернштам А. Н. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. — Фрунзе, 1943. С. 23; Чуйская долина... С. 90.

²⁶ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 71.

Краснореченского городища — у сел Кенбулунь и Ивановка, считая, что в пору наивысшего расцвета поселение переросло границы, обозначенные стенами. Все эти постройки были, в свою очередь, также заключены в длинные валы²⁷.

Необходимо внести небольшие уточнения в историческую топографию этих поселений. Как показали данные археологических надзоров в местах новостроек и инструментальная съемка городищ в округе Красной Речки, часть тепе представляют собой остатки довольно крупных поселений — городищ Ивановского, Кенешского, Кенбулуньского (территория Казахской ССР), имеющих свои структурные части: цитадели, шахристаны и предместья. Заключение их в единую оборонительную систему с резиденцией, каковой являлся город на месте Краснореченских развалин, позволяет предполагать наличие целых округов-рустаков, подобно тому, как это было в Мавераннахре, однако с большей степенью слияния оседло-земледельческих поселений с городами, характерного для Чуйской долины.

Возникает вопрос о социальной интерпретации загородних построек Краснореченского городища. Видимо, большинство из них принадлежало тем группам населения, которые занимали периферийные участки между городскими стенами и валами городской округи. Другие, как представляется, служили летними жилищами городского населения. Сочетание в хозяйственной практике населения городов собственно городских и сельских занятий имеет этнографические параллели. Так, в ряде районов Средней Азии этнографы отмечают сезонные перемещения населения: значительная часть горожан проводила зиму в городе, а лето — в пригороде или вблизи земельных угодий. Жители Самарканда, Ташкента и ряда других городов Средней Азии до недавнего прошлого переселялись весной в свои сельские усадьбы и оставались там до глубокой осени. На зиму они вновь возвращались в город. На летних участках горожане выращивали сельскохозяйственные культуры — фрукты, овощи, хлеб, откармливали скот в расчете на зиму. Ремесло и торговля оставались основными занятиями, но они сочетались с работой в сельском хозяйстве. Иногда семья на лето разделялась: одна часть оставалась в городе, другая — переселялась в летнюю усадьбу или на надел. Обычно на участках не возводились капитальные постройки, а лепились небольшие домики с кладовыми и жильем. Некоторые ремесленники перемещали в летние усадьбы и мастерские, где работали летом²⁸. Обратившая на это внимание, О. А. Сухарева отметила еще один чрезвычайно любопытный факт: у горожан, кроме собственных усадеб, имелись и загородные общинные земли, занятые в основном зерновыми культурами²⁹.

²⁷ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 70—71; Чуйская долина... С. 87—88.

²⁸ Сводку сведений о занятии горожан земледелием см.: Сухарева О. А. Традиция сочетания городских и сельских занятий Средней Азии конца XIX — начала XX в. // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. — М., 1979. С. 202—212.

²⁹ Там же. С. 206.

Это явление, по-видимому, помогает понять топографию самих длинных стен-валов вокруг городской застройки. Исследователи чуйских и таласских городищ средневековья отмечают сложную систему этих стен, которые не только окружают всю территорию земельных угодий, но и делят ее на внутренние участки различных размеров.

Кратко подытоживая результаты исследований на Краснореченском городище за пять полевых сезонов, следует отметить, что проведенные работы позволяют пока лишь гипотетически наметить основные этапы развития города и его территориальный рост. Раскопки храмов и некрополя дают представление о характере религии горожан и погребальной обрядности на различных этапах жизни города; новые материалы рисуют очень пеструю конфессиональную картину раннесредневекового города Семиречья, в котором сосуществовали языческие культы, зороастризм, христианство, манихейство, буддизм и ислам, постепенно вытеснявший другие религии.

На очереди стоят задачи дальнейшего глубокого изучения города, прежде всего, выявление первоначальной застройки и ее постепенной эволюции, вычленение городских кварталов и выяснение их характера, определение уровня развития ремесел и торговли в разное время жизни города; предстоит изучить связи города и степи, а также выяснить роль города в истории Семиречья и Тянь-Шаня в средние века.

В. А. Лившиц

СОГДИЙЦЫ В СЕМИРЕЧЬЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Махмуд Кашгарский, собиравший в Семиречье в 60-х годах XI в. материалы для сравнительного словаря тюркских языков (Диван лугат ат-турк), был свидетелем одного из важнейших изменений этнической карты этой области: завершения процесса ассимиляции согдийцев тюрками (по словам В. В. Бартольда, «последняя стадия денационализации» согдийцев Семиречья). В словаре Махмуда Кашгарского содержатся данные, позволяющие составить четкое представление об основных признаках этого процесса: согдийско-тюркское двуязычие в некоторых районах Семиречья (в том числе в Баласагуне, Таразе, Исфиджабе, см. Диван..., 1,30); полная утрата согдийцами своего языка в других районах; преобразование фонетической системы ряда тюркских диалектов Семиречья под воздействием согдийской фонетики («мягкость» в диалектах племен сугдак, кеджак и аргу — 1,29; изменения в фонетике тюркской речи всей области Аргу, от Исфиджаба (согд. *Spetc-ар букв. 'Белая река', ср. арабское название Исфиджаба — Ма-

динат ал-байда 'Белый город') до Баласагуна — 1,31; это явление можно, очевидно, объяснять не только как результат согдийского субстрата, но и как следствие двуязычия тюркского населения городов Семиречья); утрата ряда характерных этно-культурных особенностей, присущих согдийцам, предшествовала, по-видимому, их полной языковой ассимиляции (1,391 и сл. — согдийцы Баласагуна «приняли одежду и нравы тюрков»).

Сведения письменных источников (в частности, данные раннесредневековой топонимии) указывают на существование в Семиречье многочисленных городских поселений, основанных согдийцами. Эти данные в настоящее время существенно дополняются археологическими материалами, которые характеризуют масштабы и этапы согдийской колонизации Семиречья (по А. Н. Бернштаму, две главные волны колонизации — III—V и VII—X вв.), роль согдийцев в городской жизни, ремесленном производстве, торговле и культуре. Можно полагать, что среди согдийцев Семиречья были не только горожане-ремесленники и торговцы, но и жители земледельческих сельских поселений (ср. положение в Восточном Туркестане).

Военно-политическое господство тюрков и характерная для тюркской государственной структуры удельно-лестничная организация власти должны были взаимодействовать на территории Семиречья с традициями политического и административного устройства согдийских городов (насколько мы знаем о них для Самаркандского и Бухарского Согда). Данные арабских и персидских источников здесь очень немногочисленны. Заслуживают внимания воспоминания о том, что во главе поселений, в которых жили согдийцы, стояли представители тюркской знати (см., например, отмеченное еще В. В. Бартольдом сообщение Худуд ал-'алам л. 18-б, о семиреченском селении Бигилиг, согдийское название Самакна (?), которое могло выставить 3000 воинов во главе с дехканом Йинал-бег-тегином). Аналогичные данные можно извлечь из древнетюркских манихейских текстов, происходящих из согдийско-тюркских поселений Восточного Туркестана (Турфан, VIII—X вв.); особенно важна в этом отношении эвлогия, написанная манихейским священником тюрком Агдуком по случаю воцарения «в стране Аргу-Талас» карлукского принца, покровительствовавшего манихеям в городах Семиречья. О тюрках — главах или покровителях согдийских городских общин упоминают согдийские надписи, обнаруженные в Семиречье.

Согдийско-тюркский культурный симбиоз, ярко проявившийся в великой эстафете согдийской письменности, наложил отпечаток на лексику как древнетюркского, так и согдийского языка. Речь идет о двусторонних заимствованиях из разных лексических слоев. Ср. например, помимо отмеченных в «Древнетюркском словаре» (Л., 1969): др.-тюрк. (по Махмуду Кашгарскому — в диалектах аргу и ягма) *maraz* 'поденщик, батрак' из согд. *marāz*; др.-тюрк. (огузское, по Махмуду Кашгарскому) *cat* 'колодец' из согд. *cat*; др.-тюрк. *borg* 'долг' из согд. *puṛe*;

др.-тюрк. *qat* 'шаман' из согд. *kaw* 'жрец, великан'; др.-тюрк. *suγdic* 'зимние пирушки, которые устраивались в порядке очередности' из согд. **suγdic* от *suγa* 'очищенный огнем; святой' (ср. для семантики тадж. *alou-xopa* букв. 'дом огня' — название мужских общинных домов); др.-тюрк. *atanc* 'знатный, уважаемый, благородный' из согд. **atanc* 'мощь, авторитет'; др.-тюрк. *qatir* 'мул' из согд. *xartar*; др.-тюрк. *miskic* 'дикий кот' из согд. *muskic*; др.-тюрк. *qumlaq* 'эфедра, хвойник' (название растения) от согд. *xoṃ* 'хаома' др.-тюрк. *baqir* (мера веса) из согд. *paṃxəg* и мн. др.; с другой стороны — согд. *βidiz* 'резьба, орнамент' из др.-тюрк. *bediz*; согд. *kar* 'форма, шаблон' из др.-тюрк. *ker*; согд. *agaβ* 'пламя' из тюрк. *alov* 'огонь, пламя' и др.

Многочисленные заимствования из согдийского в древнетюркской культовой лексике, связанной с тремя усвоенными через посредство согдийцев религиями — буддизмом, манихейством и несторианским христианством, — точно свидетельствуют о времени и путях распространения этих религий в тюркской среде. Для Семиречья о наличии согдийцев-буддистов можно судить, в частности, по находке на территории буддийского храма в Ак-Бешиме булл с согдийской надписью (*grp* 'благодать'). Роль согдийцев в распространении христианства среди тюрков Семиречья сохранилась в применении согдийского варианта сирийско-несторианского алфавита (эстрангело) для фиксации древнетюркских христианских текстов. Этот вариант письма мы находим не только в древнетюркских христианских фрагментах из Турфана, но также в большой, уйгурской по языку, надписи на золотой печати знаменитого несторианского патриарха, тюрка Мар Яхбаллаха III (печать была ему пожалована в 1281 г. ильханом Абака-ханом) и, что особенно важно, в тюркских несторианских («сиро-тюркских») эпитафиях из Семиречья XIII—XIV вв. Во многих текстах этих эпитафий можно обнаружить и не распознанный до сих пор согдийский термин: *qwt'sns*. Это слово следует только после женских имен собственных, оно соответствует тюркскому произношению *qostanc* из согд. **xustanc* 'старшая; руководительница, настоятельница', по форме — жен. род. к *xuste*, *xust* 'старший, глава, мастер' (вариант *xustar* отражен в др.-тюрк. *qostr*). Этот термин должен был быть заимствован, очевидно, еще до XI в. и сохранялся в течение нескольких столетий у тюрков-несториан Семиречья.

Согдийское письмо и согдийский письменный язык до создания древнетюркских письменностей (уйгурской и рунической) были, несомненно, в официальном употреблении в тюркских государствах Семиречья. Об этом свидетельствуют надписи на тюркешских монетах, правильно определенные О. И. Смирновой как согдийские не только по письму, но и по языку. Аналогичным было положение в других ранних тюркских государствах: на берегах Орхона, в I каганате, в конце VI в. пышную эпитафию кагану составляли и писали на согдийском языке; в тюркских княжествах Тохаристана на подражания сасанидским драх-

мам наносили надчеканы, на которых согдийскими буквами переданы тюркские титулы (γ'γ'n 'каган', tkup 'тегин' и др.). Применение согдийского языка и письменности было связано с двумя основными причинами: наличием согдийских поселений и международным престижем согдийского языка.

На тюркешских монетах VIII в. представлен «один из подготовительных этапов адаптации тюрками Семиречья согдийского письма» (А. И. Щербак). Следующий этап, казалось, должен был привести к быстрому вытеснению согдийской письменности (и письменного языка) древнетюркскими — уйгурской, прямо продолжающей согдийскую, и рунической, которая также была создана, по-видимому, на основе согдийской, но с сильной трансформацией знаков. Однако уйгурская и руническая письменности лишь сузили сферу применения согдийской; примечательно, что среди согдийских — по языку и письму — надписей из Семиречья, известных в настоящее время, есть и составленные тюрками.

Согдийский письменный язык не сдал своих позиций в Семиречье и в IX—X вв., когда в этой области стала распространяться арабская письменность. Наиболее поздние из известных в настоящее время согдийских надписей Семиречья относятся к началу XI в.; эти надписи — самые поздние из до сих пор обнаруженных датированных согдийских памятников.

Еще сравнительно недавно считалось, что в Семиречье известен лишь один фрагмент согдийской надписи на керамике (надпись на ручке глиняного сосуда с городища Красная Речка, по палеографии — IX — начало X в., сохранилось лишь одно слово). В настоящее время в нашем распоряжении имеется две группы надписей: на керамике и на скалах. Эти надписи в равной мере важны для филолога и историка; в них содержится не известная ранее согдийская лексика; некоторые особенности языка надписей (в частности, применение указательного местоимения 'упу 'это(т)' и оптативной частицы γур указывают на их диалектную специфику (сходные особенности можно отметить и в согдийских надписях из Монголии — Бугутской и Карабалгасунской); в семиреченских надписях обильно представлены древнетюркские имена собственные, нередко в сопровождении согдийских титулов; в этих надписях содержатся данные, позволяющие судить об исторической обстановке и конфессиональной среде, в которых эти памятники были созданы; в нескольких наскальных надписях сохранились даты.

Большинство надписей на керамике начертаны поздним согдийским курсивным письмом и могут быть датированы IX—X или даже началом XI в. К этому периоду относятся:

а) Надпись на венчике хума, найденного в 1941 г. на городище Красная Речка¹. Надпись, занимающая всю окружность венчика, гла-

¹ Надпись ранее не публиковалась, хранится в историческом музее г. Фрунзе. О находке ее упоминал А. Н. Бернштам (Уйгурская эпиграфика Семиречья // ЭВ. 1947. Вып. 1. С. 34), он считал надпись уйгурской и датировал — по археологическим данным — IX—XI вв.

сит: упу ўуыск ўгўткын мер'ну руд'г ўв ўвст'ры пстўн ўв ірўнсы у'т 'туп 'туп 'Этот хум (предназначен) для учителя Йарук-тегина. Мастер — Пастун. Пусть будет он (-хум) наполненным, аминь, аминь!'

Имя Йарук-тегин известно в древнетюркской ономастике². В надписи оно сопровождается сирийским титулом malp'āpā 'учитель, наставник' (mlp'пу — согд. форма косвенного падежа), впервые, насколько известно, засвидетельствованным в согдийском, но многократно представленным в «сиро-тюркских» эпитафиях из Семиречья. Этот титул, а также заключительное «аминь», не оставляют сомнений в том, что знатный тюрк Йарук-тегин был одним из руководителей христианской общины города Сарыга (согласно А. Н. Бернштаму, Сарыг соответствует городищу Красная Речка).

б) В мастерской гончара Пастуна был изготовлен еще один хум, обнаруженный в 1941 г. на том же городище, с более краткой надписью³: 'упу ўуыск ўвст'ры пстўн 'мастер этого хума — Пастун'.

в) В археологическом кабинете Ташкентского государственного университета хранится фрагмент венчика хума, также найденный на Красной Речке; на фрагменте сохранились лишь начало и конец надписи⁴: 'упу βγwn (или βsgwn) pγβtkw (·) sy'у 'Этот сосуд подарен ...да будет!'

г) О подарке жителей одного из согдийских поселений Семиречья своему созерену, тюркскому владельцу, можно судить по большой двустрочной надписи на венчике хума, который был найден в 1941 г. на городище у с. Покровки, примерно в 20 км к западу от Красной Речки⁵:

(1) 'упу wrs'k p'k'pc n'βcyh β'упу 'уны mδw β't s't zmn wγ'r ўвβw syγ wуп'п (?) (2) MN βγsy prnβyrt'k⁶ 'lp pylk' ўвβw ууп ўвстw syγ'k 'Этот сосуд — дар общины Пакапа. Это вино в радостное время пей, государь, ... Государь Алп-Бильге, получивший счастье от богов, да будет счастливым, благоденствующим!'

Селения или города Пакап (Ракар) в арабско-персидских источниках обнаружить не удалось, однако не вызывает сомнения, что это

² Древнетюркский словарь. — Л., 1969. С. 244.

³ Подробное описание хума (хранится в историческом музее г. Фрунзе) и прорисовку надписи см.: Бернштам А. Н. Уйгурская эпиграфика Семиречья. С. 34—37. Рис. 2 (А. Н. Бернштам пытался читать надпись по-уйгурски). См. также фотографию надписи: Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. — Фрунзе, 1963. Вып. 1. С. 37—38. Рис. 20.

⁴ Фрагмент не публиковался.

⁵ Хум хранится в музее школы-интерната г. Фрунзе. Фотография надписи опубликована Ч. Джумагуловым (Эпиграфика Киргизии. С. 40. Рис. 22). Попытку чтения надписи как уйгурской предложил Э. Р. Тенишев (Древнеуйгурские надписи Киргизии // НАА. 1964. № 1. С. 146—147).

⁶ Чтение первых трех слов второй строки см.: Смирнова О. И. Согд // ПС. — Л., 1970. Вып. 21 (84). С. 144.

была одна из согдийских колоний в Чуйской долине (возможно, пригород Сарыга).

д) Краткая согдийская надпись на венчике хума обнаружена при раскопках Якалыг в Чуйской долине⁷; *Syrgn sps'y* 'епископ Ширфарн'. Имя *Sirfarṇ* — типично согдийское. Второе слово является обозначением духовного сана, известного по манихейским текстам из Турфана, но употреблявшегося, вероятно, и в согдийско-христианской терминологии.

е) С городища Тараз происходит краткая вертикальная надпись, вырезанная на стенке хума⁸: *'yl t'y msydz* 'пресвитер Иль-таг' — тюрк, который был христианином или манихейским пастырем.

ж) К IX или X в. можно отнести вертикальную надпись из 3 коротких строк, процарапанную на шиферной пластинке (найдена в 1983 г. при раскопках Тараза)⁹. По содержанию это — памятная долговая запись: (1) *ṛty 'sty ṛz' y twmkt* (2) *ctṛ'ṛ LY pum'kw* (3) *ḍṛyū*¹⁰. 'И имеет-ся за округом (землей) Тумкат четыре с половиной драхмы'. Заслуживает внимания топоним *Twmkt* (*Tumkat*) — название округа и, вероятно, города, которое напоминает Тункат (*Tunkat*) и Тук(к)ас (*Tuk(k)av*) арабо-персидских источников.

Особую группу составляют согдийские наскальные надписи в ущельях Терек-сай и Кулан-сай на южном склоне хребта Киргизский Алатоо, к северу от современного г. Талас. Эти надписи известны науке уже с конца XIX в. Они начертаны вертикальным курсивным письмом и по палеографии близки к уйгурским памятникам; до недавнего времени они считались уйгурскими и по языку (такое определение было дано В. В. Радловым, который мог ознакомиться лишь с прорисовками нескольких строк)¹¹.

Надписи принадлежат к числу «посетительских», они содержат перечни (иногда очень обширные) имен, в подавляющем большинстве древнетюркских. Это имена путников, поднимавшихся по караванным тропам через ущелья Терек-сай и Кулан-сай. Согдийские нарицательные существительные, союзы, глагольные формы, а также формулы да-

⁷ Надпись не опубликована, хранится в музее г. Джамбула.

⁸ Не издана, находится в музее г. Джамбула.

⁹ Фотографию надписи см.: Бернштам А. Н. Новые эпиграфические находки из Семиречья // ЭВ. Вып. 2. 1948. С. 111. Рис. 5.

¹⁰ Опяска вместо *ḍṛyū*.

¹¹ Об открытии и изучении этих надписей см.: ПТКЛА за второй год. — Ташкент, 1897. С. 13; *Каллаур В. А.* Археологическая поездка по Аулиеатинскому уезду // ПТКЛА за второй год, приложение к протоколу от 29.VIII. 1897 г. С. 4—6; ПТКЛА за второй год, протокол от 10.XI 1897 г. С. 6; *Каллаур В. А.* Новая археологическая находка в Аулиеатинском уезде // ПТКЛА за третий год. — Ташкент, 1898. С. 123—124; *Иванов П. П.* К вопросу о древностях в верховьях Таласа // С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. — Л., 1934. С. 249—250; *Массон М. Е.* Археология на службе социалистического строительства. Новые пути археологии Средней Азии // Червоний схід. — Харьков, 1931. № 1—2 (16—17). С. 207; он же. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии // Материалы Узкометариса. — М., Л., 1936. Вып. 6—7. С. 11—12;

тировки достаточно точно определяют язык этих надписей как согдийский. Лишь очень краткие надписи, которые содержат только тюркские имена собственные, могут быть отнесены к числу уйгурских.

Несколько надписей имеют даты по эре Иездигерда III (этой эрой пользовались согдийцы-зороастрийцы, но также христиане и манихеи), они приходится на период с начала X до конца первой четверти XI в.

Краткая надпись I-а в ущелье Терек-сай¹² — самая ранняя из датированных надписей этой группы, начертал ее тюрк: (1) 'kwsrh 'δw 100 (2) 20+20+20+10+5 srδ pur'yusym (3) 'yпу pst'y ywβw (4) kwl tk'yп 'lp try'n '275-й год хосрова (-Иездигерда III). Мы написали эту надпись — государь Кюль-тегин Алп-таркан'.

На большой скале в Терек-сае выбиты 7 согдийских вертикальных надписей и 3 рунических. Это — самый большой по объему эпиграфический комплекс на всей территории Средней Азии. Наиболее поздняя, судя по ее положению на скале, надпись (II-ж) сохранила дату — первый месяц 371 г. эры хосрова, что соответствует 1002 г. н. э. Другие согдийские надписи на этой скале относятся, вероятно, к X в. В сохранившихся частях надписей представлены перечни древнетюркских имен, мужских и женских, причем некоторые мужские имена сопровождаются титулом ywβw 'государь', а при женских регулярно выступает титул y'twp 'хатун, госпожа'; в надписях упоминаются также имена дочерей (сочетание и. с.+согд. δywt 'дочь'). В надписи II-г мы вновь встречаем указание на то, что согдийскую надпись написал тюрк: 'lp rpyr' ywβw purys 'Государь Алп-богра это написал'.

В ущелье Кулан-Сай на гранитной скале выбиты 2 согдийские и 1 руническая надпись, в том числе большая согдийская из 18 вертикальных строк (надпись III-а). Она датирована 6-м месяцем 394 г. эры хосрова, что соответствует августу — сентябрю 1025 г. Это — самый поздний из всех известных в настоящее время согдийских текстов, имеющих точные даты. В надписи приведен эквивалент даты по тюркскому 12-летнему циклу «год Мыши» (pws srδ). Среди древнетюркских имен, перечисленных в надписи, 9 мужских и 9 женских. Особый интерес вызывает государь Иль-тиргюк Алп-бургучан Алп-таркан ('yl tyrkwk 'lp βrywc'n lp try'n ywβw), имя которого точно совпадает с именем чигильского правителя Аргу — Таласа в колофоне древнетюркского манихейского текста из Турфана.

Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. — Ташкент, 1958. С. 142—147; Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. С. 7; Сыдыков С. Древние надписи в ущельях Кулан-сай и Терек-сай // Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. — Фрунзе, 1964. С. 102—106.

В 1973 и 1975 гг. автор этих строк исследовал надписи на месте, в ущельях Терек-сай и Кулан-сай. Подробные описания и чтения всех надписей, с переводами и комментариями, даны в книге «Согдийская эпиграфика Семиренья» (в печати).

¹² См. фотографию: Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. С. 41. Рис. 24. Э. Р. Темишев (Древнеуйгурские надписи Киргизии. С. 148—149) читает эту надпись по-уйгурски и переводит: «Что за монахи, что за колокол! 1590—91 (год), сподвижники, вероучители, миряне. Вода чужих людей, выйдя из озера, низвергается водопадом»: Все это очень странно.

В заключительной, 18-й строке надписи содержится тюркское имя ее составителя — Кюльтак, с эпитетом «благословенный» (kwyltk rpnwntu). Возможно, что именно об этом лице писал в своем словаре Махмуд Кашгарский (1,394): «Qulbaq — имя тюркского отшельника, который постоянно жил в горах Баласагуна. Рассказывают, что он писал своей твердой рукой на твердой черной скале: *tānri qulī Qulbaq* ('раб божий Кулбак'), и надпись получалась белой. И писал он таким же образом на белой скале, и получалась черная надпись. Следы его остались до сих пор».

В. Д. Горячева

◆ НАУСЫ НЕКРОПОЛЯ КРАСНОРЕЧЕНСКОГО ГОРОДИЩА ◆

Раскопками А. Н. Бернштама и П. Н. Кожемяко на территории Краснореченского городища было выявлено несколько небольших кладбищ на развалинах построек, содержащих погребения, совершенные в разное время. Подавляющее большинство их относится к домусульманскому времени. Обряд захоронения был определен А. Н. Бернштамом как зороастрийский и мусульманский¹. В восточной части городища в разные годы отмечались находки несторианских намогильных камней, позволяющие предполагать наличие здесь христианских кладбищ².

В 1977 г. сотрудниками Кыргызского республиканского общества охраны памятников истории и культуры были приостановлены хозяйственные работы на одном из холмов в 350 м к западу от шахристана-2. В развалинах ими обнаружены следы построек и оссуарные захоронения³. В следующем году на этом месте были сделаны зачистки разрезов котлована и заложен стратиграфический раскоп III. Дальнейшее изучение местности привело нас к выводу о размещении на данной территории обширного некрополя раннесредневекового города⁴.

Домусульманский некрополь расположен в 300—350 м от шахристанов на естественном лессовом возвышении. Ранее мы считали, что

¹ Чуйская долина... С. 30—35. Кожемяко П. Н. Раскопки жилищ горожан X—XII вв. на Краснореченском городище. С. 82—83.

² Чуйская долина... С. 20; Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. — Фрунзе, 1941. С. 107; Массон М. Е. Происхождение двух несторианских намогильных галек Средней Азии // ОНУ. 1978. № 10. С. 53 (автор пишет о находке несторианского памятника в с. Бирбулак в 6 км к западу от с. Ивановка).

³ Кулматов Т., Останков В. Д. Обследование памятников в Северной Киргизии // АО — 1977. — М., 1978. С. 571.

⁴ См.: Горячева В. Д., Берналиев О. Раскопки Краснореченского городища // АО — 1978. — М., 1979. С. 590—591; Байпаков К. М., Горячева В. Д. Раскопки Красно-

основу его составляли группы наусов и камер⁵, представленных цепочкой бесформенных холмов, растянувшихся на 0,5 км. Однако полевые исследования последующих лет свидетельствуют о более сложной истории формирования некрополя.

Наибольшие всхолмления наблюдаются вдоль западной стены некрополя, возведенной уже в процессе сложения кладбища. Глубокой ложбиной оно делится на две части: северную его половину занимают остатки погребальных комплексов (наусов, камер и других могил), а южную — постройки в четырехугольной ограде на площади 240 x 160 м, в центре которой возвышается коническая башня-холм. Современный арык прорезает здесь культурный слой до 2,5 м; в разрезах зафиксированы остатки погребений. В предварительных публикациях эта часть городища предположительно именуется храмовым или погребально-культовым комплексом в системе городского некрополя. Общая площадь его составляет около 5 га.

Центральный холм возвышается на 12 м, диаметр его в оплыве около 40 м. Частичные зачистки холма показали, что сооружение представляет собой монолитную башню, сложенную из сырцового разномерного кирпича и пахсы на глиняном и ганчевом растворе. Пахса подтесывалась и расставлялась под окружность, в результате башня имела вид четко выраженного конуса. Диаметр верхней площадки составляет 8 м. Здесь сырец⁶ уложен в перевязку швов, плотно друг к другу, а по краям — радиально. На глубине 2,3 м от верха холма с северной стороны зачищена площадка метровой ширины — остаток разрушенной платформы или верхнего яруса обводной сводчатой галереи, ведущей наверх. Арка перекрытия выведена отрезками, проем высотой в 1,1 м заложен сырцовым кирпичом. Забутовка не разбиралась; зачистки были временно прекращены ввиду необходимости консервации объекта.

У основании холма найдено большое количество кусков обожженной расплавленной глины и шлаков силикатного состава, которые, по данным химического анализа, могут являться продуктом плавки руды. В связи с этим можно было бы предположить, что при храме были производственные мастерские по изготовлению различных атрибутов из металла — курильниц, плошек, светильников или неких искусственно приготовленных горючих веществ, употреблявшихся при церемониях возжигания огня. Можно в этой связи указать на изображения горящих загадочных шариков в курильницах-жертвенниках на стенных росписях Варахши⁷.

ченского городища // АО — 1979. — М., 1980. С. 481; Горячева В. Д., Байпаков К. М. Раскопки Краснореченского городища // АО — 1980. — М., 1981. С. 483—484; Байпаков К. М., Горячева В. Д. Раскопки на Краснореченском городище // Памятники Киргизстана. — Фрунзе, 1982. Вып. 5. С. 58—62.

⁵ Байпаков К. М., Горячева В. Д. Раскопки на Краснореченском городище. С. 61.

⁶ В кладке употреблен кирпич размерами: 40 x 20 x 10 см; 30 x 15 x 8 см; 44—45,5 x 41 x 10 см; 47 x 37 x ? 50—52 x 26—30 x 10 см; 54—56 x 24—26 x ?

⁷ Шишкин В. А. Варахша. — М., 1963. С. 161.

В качестве рабочей гипотезы мы предлагаем рассматривать центральное сооружение как остатки храма-башни, связанной с возжиганием и хранением священного огня зороастрийской общины города а, возможно, — и всей Федерации согдийских городов этой части Семиречья. При общественных цермониях огонь выносился наверх. До полного вскрытия объекта следует воздерживаться от реконструкций и окончательных выводов. Отметим лишь, что многочисленные находки домашних культовых очажков, заслонок, подставок под курильницы и самих курильниц в черте города также могут свидетельствовать о широком распространении среди горожан культа огня. Особенно примечателен в связи с этим найденный на Сокулукском городище святильник-обелиск, который представляет собой модель башни-храма в виде четырехугольной усеченной пирамиды на круглом основании⁸. Подобные образцы известны и в других районах Средней и Передней Азии III—VI вв. н. э.⁹ Монументальные башни-храмы, которые А. Годар именует «сигналами», характерны для сасанидского времени¹⁰. Они, как правило, возводились вблизи городов, но стояли изолированно, на возвышенной местности, видимые издалека.

Стратиграфические зачистки на территории некрополя показали, что первоначально здесь был могильник с погребениями в грунтовых ямах, полуподземных склепах, подбоях и катакомбах. С течением столетий эти могилы обрастали новыми пристройками, а затем совершенно сглаживались, создавая платформу для нового яруса могил и погребально-культовой архитектуры.

Раскопки начаты на одном из холмов, примыкавших к крепостной стене, в северо-западной части некрополя. Холм размером 22,5 x 15 м в оплыве и высотой до 5 м. На разной глубине в разрезах фиксировались человеческие кости. Южная граница холма плавно переходила в наслонения расположенного рядом другого холма, а западная — примыкала к стене; с востока и севера холм ограничивали обрывы.

Выявлено три больших, четко выраженных горизонта со свойственными им периодами строительства погребальных сооружений и смены обрядности¹¹. Полностью изучен верхний горизонт, состоящий из остатков наусов, камер и одиночных впускных могил. Культурные напластования в этом горизонте составляли уплотненные слои глины, пахсы, сырца, глиняных и ганчевых штукатурок с голубым и розовым пигментами былых росписей, вкрапления золы, угольков, а также костей людей и животных. Мелкие кости встречаются повсюду, что свидетельствует о многократной перекопке земли, в результате чего ранее

⁸ Чуйская долина... С. 11. Табл. IV—3.

⁹ Филанович М. И. Башнеобразные культовые курильницы из Мерва // Тр. ЮТАКЭ. — Ашхабад, 1978. Т. XVI. С. 31—43.

¹⁰ Godard A. Les monuments du feu // *Athar-ê Iran*. — Paris, 1938. T. III. Fasc. 1.

¹¹ Вскрыто всего 230 захоронений. Раскопки объекта не закончены, поэтому в данной публикации описана лишь часть материала с предварительными выводами. Окончательное решение проблем, связанных с изучением Краснореченского некрополя, — задача будущего.

совершенные погребения нарушались поздними и кости попадали в засыпку могильных ям, заполняли наусы и камеры. Погребения верхних трех ярусов, как правило, бессистемны; характер обряда и конструкции могил удалось установить лишь для части захоронений. Это главным образом впускные погребения в прямоугольных и овальных ямах, иногда обложенных сырцовыми кирпичами; имеются также впускные погребения в виде кучек костей, иногда уложенных в хум или его обломок.

Зачищены остатки 21 постройки типа одиночных камер и семейных склепов, известных в Средней Азии как наусы. Они сложены из длиномерного сырцового кирпича и нарезанной пахсы, с характерной для раннего средневековья комбинированной кладкой. Все сооружения — наземные, расположены компактно. Они стоят на плотно утрамбованной и частично забутованной кирпичами площадке, образующей как бы единую платформу для склепов. Уровень ее четко прослеживается по всему раскопу на глубине 2—2,3 м (с некоторым уклоном к юго-востоку). Наусы возводились компактными группами между стенами, разделяющими их. Одна часть сконцентрирована приблизительно в центре всего комплекса, вокруг открытой площадки, откуда лазы вели в склепы. Южную группу составляли наусы № 2, 3, 5. С запада располагались наусы № 6, 9, 17, 18 (?). В северной части раскопа располагался, по-видимому, многокамерный наус, от которого целиком сохранился один склеп (наус № 1). Он соединялся с просторным помещением, где у входа лежал скелет ребенка. Восточная группа наусов (№ 11—14) обращена фасадами на юг и восток. Здесь они сохранились хуже.

Краснореченские наусы были небольшие и, как правило, не имели суф. Полезная «функциональная» площадь составляла 1,5—4 кв. м, а высота склепов едва превышала человеческий рост. Все вскрытые постройки были единообразные по конструкции — прямоугольные, со сводчатым перекрытием объема или квадратные с куполами. В трех из них сохранились подкупольные устройства в виде примитивных тромпов, не выделенных в единый ярус, а вкомпанованных в оболочку купола. Все они сложены из сырца размером 40—42 x 20—22 x 8—9 см. Некоторые из склепов сохранили глиняную обмазку стен и полов до 2 см толщиной.

Заполнение наусов различно. Так, в наусе № 1 оказалось два яруса погребений. В северо-западном углу над полом зачищено четыре поврежденных черепа, несколько мелких косточек и берцовая кость. Под ними, на полу, в куче, присыпанной глиной, лежали останки трех человек, в том числе ребенка. Кости всех скелетов были перемешаны, а длинные и тазовые — переломаны. Структура костей без патологии, поэтому представляется, что разломы костей — не случайное явление и связано, возможно, с каким-то обрядовым действием. Сопроводительного инвентаря не было. На полу, у входа, лежали не потревоженные скелеты двух взрослых людей (с сохранением анатомического порядка) с ориентацией головы на северо-восток. Попутно отметим, что и в дру-

гих склепах, сохранивших скелеты, покойников вносили ногами вперед и размещали близ лазов головой к выходу.

Над погребенными на уровне грудной клетки прослеживаются пятна голубоватой растительной золы. При разборке наусов выяснено, что наиболее ранним из южной группы был наус № 2. К его восточной стене был пристроен наус № 3, а между пахсовой стеной, отделяющей восточную группу наусов, и наусом № 3 был возведен наус № 4.

Наиболее заполненным оказался наус № 2. Внутри него, на полу, на площади всего в 1,5 кв. м было размещено 12 захоронений; еще два находилось в кладке стены, одно — оссуарное — под стеной науса. Внутри науса также стояло три заполненных костями оссуария, в проходе — два хума и еще один хум лежал. Сосуды-костехранилища громоздились один на другой, при этом лежащие на полу кости оказались раздавленными. Трупоположений в наусе не было; малые размеры его предполагают размещение только предварительно очищенных костей.

Оссуарии — овальной формы, слегка суженные в основании и расширенные кверху. Размеры их почти одинаковы: высота — 50 см, длина — 50—53 см, ширина по днищу — 28—30 см. Стенки не орнаментированы, крышки сделаны путем среза от целой формы еще до обжига. Внутри оссуариев лежали длинные кости конечностей и тазовые кости, несколько ребер и сверху — черепа.

Хумы, в которых совершены погребения, также примерно одного размера: высота — 56—70 см, диаметр донца — 30 см, венчика — 23—27 см. Костные останки уложены в них одинаково: на длинные кости конечностей положены тазовые, а сверху — черепа. Кости в хуме уложены таким же образом, только череп лежал на горловине, поскольку не мог быть вменен в сосуд.

В проходе, рядом с хумом, лежали кости четырех человек. Они были перемешаны, видимо, при вталкивании хума. Под ним, образуя нижний ярус погребений, в хуме из необожженной глины находились совершенно раздавленные останки. В западную стену науса было совершено два захоронения — детское и взрослое. Кости сложены в кучки. Могилки-ниши образованы выборкой кирпича в кладке. После укладки костей ниши были заложены. Под фасадную стену уже полностью забитого науса было опущено еще одно захоронение младенца в оссуарии овальной формы длиной и высотой 37 см, фасадная стенка его украшена тремя резными ветками, крышка завершается скульптурной головкой львицы.

В наусе № 3 на полу лежали кости 7 скелетов: один — в анатомическом порядке и 6 — в виде кучек с неполным набором костей. Над погребениями прослежен зольный слой с обломками хума. Одно из захоронений первоначально было совершено в хуме, но впоследствии потревожено последующими погребениями.

Лучше других сохранился наус № 4. Он представлял собой квадратную в плане перекрытую куполом камеру с лазом в южной стене. Размеры его по внутренним параметрам: 2 x 1,95 м, высота от пола до верха — 1,7 м. Длина проема-лаза — 1 м (во всю толщину стены), ши-

рина — 65 см, высота — 85 см. Он был заложен крупным кирпичом размером 48—50 x 24—25 x 10 см. Перекрытие выведено кольцевой кладкой; верхняя оболочка купола не сохранилась. Однако кладка кирпича предполагает ровную сверху площадку. Подобную конструкцию имели, например, наусы в раннем некрополе Парфавниси¹².

Внутри склепа было 6 захоронений с разным количеством разрозненных костей, сложенных в кучки без всякой системы. Останки лежали вдоль стен, а мелкие косточки разбросаны. Возможно, что в наусе совершалось и предварительное выставление трупа, поскольку центр его был расчищен, но так и остался не заполненным.

В наусе № 5, примыкающем с запада к наусу № 3, было лишь одно погребение в оссуарии из необожженной глины. Размеры его не восстанавливаются, по типу он был таким же, как описанные выше. Сходен и характер расположения костей, но здесь было сделано важное наблюдение: вдоль восточной стены на полу сохранился характерный тлен и не достающие в оссуарии кости; часть позвонков, ребра, лопатка, фаланги пальцев. Таким образом, можно, по-видимому, считать, что сначала в наусе истлевал труп, а затем, по истечении определенного времени, часть костей складывали в оссуарии.

Наус № 6 сохранился частично. По-видимому, он был двухкамерным и сообщался с наусом № 17. У северной стены лежал костяк в анатомическом порядке, лицевые кости черепа повернуты на юг. Погребенный был положен на зольный слой, из которого извлечены фрагменты глиняного котла с закопченными стенками. Сверху науса, как бы перекрывая его, совершено погребение в кирпичной камере, при этом было разрушено перекрытие науса.

Наусы № 7 и 8 взаимосвязаны. Они расположены в центре холма, вытянуты по линии запад-восток и сообщались между собой проемом, который был заложен кирпичом. Сначала бы сооружен наус № 8, затем к нему пристроен наус № 7. В них было по одному захоронению по обряду трупоположения; у скелета из науса № 7 отсутствуют тазовые кости и череп.

Наус № 9 сохранился частично. В засыпке его встречались разрозненные человеческие кости. Выше пола, возможно, на суфе, лежал скелет. Над ним прослежен слой голубоватой золы с угольками и мелкими фрагментами керамики.

От науса № 10 остались разрозненные куски кладки и сложенные в кучку кости человека в северо-западном углу. Длинные кости ног и рук положены крест-накрест, поверх них — череп. Над погребением шел слой золы с угольками.

Наус № 11 представлял собой сводчатый склеп, в котором длина лаза превышает пролет камеры (1,2 x 0,7 м). На полу стоял хум, покрытый дастарханом. Высота его — 51 см, диаметр венчика — 28 см, диаметр донца — 26 см. Хум сохранил потеки красного ангоба. При

¹² Крашенинникова Н. И. Некоторые наблюдения на некрополе Парфавниси // История и археология Средней Азии. — Ашхабад, 1978. С. 124.

расчистке содержимого хума оказалось, что в нем погребены останки взрослого человека и ребенка. В расположении костей какой-либо закономерности не обнаружено. Скелеты укладывались в хум, будучи предварительно расчлененными на отдельные косточки, только позвонки в момент погребения, очевидно, еще соединялись между собой. У взрослого человека череп и позвонки уложены на дно, над ними довольно аккуратно уложены кости конечностей. Кости ребенка лежали обособленно, не смешиваясь с костями взрослого. Несомненно, что захоронения эти совершались раздельно и, возможно, одновременно. Часть костей в обоих скелетах отсутствует: нет большинства ребер, нескольких позвонков, мелких костей стоп и кистей. Особенно плохо сохранились черепа. На одном из них и на конечностях обоих скелетов остались вкрапления мелких угольков. Можно, однако, заметить, что угольки встречаются не на всех костях. Так что отпадает предположение об использовании огня для очищения костей. По-видимому, это следы каких-то ритуальных операций, в результате которых искры (или горячая зола) налипли на кости. У детского черепа лежал обломок бронзовой кольцевой серьги и раковина-амулет.

Наус № 12 находился в юго-западной части некрополя и примыкал к наусу № 11. Длина сохранившейся западной стены — 1,25 м. В камере находилось два костяка — взрослого человека и ребенка. Черепа, плохой сохранности, лежали рядом, отдельно от костей. Часть их была передомлена, сверху лежали длинные кости конечностей. Среди костей найден фрагмент керамической чаши.

Наусы, очевидно, располагались также у восточного обрыва и северной стены, но не сохранились до наших дней.

К северу от наусов № 11 и 12, на полметра выше уровня пола, на ровной площадке (размером 2 x 2 м), ограниченной с севера и запада остатками стен, лежало 6 разрозненных скелетов. Системы в положении костей не видно. Около одного из черепов найдены три нефритовые бусины и бронзовая серьга в виде кольца. Захоронения костей произведены на частично разобранных стенах наусов, образующих новый склеп (наус № 13).

Особо следует отметить индивидуальные захоронения без инвентаря в узких сырцовых камерах, которые возводились вместе с наусами. Хорошо сохранилась камера № 21. Она сложена из двух рядов длинномерного кирпича, дно выстлано таким же кирпичом. Длина камеры — около 2 м, ширина — 0,8 м, высота — 0,85 м. Перекрытие ее образовано наклонно поставленными на стены кирпичами. Над сводом продолжалась горизонтальная кладка, образующая ровную площадку, как в наусе № 4. Костяк в камере ориентирован головой на запад и, в отличие от погребений в других наусах, помещен ногами к выходу.

В северо-западной части холма располагалась постройка с обводным коридором вокруг; возможно, это склеп с останками предка данной семьи или рода. С востока и юга к ней пристроены наусы. Протяженность сохранившегося восточного коридора — 4,2 м, ширина — 1,03—1,2 м. Северный конец его завершен тремя рядами сырцовых кир-

пичей, образуя ступень или часть закладки. Стены сложены из сырцового кирпича того же формата, что использован в кладках наусов. Ширина их — 1—1,15 м, сохранившаяся высота — 0,95 м. Стены и пол сохранили следы глиняной обмазки.

Между наусами и крепостной стеной, по-видимому, тоже были наусы, но они не сохранились. На дне котлована здесь выявлены погребения нижнего горизонта и остатки больших ям с разным содержимым: 1) костными останками людей; 2) костями животных; 3) органическим перегноем, прослойками золы и камышовым тленом; 4) отвалом золы, углей, очагов и кухонной керамики. Вполне вероятно, что и позже, в период функционирования наусов, здесь совершались определенные ритуалы (очищение костей, приготовление ритуальной пищи и др.), согласно зороастрийской обрядности.

Обнаруженный инвентарь немногочислен. Кроме самих костехранилищ, это — кухонная и столовая посуда. Характерно, что лишь единичные фрагменты керамики найдены вместе с погребениями (они отмечены выше при описании наусов), основная масса находок керамики связана с площадками, расположенными перед наусами; есть также находки над наусами — в развалах в переотложенном виде.

Выделяется изящная красноангобированная и серолощенная, с хорошей выделкой посуда, согдийского типа миниатюрные кувшинчики с листовидным завершением ручки или налепом лепешечки на ней. Более грубая столовая посуда — котлы с петлеобразными ручками, горшки и кувшины, как и сами хумы и оссуарии, были широко распространены в VII—VIII вв. и далее, вплоть до XI в. Для датировки верхнего горизонта некрополя имеют значение монеты, найденные в забутовке платформы и могилах, оставшихся непосредственно под основанием стен наусов. Это две тюргешские хаканские монеты¹³ и одна монета удельных тюргешских правителей — тухусов¹⁴. Время выпуска тюргешских хаканских монет определяется приблизительно первой половиной VIII в. (не позднее 755 г.). Таким образом, верхний строительный горизонт некрополя может быть датирован второй половиной VIII в. и далее, вплоть до середины X в., когда отмечается период запустения не только некрополя, но и города в целом.

К этому же времени относится многокамерный наус, раскопанный в 1978 г. Он расположен в 700 м к югу от шахристанов, среди жилых построек X—XII вв. Проселочная дорога прорезала холм, который, по классификации А. Н. Бернштама и П. Н. Кожемяко, относится к типу «тепе с оградой»¹⁵. Ограда имеет размеры 50 x 43 м. Северо-запад-

¹³ См.: *Смирнова О. И.* Сводный каталог согдийских монет. С. 400 и сл. (№ 1589—1624). Тип-IV; *В. А. Ляшниц*, определивший краснореченские монеты, читает легенду иначе: «Господин тюргешский хакан. Деньга (фай)» вместо «Божественный тюргешский...»

¹⁴ Тип-1 по классификации О. И. Смирновой. См. указ. соч. С. 405, № 1625 и сл.

¹⁵ Чуйская долина... С. 14—15; *Кожемяко П. Н.* Раннесредневековые города и поселения... С. 68.

ный угол ее занимает холм округлых очертаний, размером 20 x 22 м и высотой 3,5 м.

Сооружение было возведено на естественном возвышении и ориентировано углами по странам света. Постройка квадратная в плане с длиной наружных фасов 12,3 м. Ширина северо-восточной стены науса — 2,2 м, северо-западной — 1,3 м; юго-восточная стена не сохранилась. Южная, в которой была устроена входная ниша и проем в здание, имела толщину 2,8 м. Пролет ниши — 3,3 м, глубина — 1,15 м. Перед входом сооружены суфы шириной до 55 см и высотой 30 см. Пролет шириной 1,2 м приподнят на 20 см и выведен из сырца, тогда как основание стен составляют два ряда пахсовой кладки. Со двора к нему подведен пандус. Центральное коридорообразное помещение имело длину 7,4 м, ширину — 3,5 м. По сторонам расположено 6 камер, по три с каждой. Здание перекрывалось системой сводов, выложенных поперечными отрезками. В завале, наряду с сырцовым кирпичом, попадались жженые квадратные плитки со стороной 27 см при толщине 3—3,5 см. Возможно, они применялись в оформлении верхних частей.

Камеры представляют собой прямоугольные в плане склепы. Северо-восточная камера 1 имела размер 1,85 x 1,2 м. Пролет — лаз, ведущий в коридор, имел высоту 0,9 м и ширину 1,05 м. От пола (середина VI яруса) он был заложен на два ряда сырцовыми кирпичами. Высота камеры от уровня пола до замка свода — 2,1 м. У северо-западной стены на полу, в натечно-надувных слоях, лежало два костяка, собранных в кучки. Часть костей отсутствует: ребра, позвонки, кости стоп и фаланги сохранились не в полном наборе.

Камера 2 (размер 1,9 x 0,9 м) погребений не имела.

Камера 3 (размер 2,1 x 1,1 м) расположена в юго-западном углу науса. Пролет в камеру имел длину и ширину 0,85 м, высоту — 0,8 м. Пол хорошо утрамбован, стены обмазаны глиняной на самане штукатуркой. В южной стене устроен подбой глубиной 0,65 м, возвышающийся над полом. На этой подрубленной суфе лежал скелет, собранный в кучку. Внизу были мелкие кости, не в полном наборе, затем переломанная часть ребер, таз, одна ключица и длинные кости конечностей, а сверху — череп лицевой частью вверх. На полу найдены фрагменты узкогорлого кувшина и стенки хума. Возможно, что первоначально скелет был уложен в хум.

Камера 4, в северо-западном углу науса, имела длину 1,9 м и ширину 1,3 м. Проход, подобный предыдущим, оформлен аркой. На полу были разбросаны отдельные косточки.

Камеры 5 и 6 сохранились частично; судя по реконструкции, они имели длину около 2 м и ширину 1,45 и 1,25 м соответственно. Проходы, оформленные аркой с клинчатой кладкой, были полностью заложены. Они одинаковы по ширине и высоте — 0,8—0,85 м. В камере 6, у входа, на полу лежало несколько косточек от погребения, характер обряда определить невозможно.

В коридоре костных останков почти не было, отмечено лишь несколько мелких косточек людей и барана. Стены обмазаны глиной, пол

хорошо утрамбован. В северной части коридора зачищено большое зольное пятно с прокаленным полом. Здесь был заложен шурф, который выявил наличие еще одного уровня пола, проходящего на 40 см глубже. На нем лежал мощный слой золы (толщиной в 25—32 см), в котором встречено 6 фрагментов кухонной посуды — лепного горшка, венчика хума, стенок котла и 3 горловины кувшинов.

Под полом находилась большая яма глубиной 2 м, стенки которой частично заходили под камеры. Заполнение ее состоит из чередующихся слоев рыхлой глины с примесью песка и перегноя, ниже — зола с прослойками древесного угля и вкраплениями навоза (VII ярус); еще ниже идут зольно-гумусные слои с угольками. Особенно интенсивные остатки органического перегноя сконцентрированы в северо-восточном углу ямы. Материковый лесс идет в конце X яруса.

Нечто подобное было зафиксировано при раскопках пристройки внутри Беркуткалинского замка № 36 в Хорезме, датированного VIII—IX вв. Помещение было предназначено для хранения останков членов семьи. В центре была яма, над ней и на полу лежали перемешанные слои глины, навоза, золы и прутьев, которые, по мнению С. П. Толстова, должны были изолировать землю от мертвого тела¹⁶. Однако зольно-гумусные слои прослеживаются не на всем протяжении построек, а лишь в ямах. Поэтому кажется более вероятным предположение Б. Я. Ставиского, что здесь могли очищать кости умерших перед укладкой их в оссуарии¹⁷.

В краснореченском наусе, возможно, отделение мышечных тканей от костей могло происходить в коридоре, после чего кости переносили в камеры. Натечно-надувные слои свидетельствуют о долгом пребывании костей в открытых и продуваемых помещениях. Это согласуется с сообщением ал-Бируни о том, что в наусах магов мертвых обдувал ветер¹⁸. Рядом проводились обряды с огнем — сжигание носилок, подстилок, одежды умершего. Этим объясняется то, что зола перекрывала слой органических остатков в яме. Очищенный от плоти, но еще сохраняющий связки скелет переносился в открытую камеру, где труп истлевал окончательно.

Традиции семейных захоронений в сырцовых погребальных камерах, а также перемещение костей в дальний угол или перенос в другую камеру, можно проследить в южных районах Средней Азии еще с эпохи неолита и ранней бронзы. В Геоксюрском некрополе и на Алтын-депе, после истлевания трупов в определенном месте, черепа и часть костей переносились в другую камеру, а остальные кости закапывались или выбрасывались за пределы некрополя¹⁹. Этот обычай прослежен в

¹⁶ Толстов С. П. Древний Хорезм. — М., 1945. С. 149.

¹⁷ Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А. Пянджикентский некрополь // Тр. Таджикской археологической экспедиции. — М., Л., 1953. Т. 2. С. 80.

¹⁸ Бируни Абурайхан. Избранные произведения. — Ташкент, 1957. Т. 2. С. 478.

¹⁹ Сарцианиди В. И. Геоксюрский некрополь. // Новое в советской археологии. — М., Л., 1965. С. 102 и сл.; Массон В. М. Алтын-депе // Тр. ЮТАКЭ. — Л., 1981. Т. XVIII. С. 64—71; Кирчо Л. Б. Погребальный обряд и культурные традиции (по мате-

семейных захоронениях катакомбных могильников ранних кочевников²⁰. Поэтому нельзя с уверенностью говорить о том, что весь красно-реченский материал свидетельствует о выставлении трупов и последующем погребении очищенных костей. Тем не менее большинство наусов предполагает именно этот обряд и подтверждает бытующую гипотезу о возможности совмещения в зороастрийских наусах функций Дахм и вместилищ костей²¹. Отмечается одновременное использование в качестве костехранилищ как керамических сосудов, так и сырцово-пахсовых склепов, а также совмещение этих обрядов даже в кругу одной семьи. Характерно также соседство других видов погребений, не предусматривающих выставления²².

Все это свидетельствует об этнической и конфессиональной пестроте населения домусульманской Центральной Азии, о религиозных различиях и, вместе с тем, о тесных связях между согдийскими зороастрийцами, тюркскими и сирийскими христианами, буддистами и манихеями, мирно уживавшимися в городах Притяньшанья, в частности в Навекате²³ (как это было и в городах Восточного Туркестана). Вплоть до X—XI вв. здесь сохраняются традиции, привнесенные переселенцами, в то время как в самом Согде они были в это время уже сильно ослаблены под натиском ислама. Поэтому неслучайно архитектура красно-реченских наусов находит ближайшие аналогии в ранне-средневековых постройках Согда, Хорезма и Хорасана. По своему композиционно-планировочному решению наусы Красной Речки восходят к наусам-дахмам кушанской Бактрии (Дальверзин, Дильберджин, Багдыхан, Тапай-шах) и Восточной Парфии (Парфавниса, Мерв), органически связанных близостью местных архитектурных и погребальных традиций. Некоторые архитектурные параллели можно проследить в более раннем мавзолее этого типа, открытом в Ай-Ханум²⁴. В Семиречье эти традиции живут вплоть до развитого средневековья.

риалам южно-туркменистанских погребений периода ранней бронзы) // КСИА. — М., 1981. Вып. 167. С. 28—35.

²⁰ Древности Чардары. (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). — Алма-Ата, 1968. С. 193.

²¹ Об этом см.: Рапопорт Ю. А. Из истории религии Древнего Хорезма (оссуарии). — М., 1971. С. 54—56, 110—112; Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. — Ташкент, 1978. С. 113; Литвинский Б. А., Седов А. В. Тапай-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. — М., 1983. С. 110—116.

²² На других кладбищах городища, принадлежащих отдельно стоящим замкам, зафиксирован обряд погребения очищенных костей в оссуариях, хумах и просто в кучках, опущенных в грунт.

²³ О локализации Навеката на месте красно-реченских развалин см.: Байлаков К. М., Горячева В. Д. К вопросу о локализации Навеката // Культура и искусство Киргизии: Тез. докл. Всесоюз. конф. в Гос. Эрмитаже. — Л., 1983. С. 74—75; История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. — Фрунзе, 1984. Т. I. С. 270—271.

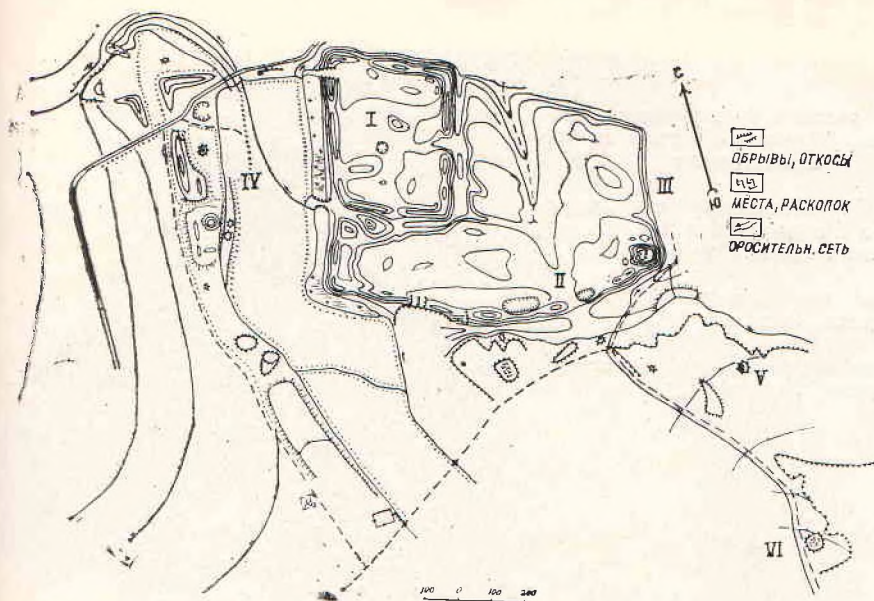
²⁴ Bernard P. Campagne de fouilles à Ai-Khanum (Afganistan) // CRAIBL. — Paris, 1973. P. 608; сведения о погребальной практике оседлого населения Средней Азии, в том числе и некоторые данные по некрополям Красной Речки, обобщены Францем Грене в недавно опубликованной монографии. (Grenet Fr. Les pratiques funéraires dans l'Asie Centrale sédentaire de la conquête grécque à l'islamisation. — Paris, 1984).

◆
**МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ
 С ГОРОДИЩА КРАСНАЯ РЕЧКА**
 (1978—1983 гг.)
 ◆

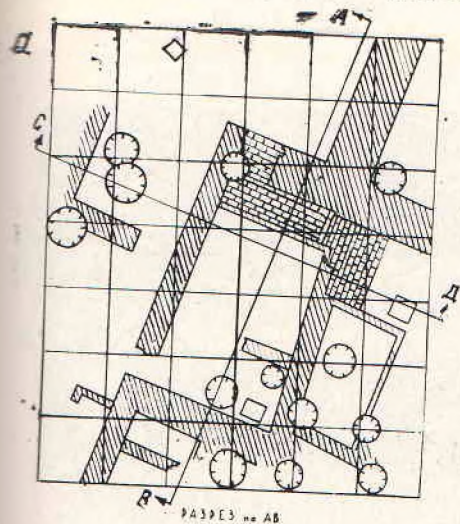
Настоящая публикация охватывает практически весь нумизматический материал, полученный во время работ на Краснореченском городище совместной Киргизско-казахской археологической экспедиции (начальники отрядов В. Д. Горячева и К. М. Байпаков), проводившихся с 1978 по 1983 г. Кроме монет, обнаруженных в раскопах (таких монет в комплексе очень немного), рассмотрены и описаны многочисленные подъемные экземпляры, большинство которых собрано Ю. А. Мотовым на территории собственно городища и по арыкам в его окрестностях, а также случайные находки. Помимо этого мы сочли необходимым, учитывая сводный характер настоящей публикации, дополнить ее данными о нескольких экземплярах монет, найденных в районе Краснореченского городища и хранящихся в частных нумизматических собраниях и у случайных лиц (в том числе у жителей с. Красная Речка). Некоторые из таких «неучтенных» находок подарены автору, о других нам стало известно благодаря Г. И. Величко (г. Фрунзе), предоставившему нам для изучения 3 монеты из своей коллекции и сообщившему об остальных известных ему находках на городище и в его округе.

Описания монет сгруппированы по годам находки, внутри этих групп сначала приведены данные монет из раскопок с указанием номеров помещений и ярусов; за ними следуют экземпляры с территории раскопов, но не стратифицированные, после чего приводится описание подъемного материала за данный год. Нумерация монет следует в том порядке, в каком они были разложены по пакетикам и сгруппированы по месту находок. Поэтому каждая монета получает в описании двойную нумерацию: 1) сквозную (по всему описанию) и 2) порядковый номер в пределах года находки. Всего описано 213 экз. из раскопок и сборов ККАЭ (1978 г. — 1 экз., 1979 г. — 4, 1980 г. — 26, 1981 г. — 64, 1982 г. — 115, 1983 г. — 3 экз.) и 14 монет из частных коллекций, год находки которых в большинстве случаев либо неизвестен, либо указывался владельцами приблизительно — в пределах 1971—1984 гг.¹

¹ В тех же коллекциях, а также на нумизматическом «рынке» во Фрунзе, нам встречались и другие монеты, краснореченское происхождение которых возможно, но точно не установлено.

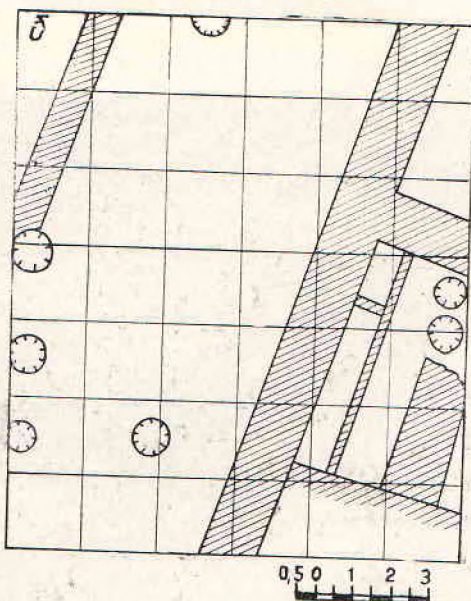

План центральных развалин Краснореченского городища. Топографическая съемка 1980 г. I — шахристан-2, II — шахристан-1, III — цитадель, IV — некрополь, V — буддийский храм, VI — дворцовый комплекс караханидского времени.

РАЗРЕЗ по АВ

РАЗРЕЗ по СД

Объект III. План и разрезы построек X—XII вв.

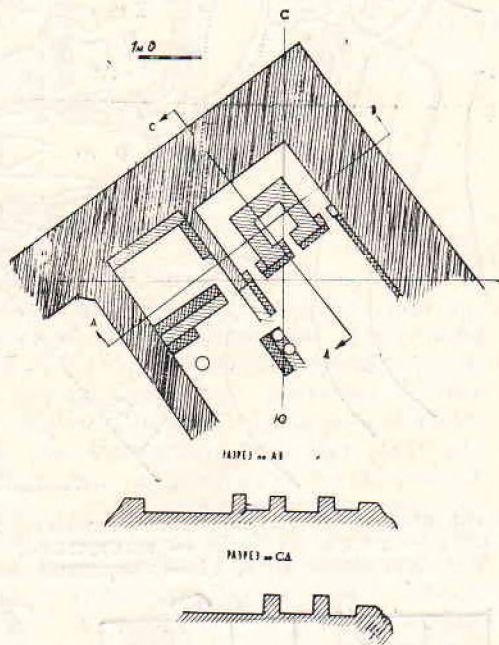
Объект III. План остатков построек VIII—X вв.

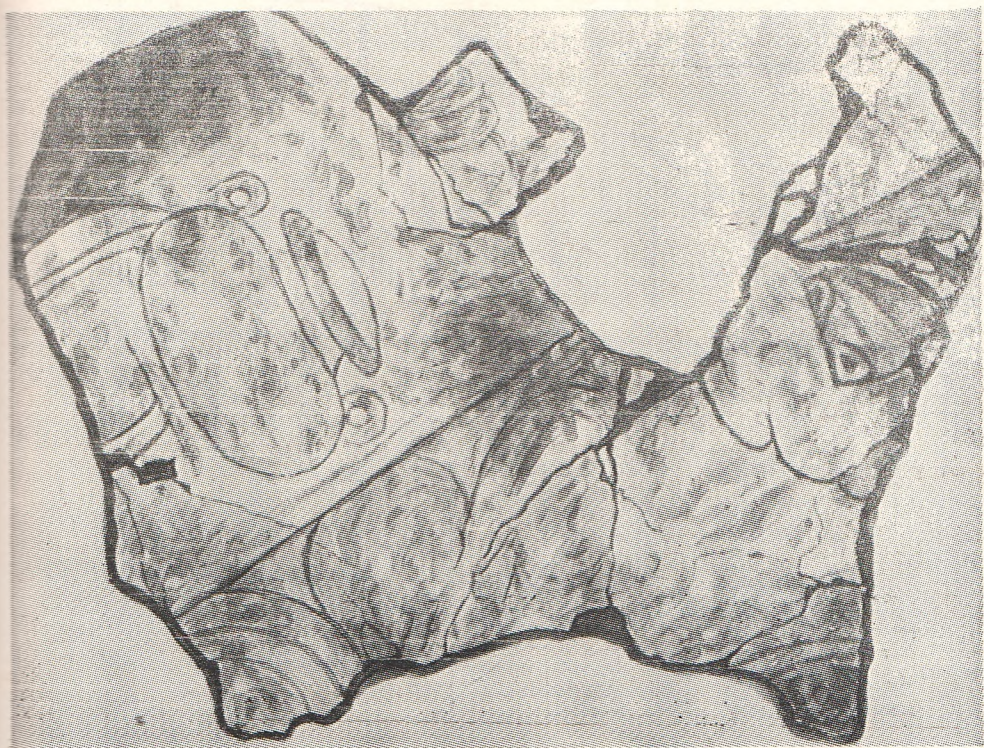
План и разрезы буддийского храма
IX—X вв. Объект I. Второй строи-
тельный горизонт.

Объект II. Глиняная скульптура
усопшего Будды из западной галереи
буддийского храма. Раскопки 1961 г.

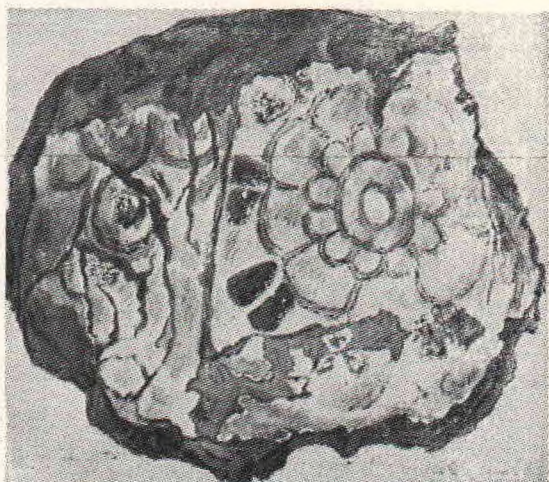
Фрагмент живописи из буддийского
храма. Раскопки 1961 г.

Фрагмент живописи из буддийского
храма. Раскопки 1961 г.

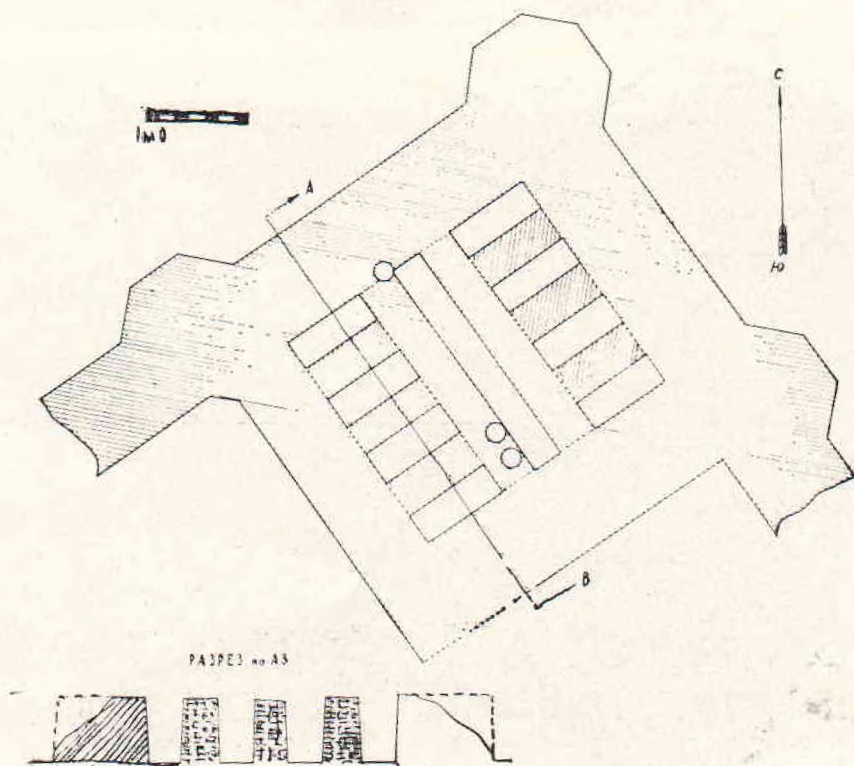

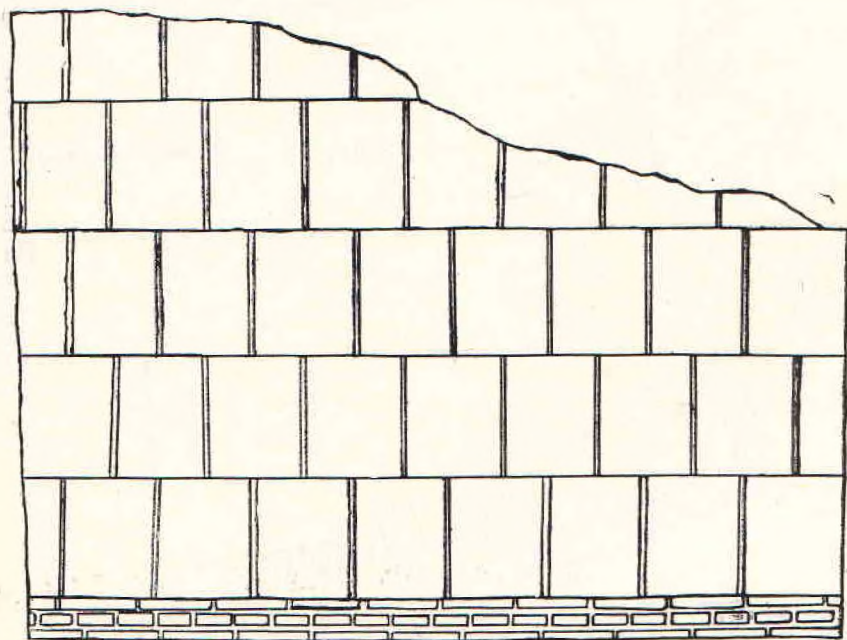
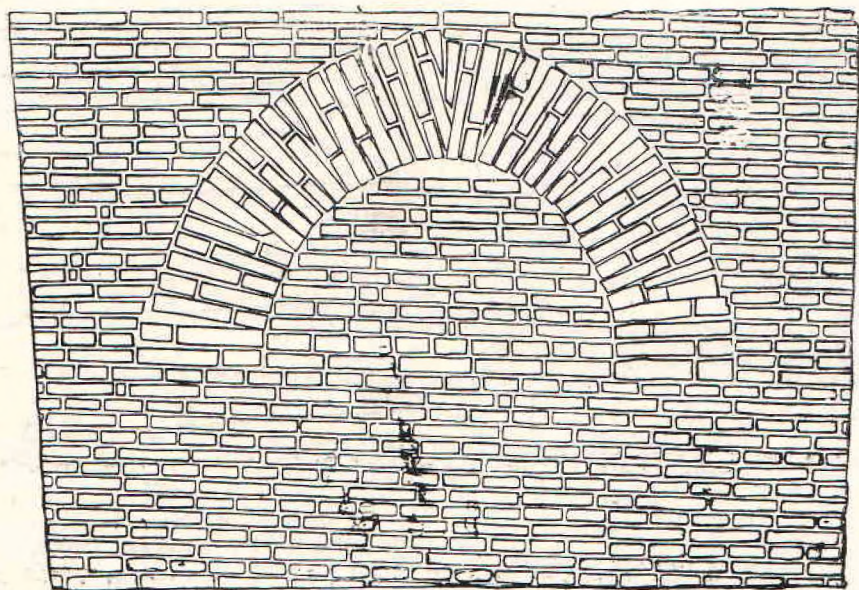

Фрагмент живописи из буддийского храма. Раскопки 1961 г.

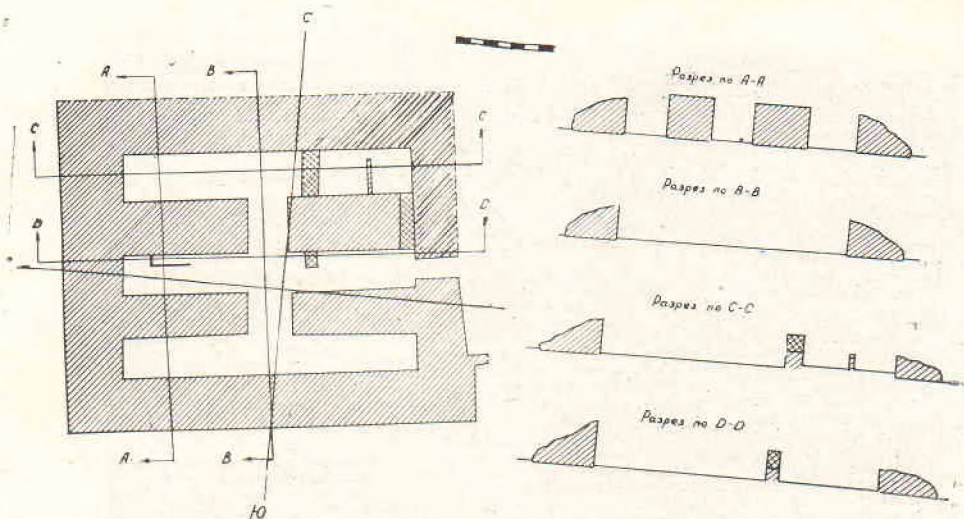

План замкового сооружения. Объект I. Третий строительный горизонт.

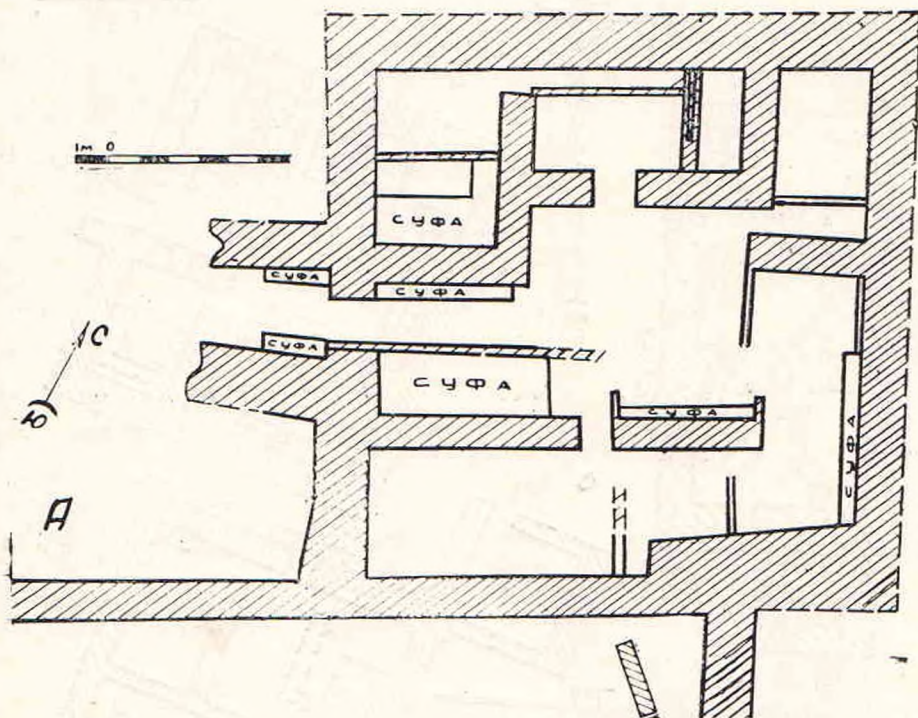
«Объект I. Характер пахсовых и сырцовых кладок стен замка. Внутренняя стена с полуциркульной аркой.

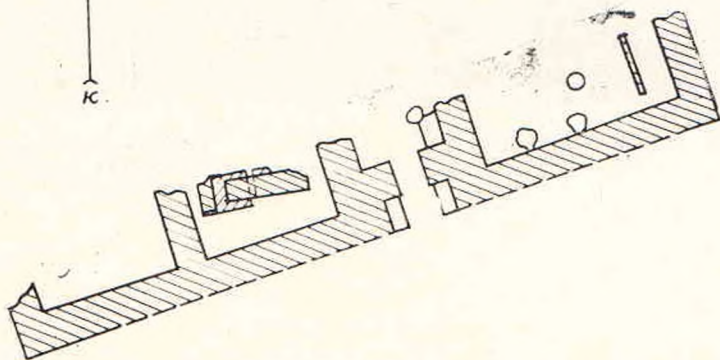
План и разрезы замкового сооружения (объект VII). Раскопки 1963 г.

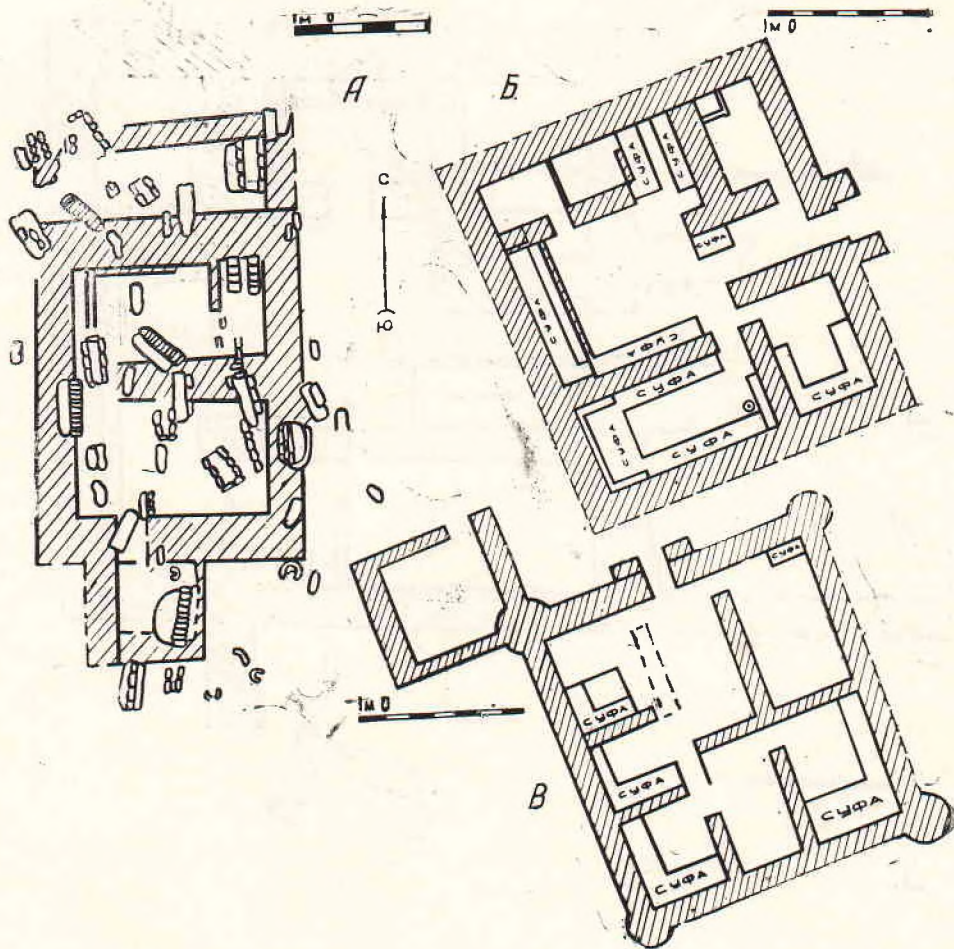

План жилого дома № 1 (объект IV).
План жилого дома № 2 (объект V).

Б

План жилого дома № 3 (объект VIII).

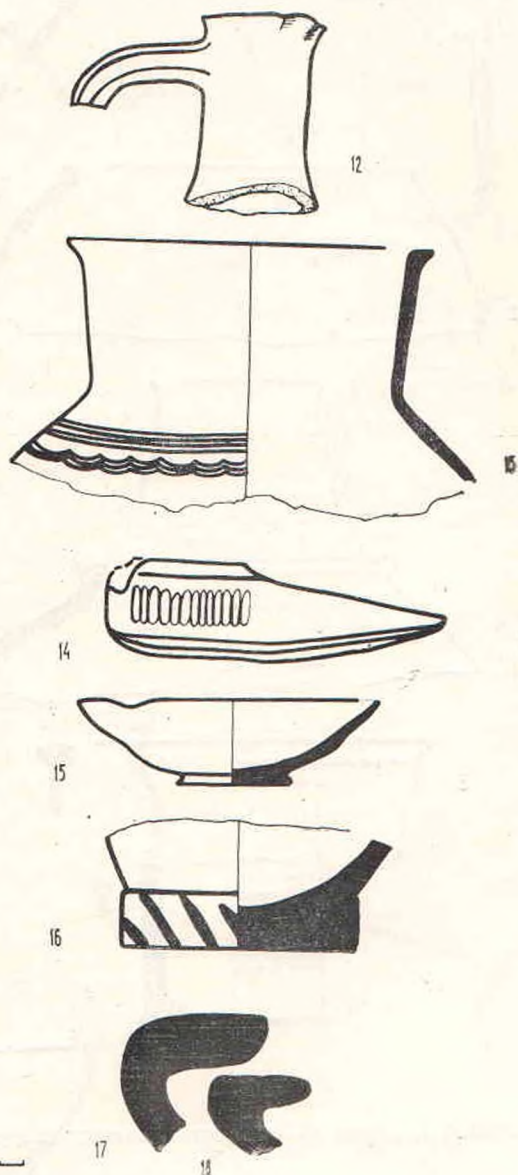
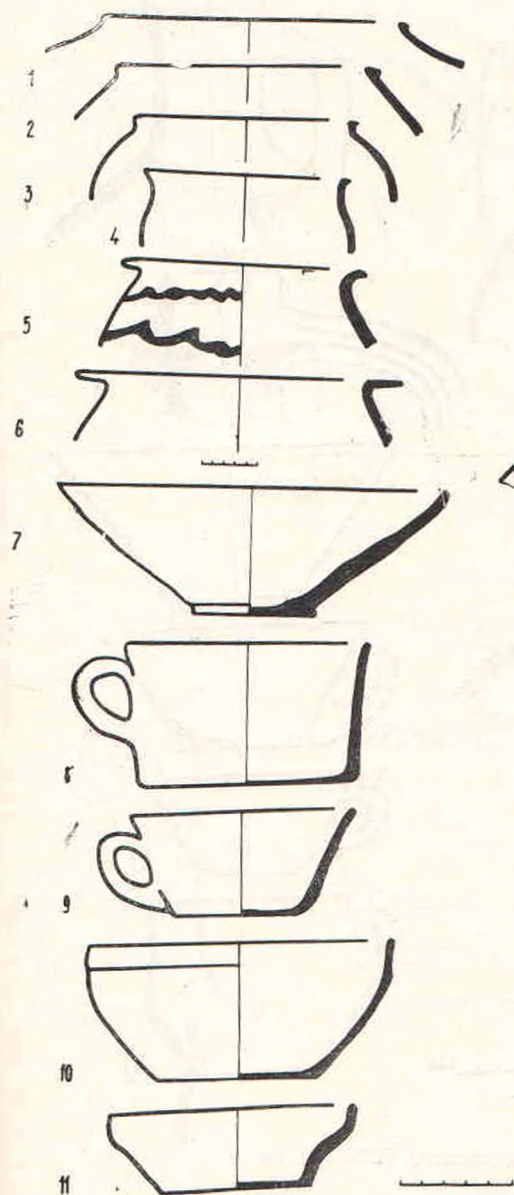
План жилого дома № 4 (объект VI).

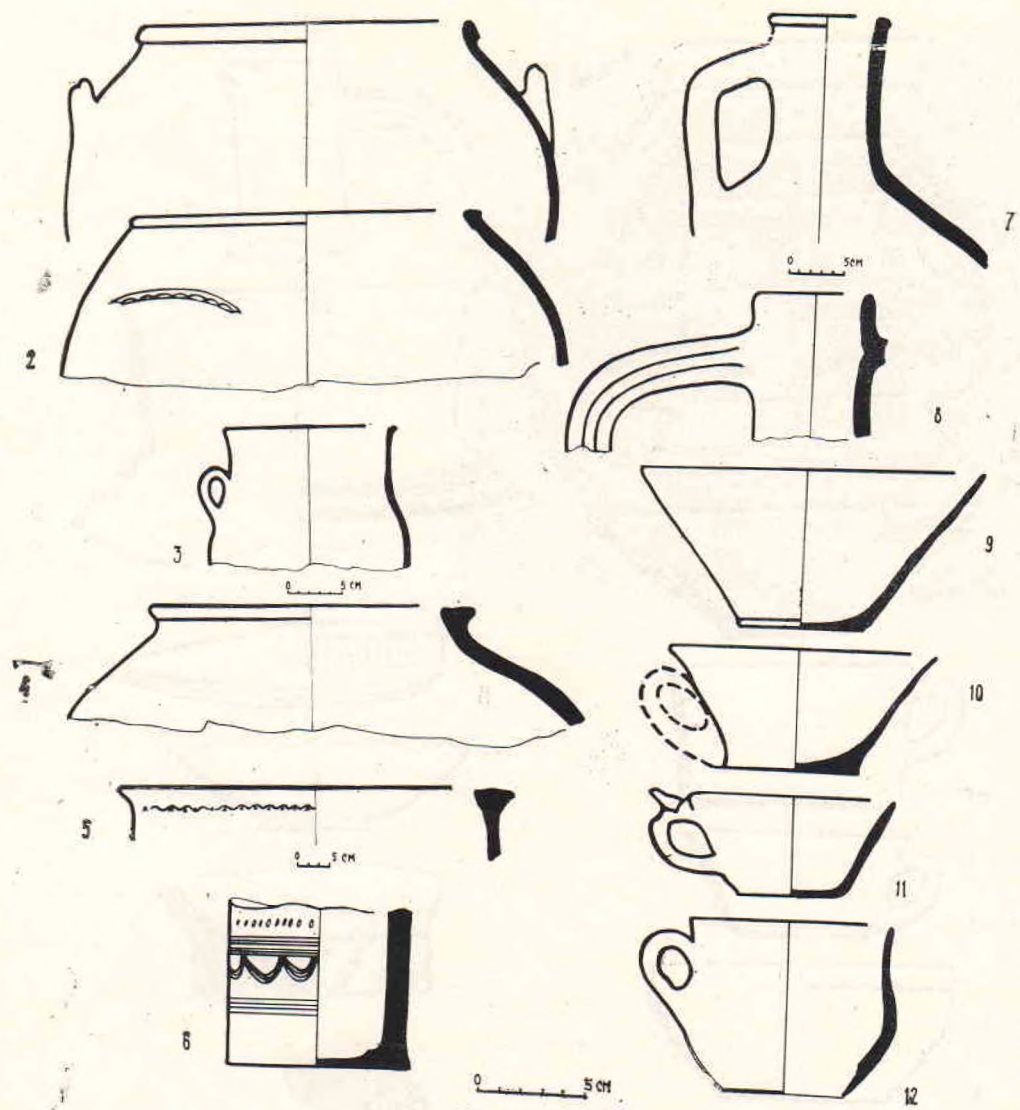
План жилого дома № 5 (объект IX).

Дастарган с Ивановского
городища. Находка
1983 г.

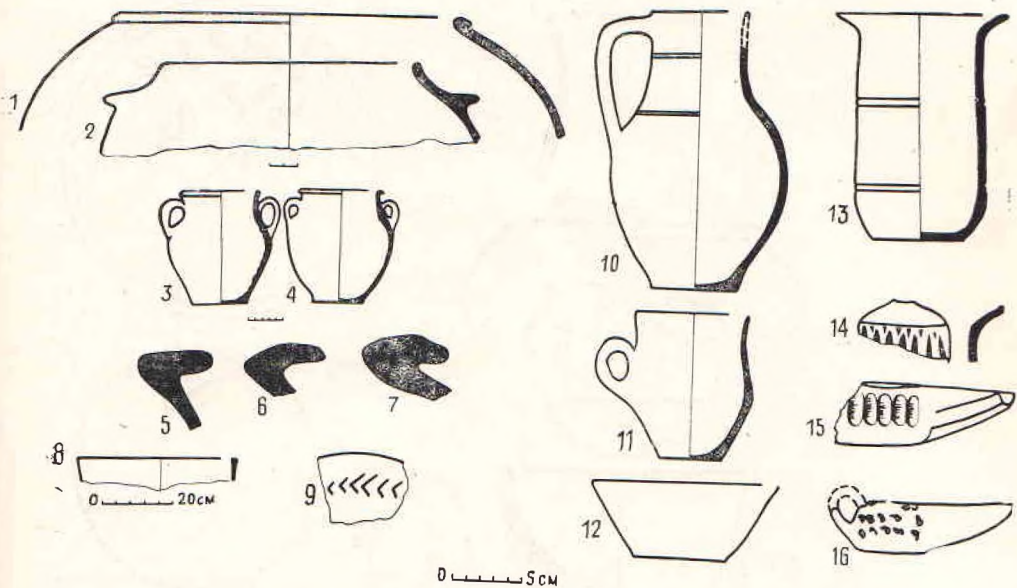

Раскоп I. Керамика из бадраба 3
(первый строительный горизонт).

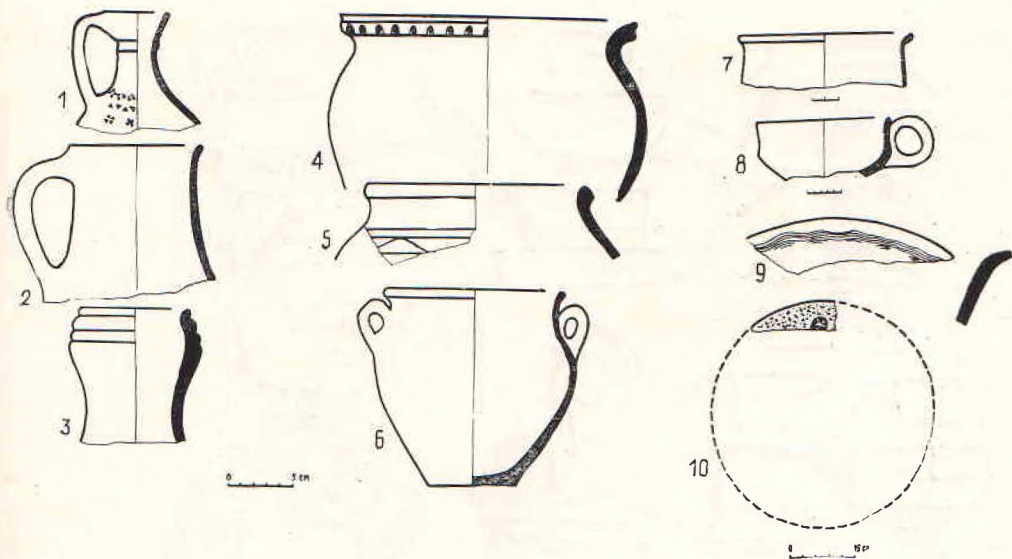

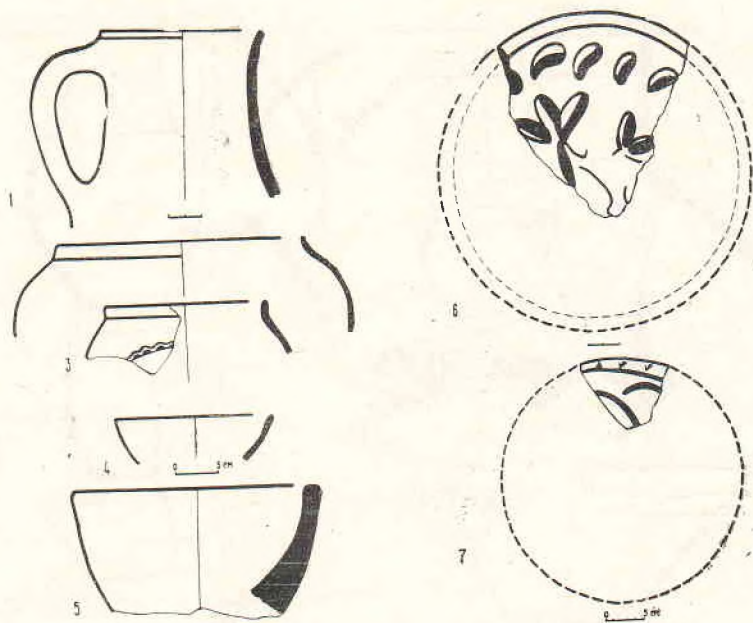
Раскоп I. Керамика со двора замкового сооружения, VIII—XII вв.

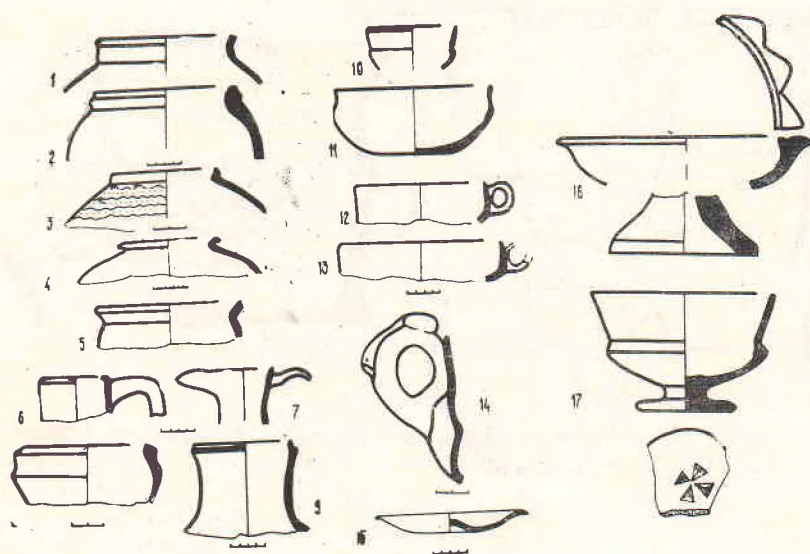
Объект III. Шахристан. Гончарная керамика первого строительного горизонта.

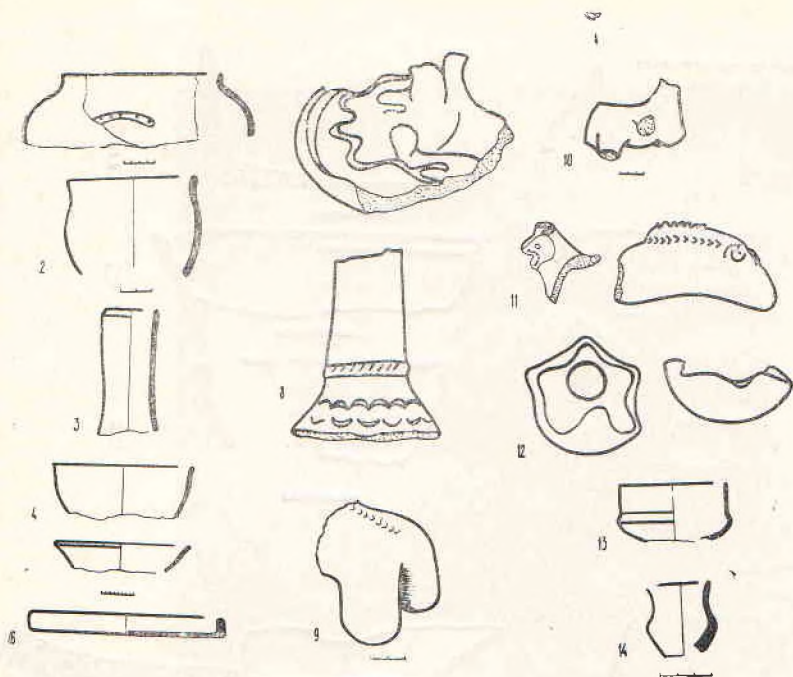
Объект III. Шахристан. Гончарная керамика второго строительного горизонта.

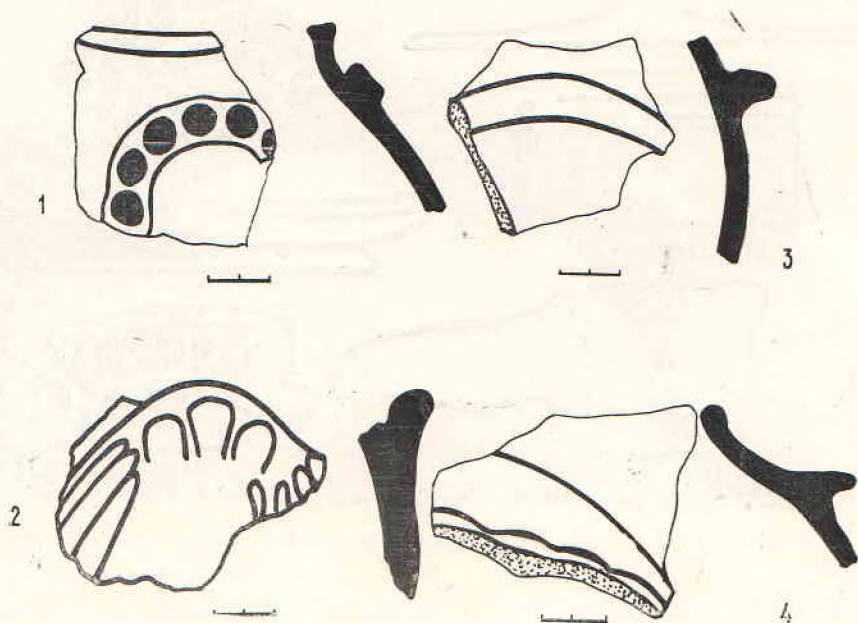
Объект III. Лепная керамика второго строительного горизонта.

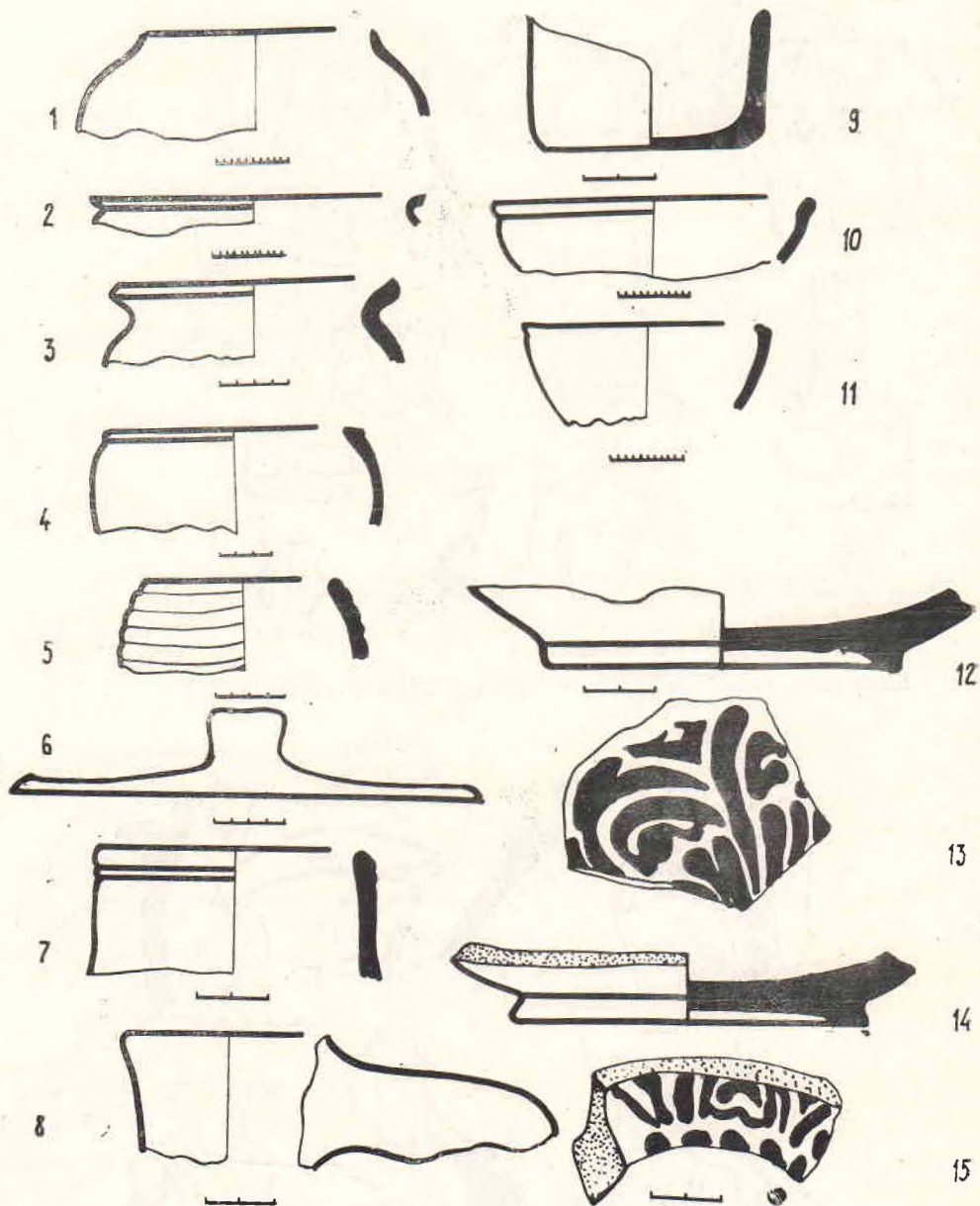
Шахристан, третий строительный горизонт. Гончарная керамика.

Шахристан, третий строительный горизонт. Лепная керамика.

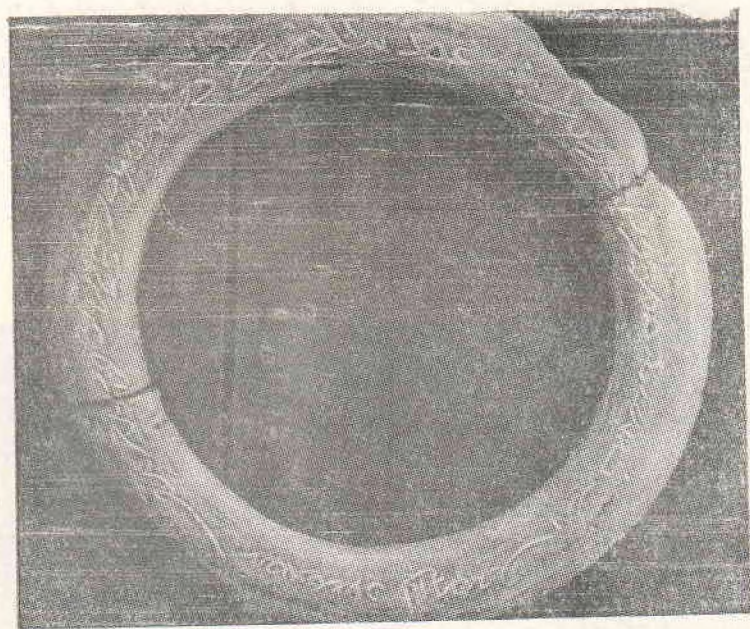
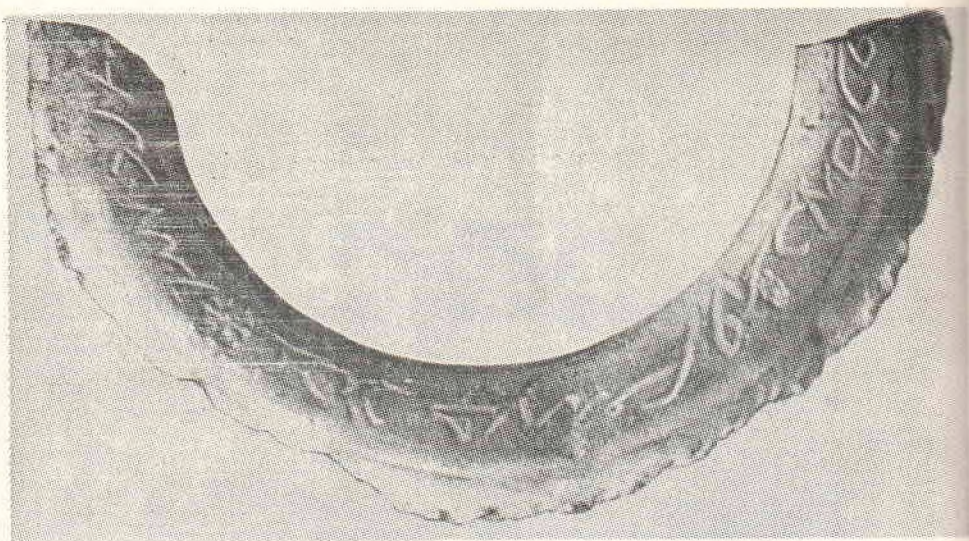

Шахристан-2. Оформление ручек котлов, XI—XII вв.

Объект VIII. Керамика из усадьбы.

Сорлигская надпись на венчике хума (из находок прошлых лет).

Венчик хума с сорлигской надписью
А. Н. Бернштама
(из находок
1941 г.).

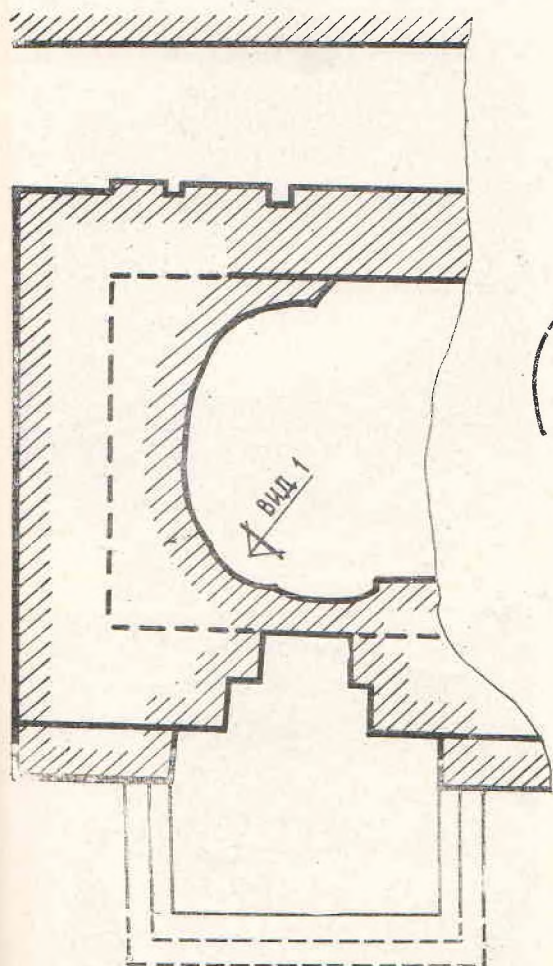

Согдийская надпись на венчике хумчи (из находок 1980 г.).

Надпись на венчике хума. Находка 1982 г.

→ С

Вид 1

0 5

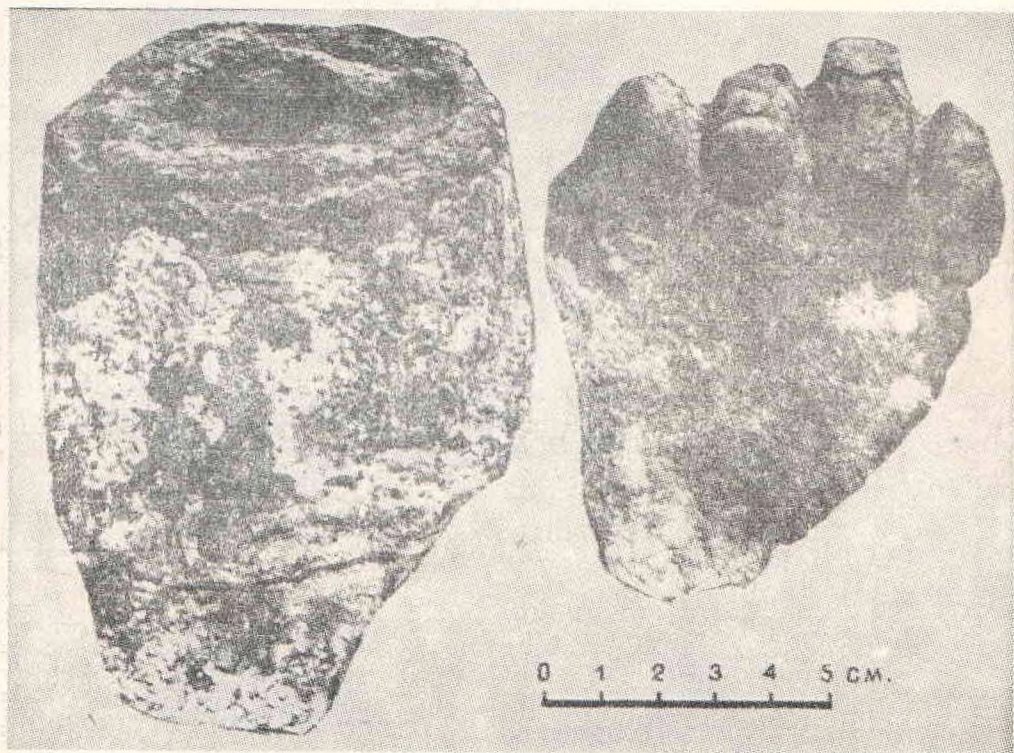
Раскоп VII. Буддийский храм. План святилища по верхнему ярусу.
Раскопки 1980 г. Контур лицевой арки трюма.

Голова Будды из храма.
Фрагмент. 1980 г.

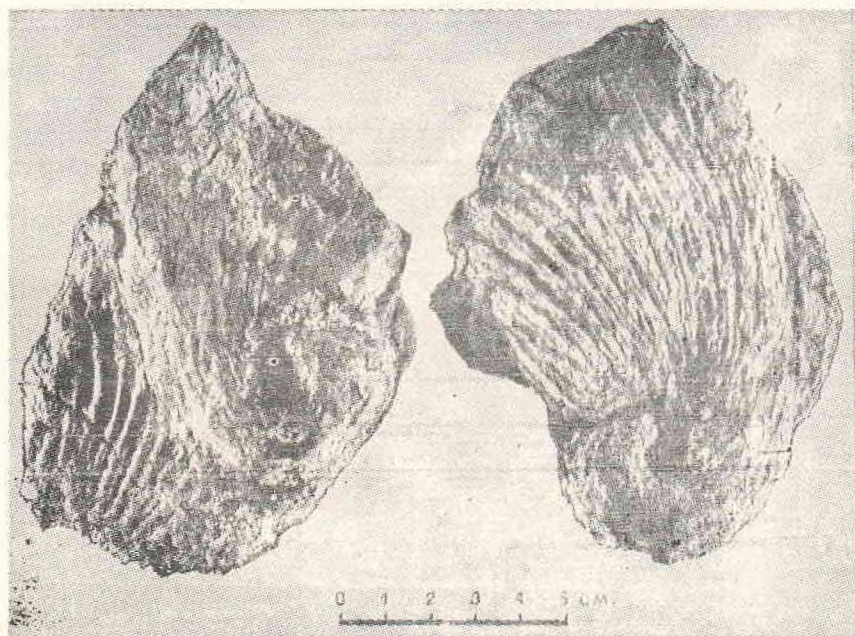
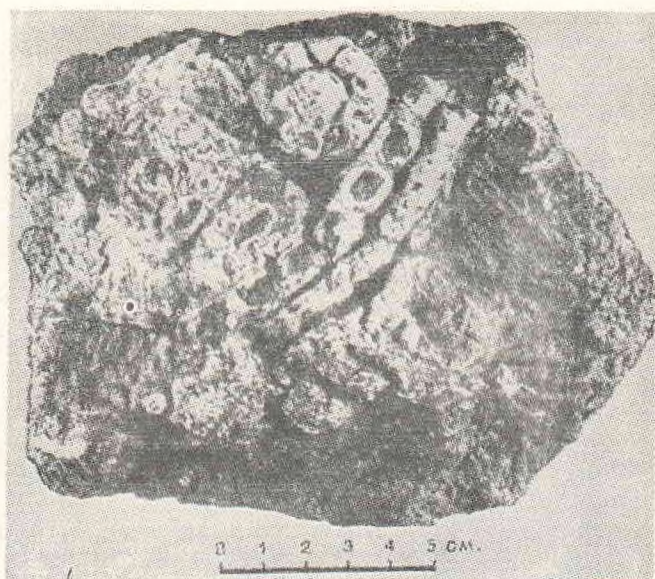
Фрагмент лицевой части
скульптуры из храма. Рисунок.
Находка 1980 г.

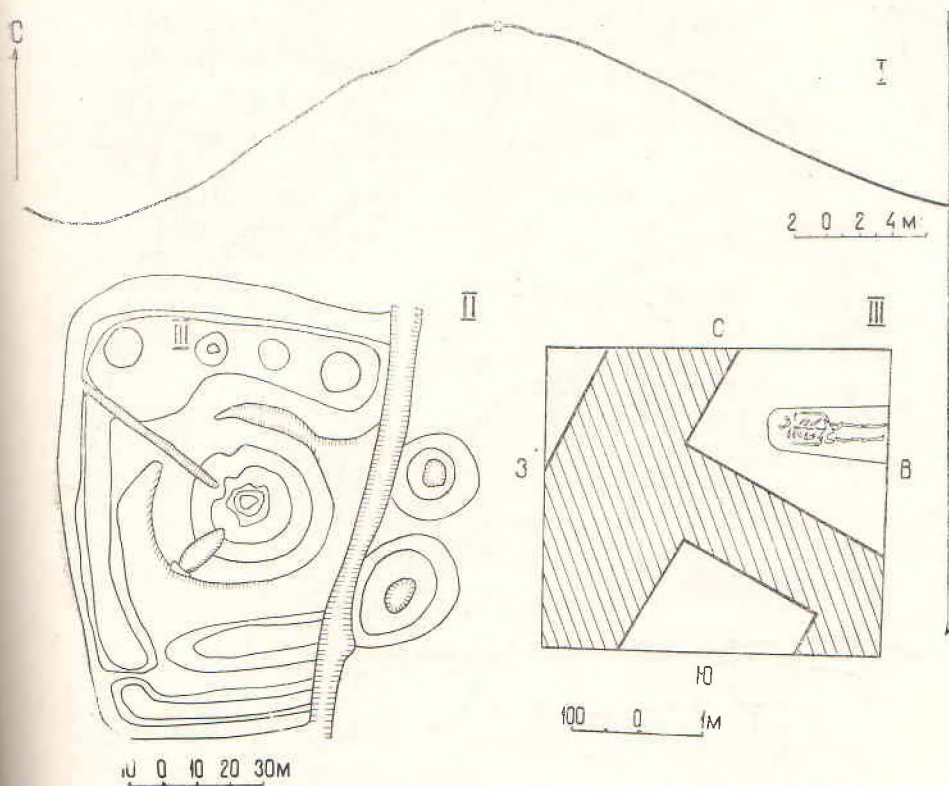

Фрагменты скульптуры. Глина. 1980 г.

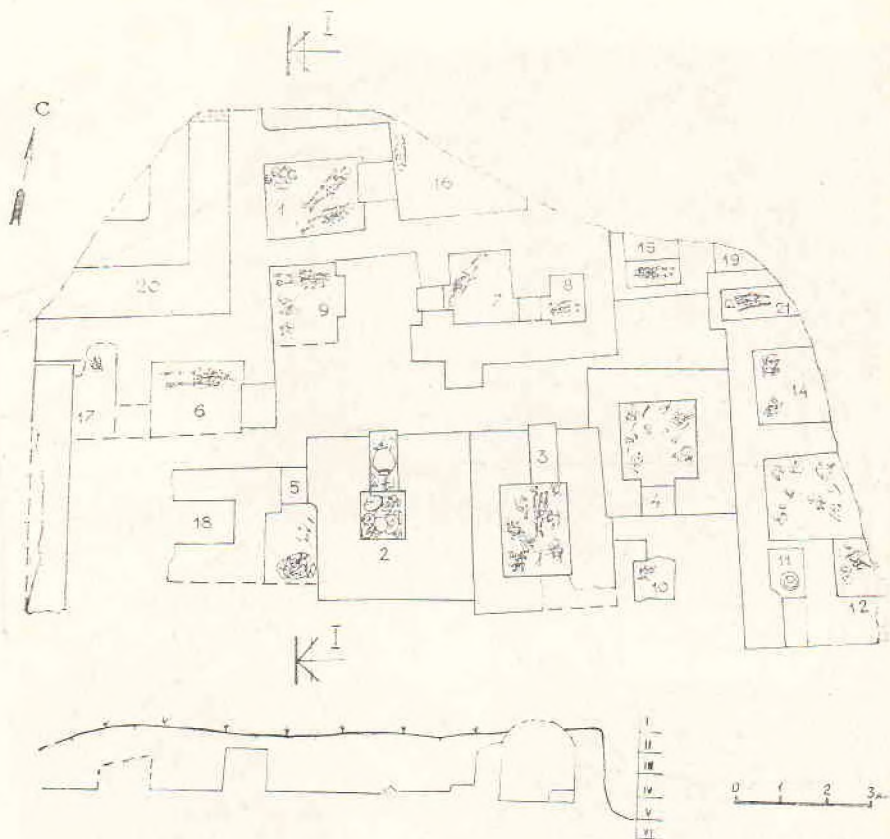
Украшение одежды.
Глина. 1981 г.

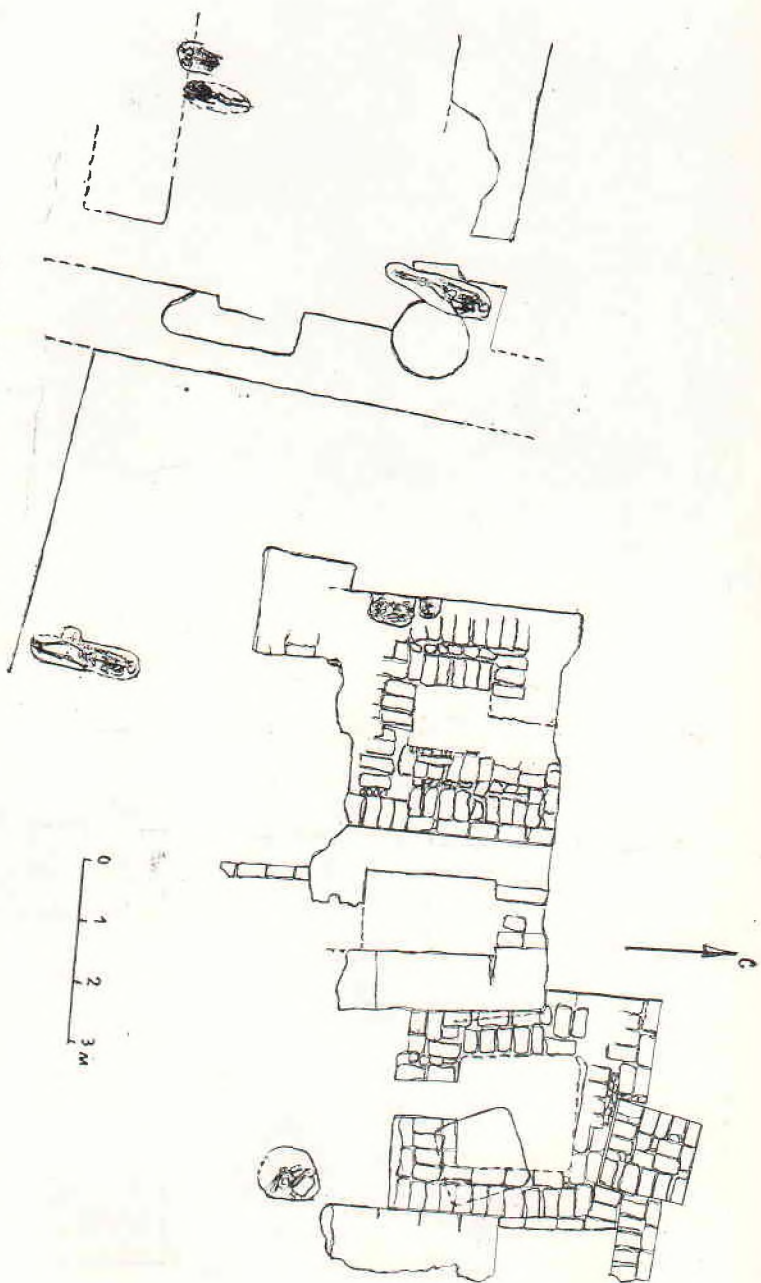
Завитки волос. Скульптура из завала перед
входом в святилище. Глина. 1981 г.

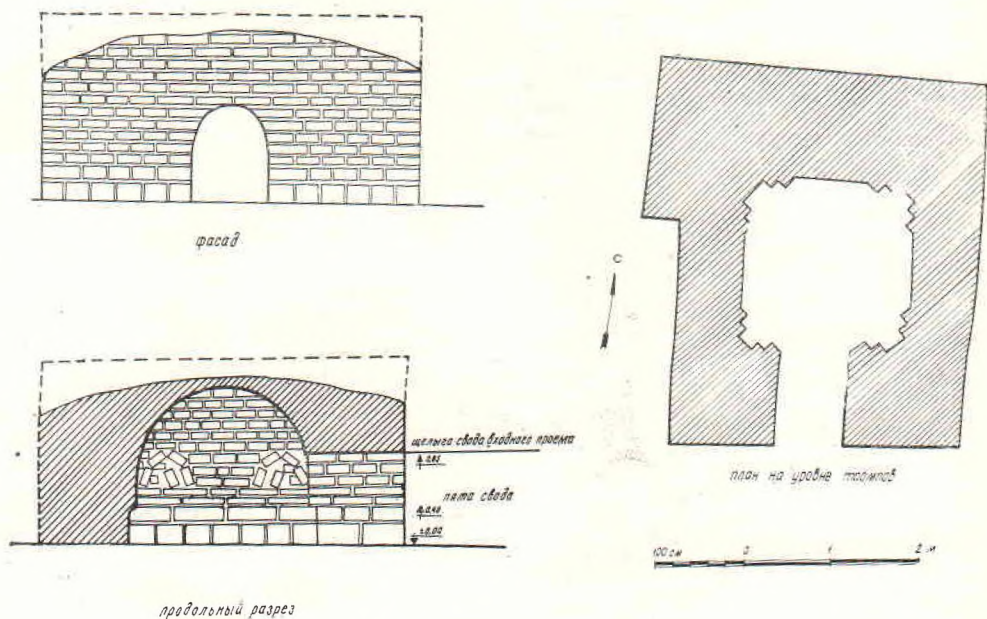
Раскоп V. I — профиль холма, II — план холма с разрезами и шурфами 1972 г., III — шурф 1979 г. План на отметке 1,5 м.

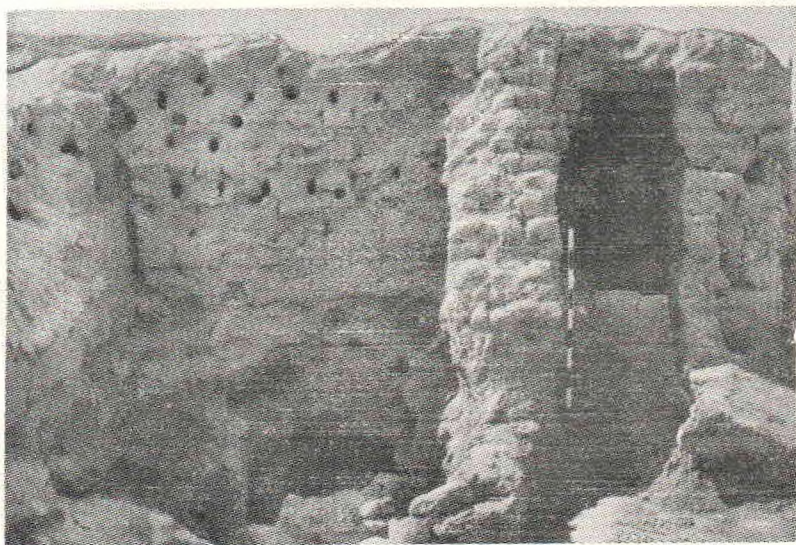
Некрополь. Раскоп III. Первый строительный горизонт. План и профили наусов с захоронениями. Раскопки 1978—1980 гг.

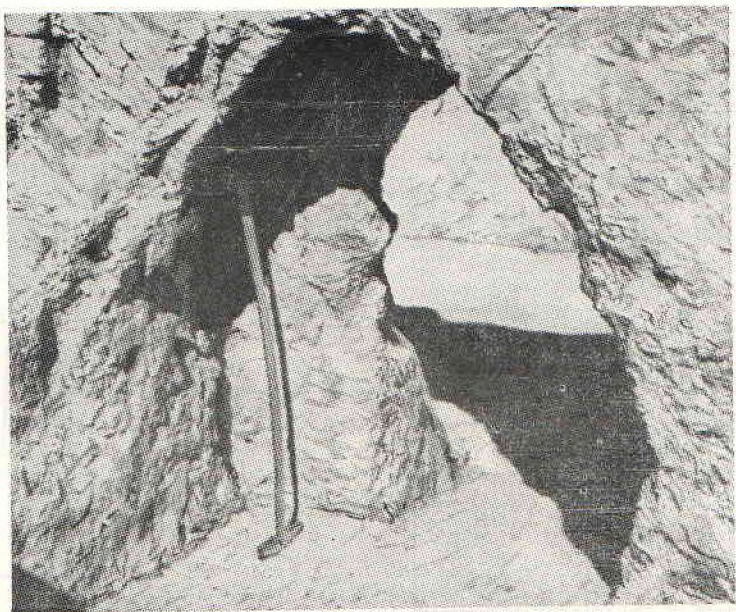
Раскоп II. Некрополь. План южной части раскопа на отметке 1,5 м.
1983 г.

Наус № 4. План и разрез.

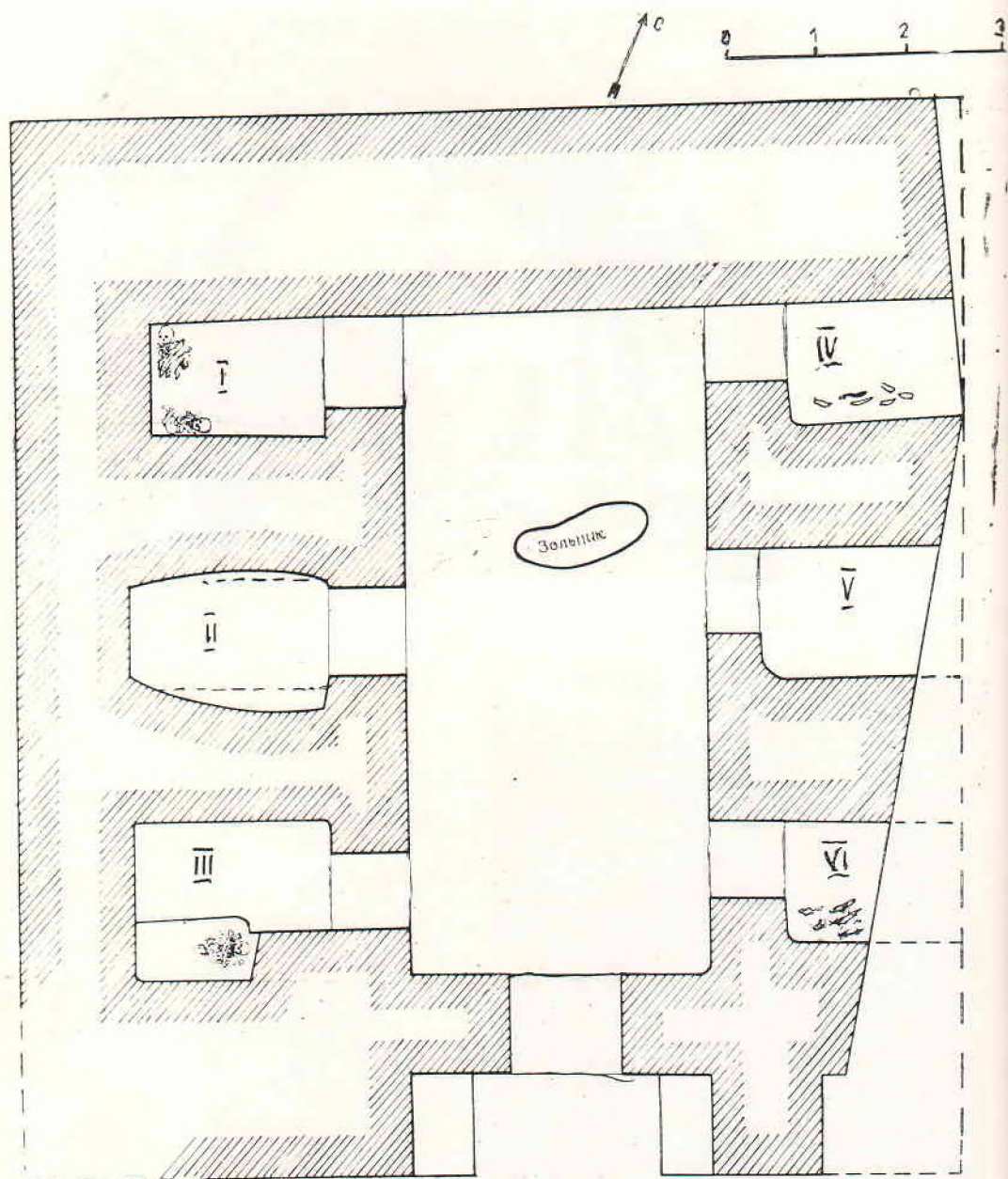
Вид погребений на некрополе: сверху — наусы и камера № 21;
внизу — катакомбное погребение.

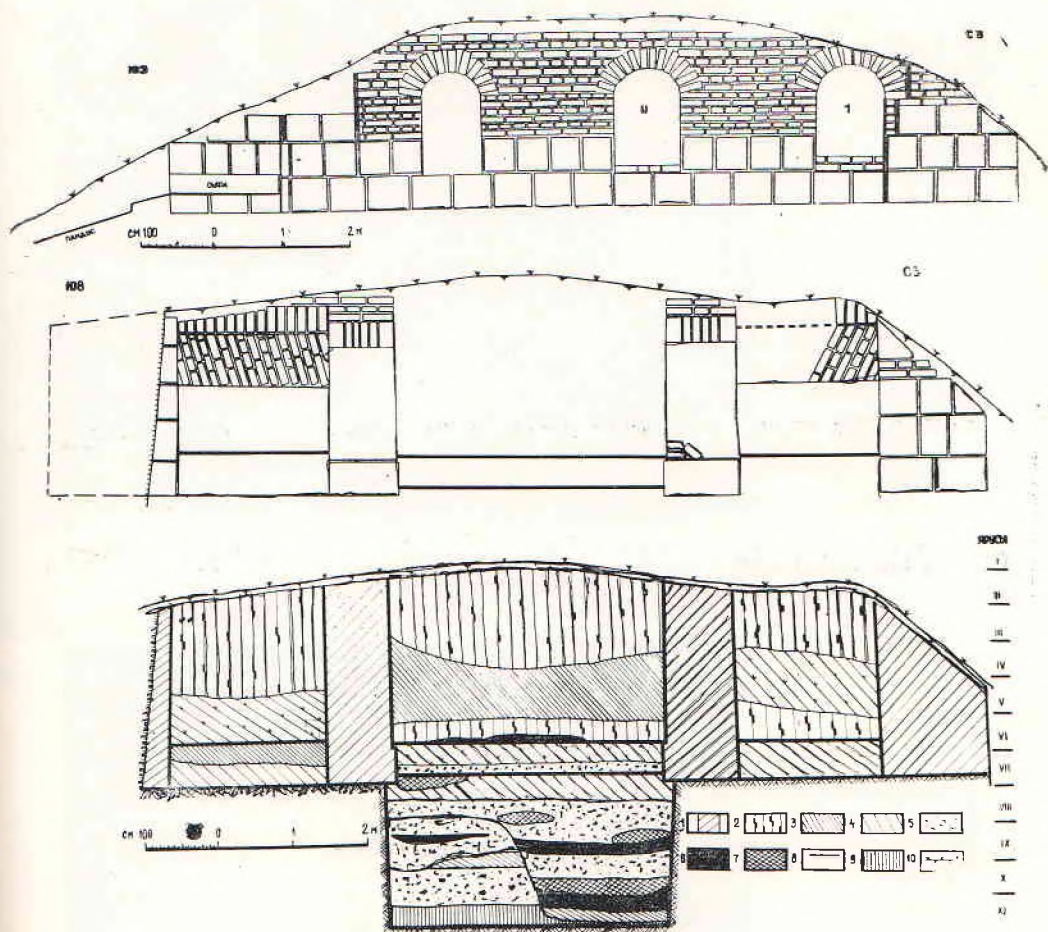
Некрополь. Арка проема-лаза в наус.

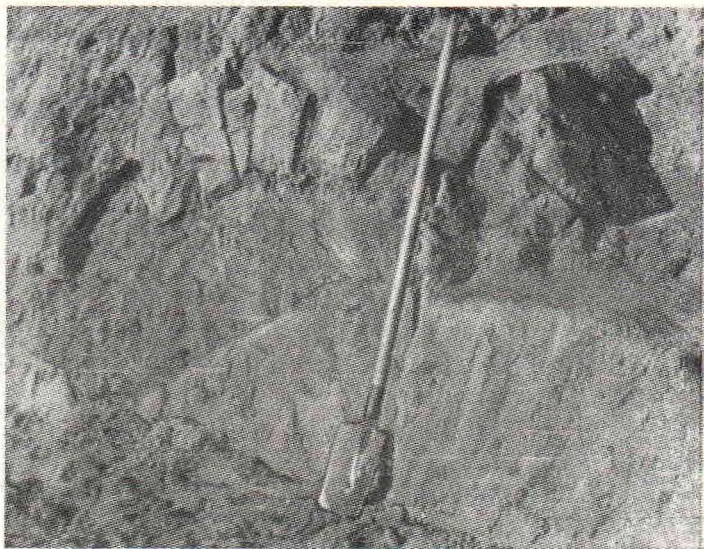
Наус № 4. Угловой тропл.

Раскоп IV. Многокамерный наус. План на уровне погребений.

Раскоп IV. Архитектурный и археологический разрезы многокамерного науса. Раскопки 1978 г.

Остатки сводчатого перекрытия скле-
па в разрезе.

Некрополь. Раскоп IV. Характер по-
гребения останков, собранных в кучу.

Некрополь. Наус № 1. Останки захоронения в виде кучки костей.

Некрополь. Наус № 2. Погребение в хуме.

Погребение в хуме после
расчистки.

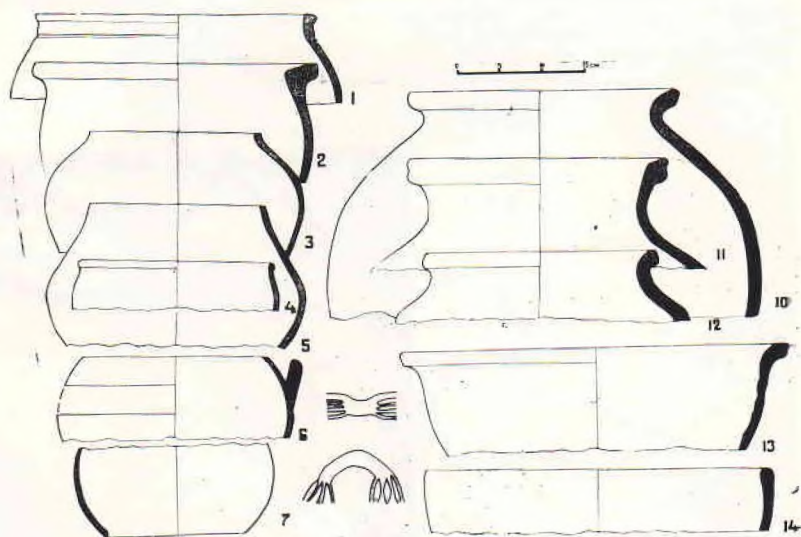
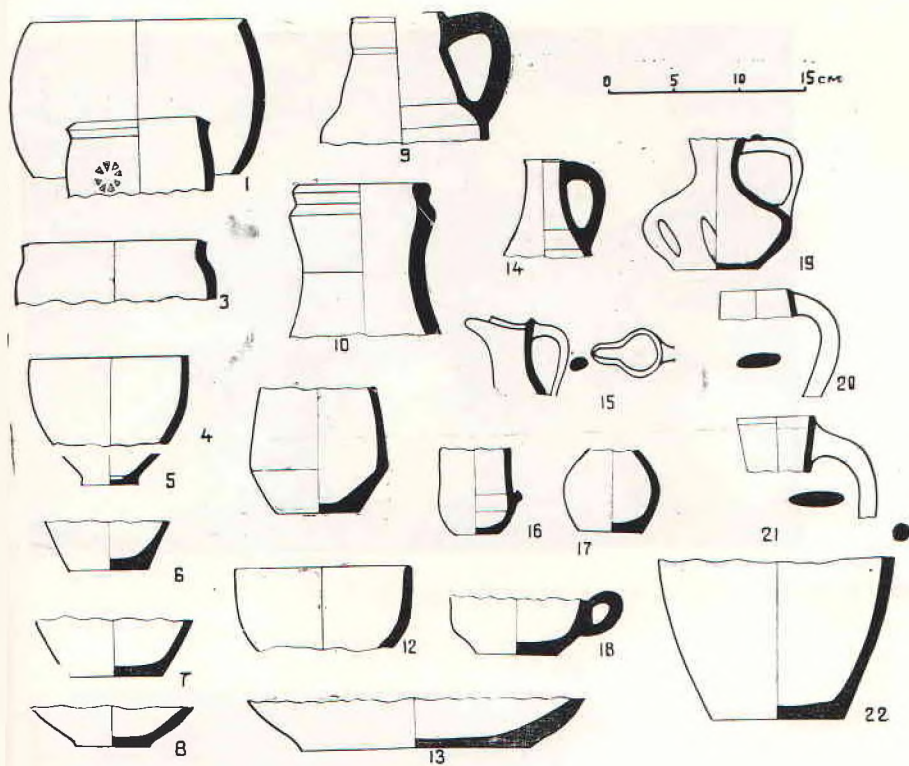

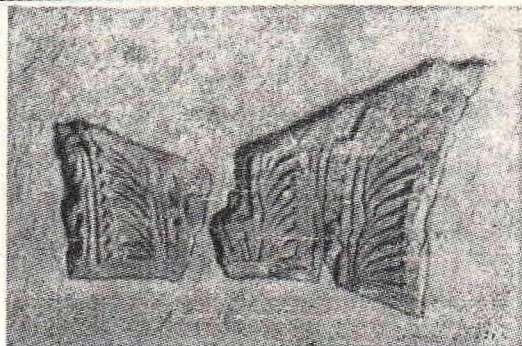
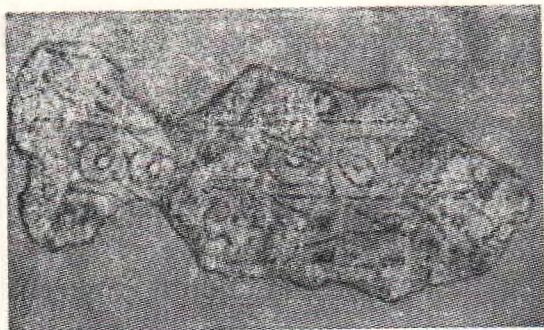
Таблица керамики из наусов (на уровне пола).

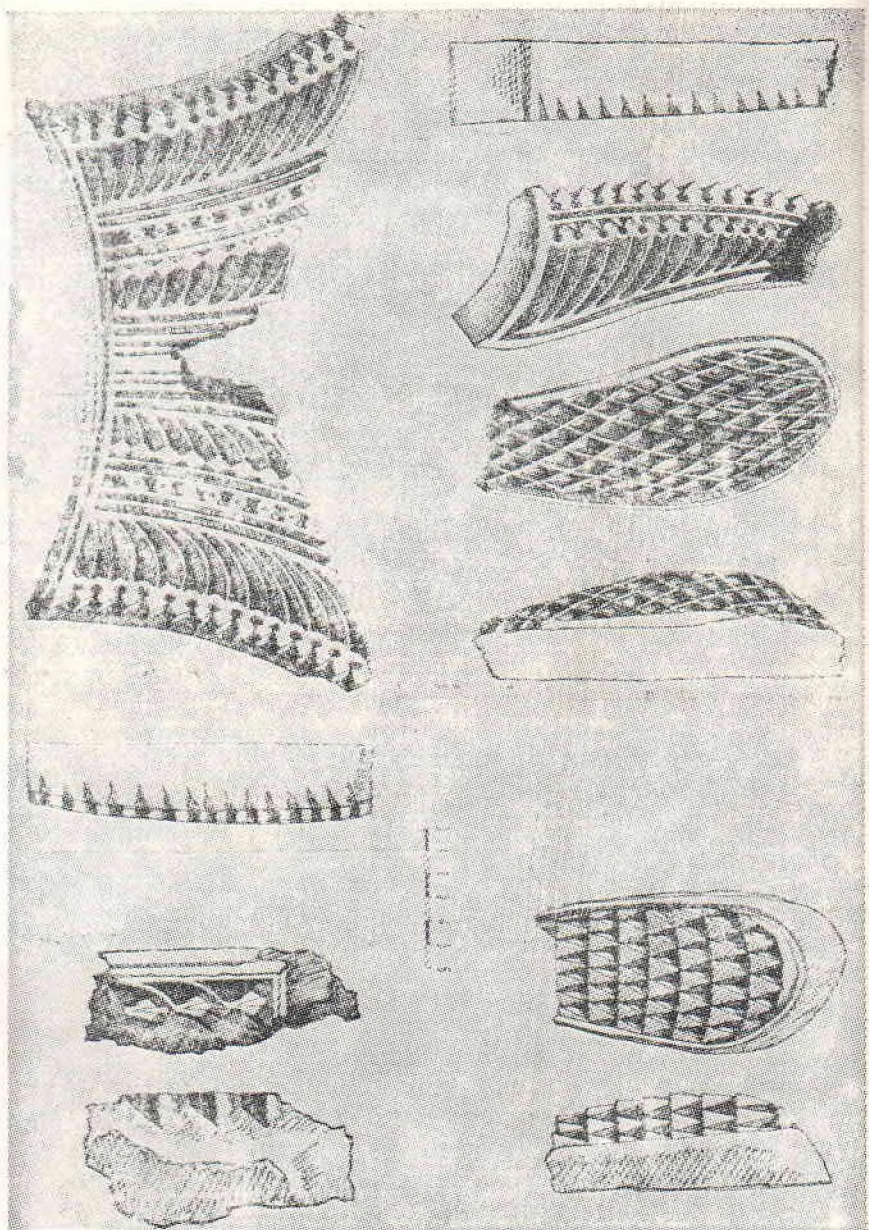
Некрополь. Раскоп III. Керамика из наусов
(на уровне пола).

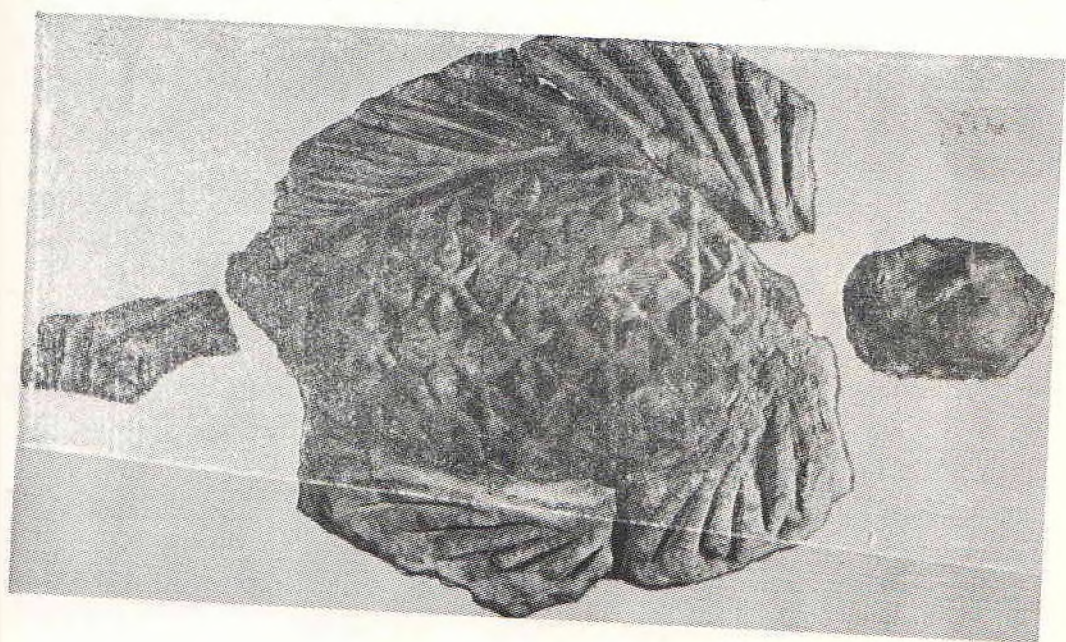
Образцы согдийской посуды из слоев некрополя.

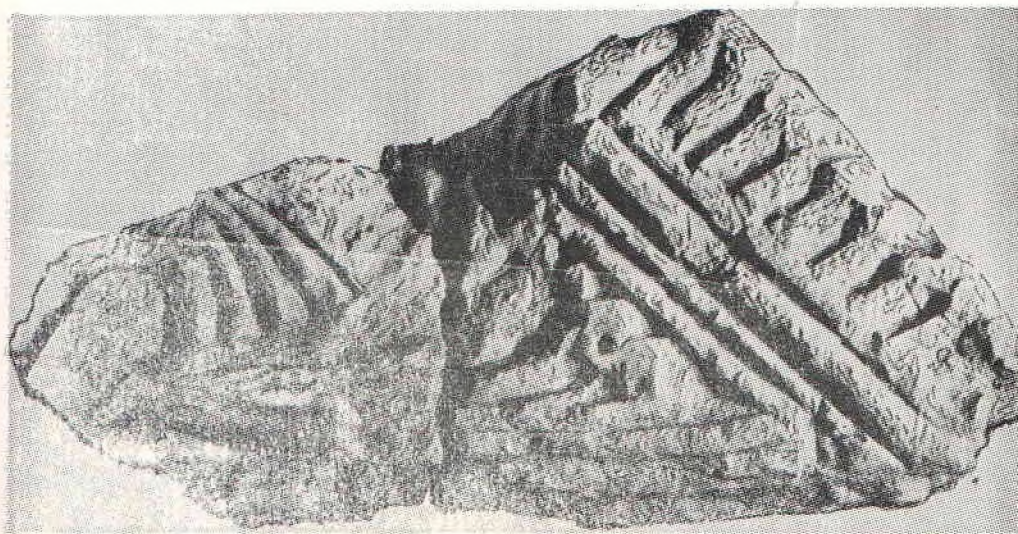
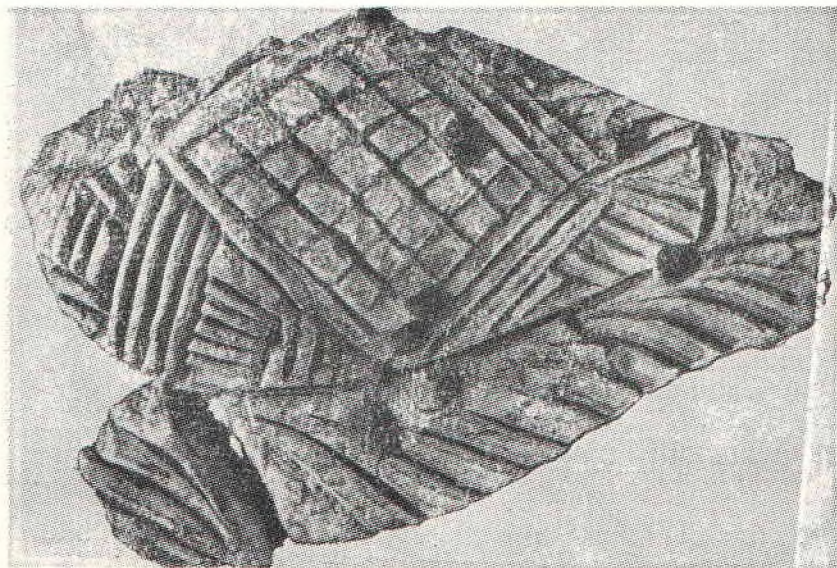

Фрагмент живописи из буддийского храма (раскоп VII) и резной глины (раскоп I) после реставрации. 1983 г.

Средневековый душанбский комплекс (раскоп I). Резная глина.
Шахристан-1.

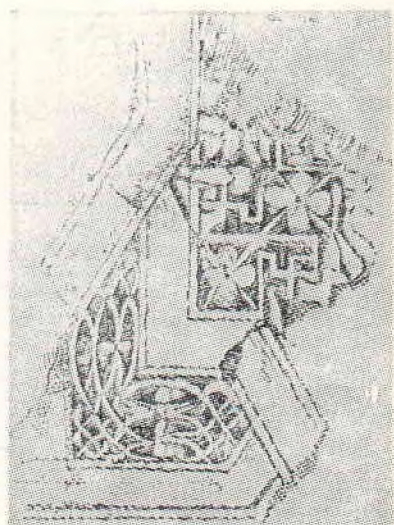

Раскоп VIII. Фрагмент резной глины из верхнего яруса. Раскопки 1980 г.

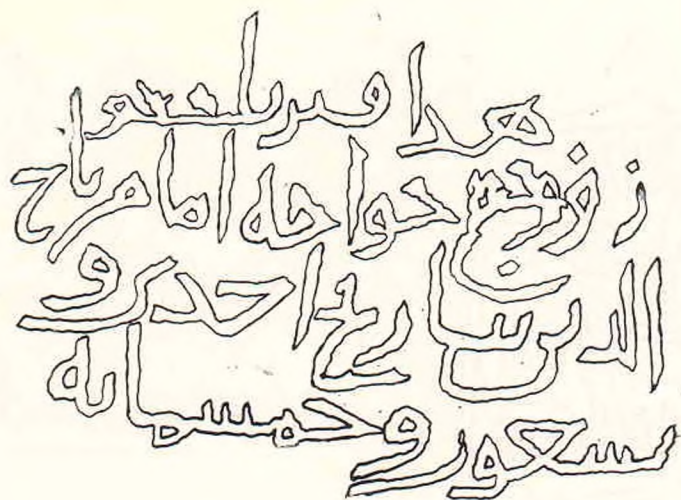
Резьба по ганчу из жилого дома № 4.
Раскопки П. Н. Кожемяко 1961 г.

Резная глина из жилого дома № 4.
Раскопки П. Н. Кожемяко 1961 г.

بوزرت اهل کوی علی
 اعظمی عمرتک زور
 تاج النور وراج
 ملی مرجان حسن
 ملی روی دجادر
 ملی ولسوگر

Кайраки с Бураны. Находки 1983 г.
Прорисовка.

Таблицы монет с Краснореченского
городища.

Таблица I

1,
л. и об.ст.

50, л.ст.

101,
л. и об.ст.

107, л.ст.

47, л. и об.ст.

32, л.ст.

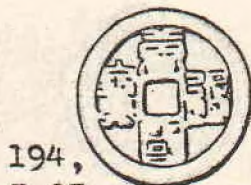

219,
л. и об.ст.

Таблица 2

82,
л. и об.ст.

194,
л.ст.

221,
л. и об.ст.

73

9, об.ст.

172, л.ст.

124, об.ст.

225,

л. и об.ст.

Значительную часть комплекса (более половины всех найденных монет) составляют так называемые «тюркешские» или «круга тюркешских» — бронзовые литые монеты с квадратным отверстием, различного размера и веса, с надписью согдийским письмом на одной стороне и изображением тамги — на другой, либо с надписями на обеих сторонах; последние отнесены О. И. Смирновой к «тухусам Семиречья»². Есть и такие, которые не имеют надписей и изображений на одной или даже на обеих сторонах (особенно мелкие). В описании, во избежание повторений и увеличения объема, мы принимаем условное обозначение «С.» при ссылках на фундаментальную работу О. И. Смирновой «Сводный каталог согдийских монет. Бронза» (М., 1981); при этом указываем номер типа, соответствующего особенностям описываемого экземпляра (надписи, размер, вес и т. п.), и страницы, на которых ранее известные монеты этого типа описаны. Чтение и перевод надписей на монетах приводятся только тогда, когда они встречаются в описании впервые; в дальнейшем для экземпляров с аналогичными надписями делается отсылка на первое описание с расшифровкой надписей. Исключение сделано лишь для значительно дефектных экземпляров, описываемых раньше, чем целые или более сохранные монеты того же типа, представляющие его полнее или точнее. Для таких экземпляров отсылка дается на последующий текст. Во всех случаях указываются номера описаний не по «внутригодовой», а по сквозной нумерации. Для облегчения работы с текстом описания в конце публикации помещен типологический конкорданс, дающий представление и о количественном соотношении разных типов монет в описанном комплексе.

◆ НАХОДКИ 1978 г. ◆

1. Тюркеш, крупная (С., тип IV, с. 400—403). Найдена в раскопе 5, шурф, ярус III. Диаметр (далее — д.) 24 мм, вес (далее — в.) 5,10 г (Табл. 1, 1).

² Впервые такая атрибуция была предложена В. А. Лившицем на основании чтения сочетаний *tyws'n ywšw*, *tyws'n'k ywšw* «государь тухсский» на двух группах так называемых «монет тюркешского круга». (См.: Согдийские документы с горы Муг. Вып. II: Юридические документы и письма / Чтение, перевод и комментарий В. А. Лившица. — М., 1962. С. 28. Прим. 49. — *Ред.*)

³ Эта сторона описана О. И. Смирновой (указ. соч. С. 397 сл.) как оборотная. Мы рассматриваем ее как лицевую, несмотря на принятое в нумизматике правило считать таковой ту сторону, которая наиболее полно отражает государственную принадлежность эмиссии (в данном случае, очевидно, изображение тамги, как и предлагает автор «Сводного каталога»). Впрочем, учитывая наличие в комплексе «промежуточных» типов, в которых этот принцип выдерживается лишь частично (например, «тухусские» № 4, 5, 101 и др.), можно видеть, что здесь такое деление будет в значительной степени условным.

*Лицевая сторона*³ (далее — *Л. ст.*): надпись согдийским курсивом, читаемая против часовой стрелки: *βυ twrkys γ'γ'n pny* «Господин тюргешский каган. *Фан*»⁴. По краю — выпуклый ободок шириной 2,5 — 3 мм; тонким ободком (около 0,5 мм) окаймлено отверстие в центре монеты. Остаток литника на гурте монеты, против слова *pny*.

Оборотная сторона (далее — *Об. ст.*): тамга тюргешей в виде ромба, образованного выпуклой линией, окаймляющей квадратное отверстие, один из углов которого соединен широкой перемычкой с дугообразным элементом, занимающим половину свободного поля монеты и примыкающим изогнутой наружу концами к внешнему ободку. Ширина внешнего ободка — до 3,5 мм; выпуклой ромбовидной фигуры, окаймляющей отверстие и образующей внутренний элемент тамги — от 0,5 до 1 мм.

НАХОДКИ 1979 г.

2. (1). Некрополь, раскоп 3, погребение 70. Тюргеши, среднего размера (С., тип IV, с. 404—405). Д. 20,5 мм, в. 1,12 г. Композиция, содержание надписей и изображение тамги на об. ст. такие же, как на № 1, но отличия в почерке надписи. Потерта.

3. (2). Некрополь, раскоп 3, погребение 79, ярус IV. Тюргеши, (С., тип IV, с. 403—404). Д. 22,5 мм, в. 1,47 г (обломана). Как предыдущая, но почерк иной. Дефект литья: утолщение в двух местах на гурте; ряд элементов букв в надписи слились с ободком и частично искажены.

4. (3). Некрополь, раскоп 3, погребение 83. «Тухусы»⁵ (С., тип I, с. 408—409). Д. 16 мм, в. 0,77 г.

Л. ст.: надпись, как на № 1. Внутренний (у отверстия) и внешний ободки тонкие, 0,5—1 мм.

Об. ст.: надпись по кругу, против часовой стрелки, тем же письмом (на данном экземпляре сильно повреждена коррозией): *ωγ'tm'/ns?* (или *ω'γwt's*, или же *ty'wt's?*) *γωβω* «Вахатма[н]ский (? — вахумский? т. хомский?)⁶ государь». В пространстве, отделяющем конец надписи от

⁴ Название денежного номинала (вероятно, заимствовано из китайского), чтение предположительное. По поводу языковой принадлежности надписи, ее чтения и перевода см.: *Смирнова О. И.* О классификации и легендах тюргешских монет // УЗ ИВ АН СССР. — М., Л., 1958. Т. 16. С. 531.

⁵ В каталоге О. И. Смирновой монеты подобных типов выделены в подзаголовок «*γωβ-ы тухусов*» (указ. соч. С. 405).

⁶ Возможны и другие варианты чтения; как мы увидим далее (см. описания № 44, 97, 107, 127), наиболее предпочтительным из них является вариант с инициальным *ω* или *ρ* (с или *9*-образный графический знак без зубца вверху слева, характерного для буквы, передающей фонему *t*), тогда как в середине слова большинство хорошо сохранившихся монет дает все-таки чтение *m* (как в статье

ее начала, изображен сложный тамгообразный знак в виде трезубца с расходящимися концами, центральный ствол которого под Ш-образным основанием перехвачен короткой вертикальной черточкой; между трезубцем и последней буквой слова $\gamma\psi\beta\omega$ вставлен дугообразный значок, центр которого «опирается» на рамку отверстия (на один из ее углов), а концы касаются внешнего ободка; в промежутке, ограниченном «внутренностью» дуги, утолщение в виде крупной точки, соединенной с основанием дуги. Иными словами, если рассматривать этот значок в сравнении с тамгой тюргешей (см. № 1), то это тот же знак, но ромб (периметр отверстия) здесь заменен описанной точкой, все остальные элементы же совпадают.

5. (4). Раскоп 5 (храм), шурф, ярус V, на полу (1 горизонт). «Тухусы», мелкая (С., тип II, с. 410—411). Ободок поврежден симметрично в двух местах (срублены литники). Д. 12—13 мм, в. 0,46 г.

Л. ст.: надпись по кругу, против часовой стрелки $\gamma\psi\omega s'nk\ tkyn^7$; концы надписи разделены тамгообразным знаком, как на № 4, слегка модифицированным: средний зубец трезубца выше, чем боковые, и завершается утолщением. Внутренний и внешний ободки тонкие.

Об. ст. гладкая, без изображений и выпуклых ободков.

НАХОДКИ 1980 г.

6. (1). Некрополь, раскоп 3, ярус VI, квадрат 13Н. Тюргеша, среднего размера, как № 2. Д. 20,5 мм, в. 1,45 г. Слегка потерта и погнута.

7. (2). Подъемная (северная часть городища). Тонкая, неровной формы, с неправильным отверстием трапециевидных очертаний. Обе стороны без следов надписей и изображений, но, кажется, с остатками стертых ободков. Д. 14—16 мм, в. 0,37 г.

Скорее всего, надписи на этом экземпляре исчезли в результате сильного окисления, но не исключено, что монета была изготовлена без них. Как мы увидим далее, в описываемом комплексе имеются экземпляры, отливавшиеся, безусловно, сознательно без каких-либо изображений.

О. И. Смирновой «О классификации...» С. 536—539), а не s (на котором она окончательно остановилась в «Сводном каталоге»). Поэтому, хотя мы и используем здесь термины «тухусы» и «тухусский», но лишь с оговоркой, что если они основаны на чтении монетных легенд, то последнее представляется неоднозначным, спорным, требующим дополнительного анализа и, очевидно, новой трактовки.

⁷ Перевод «тухусский тегин [принц, князь]» (чтение В. А. Лившица, отметившего возможную близость и даже идентичность значений согдийского $\gamma\psi\beta\omega$ «государь, правитель, князь» и древнетюркского *tegin* в формуле титулования на монетах «тюргешского круга»). Последнее слово отличается от чтения, предложенного О. И. Смирновой (указ. соч. С. 411), в котором она видит $\gamma\psi\beta\omega$, и совпадающего с нашим чтением надписей на однотипных монетах (см. № 78, 107 и др.) или на более крупных монетах другого типа (№ 4).

8. (3). Подъемная (северная часть городища). Плотный кружок со скошенным гуртом, края в двух местах симметрично обрублены. Обе стороны гладкие, на одной из них неясная выпуклость (возможно, остатки надписи). Д. 20—23 мм, в. 5,84 г. Предположительно караханидская, второй — третьей четверти XI в.⁸

9. (4). Подъемная (западная часть городища). Кружок из светлой бронзы розоватого цвета с неровными, в нескольких местах растрескавшимися и обломанными краями. Гурт белого цвета (очевидно, биллон или субэратное серебро). Караханиды, вторая четверть XI в. Надписи в значительной мере стерты и уничтожены окислами, но частично разборчивы. Д. 24—26 мм, в. 3,34 г (табл. 2, 9).

Л. ст.: в поле — калима (символ веры) «Нет бога, кроме Аллаха, един он, / нет ему сотоварищей» в три строки изящным почерком куфи; над и под калимой — имя местного правителя (неразборчиво). По краю надпись в форме квадрата, содержащая выпускные сведения (название монетного двора обломано, дата стерта, сохранилось только «четыреста...»).

Об. ст.: в поле — вторая часть калимы: «Аллаху. / Мухаммад — посланник / Аллаха. Ал-Ка'им би-амри-ллах. / Арслан-тегин. / Аййуб». По кругу, за двойным линейным ободком — цитата из Корана: «/ который послал его с прямым путем / и религией истины, чтобы проявить ее выше всякой религии, хотя бы и ненавидели это многобожники» (Коран, IX:33. Перевод И. Ю. Крачковского).

Халиф ал-Ка'им правил в 422/1031—475/1067 гг.

10. (5). Караханиды, вторая — третья четверть XI в. Неровный кружок, частично обломан. Гурт косой, со следами напылов (очевидно, литой). На одной стороне — следы надписи (не читаются), вторая — гладкая. Д. 23—25 мм, в. 6,67 г.

11. (6). Караханиды, того же времени. Кружок овальной формы, сильно окислен, края с трещинами. Д. 21—23 мм, в. 4,05 г.

Л. ст. не сохранилась.

Об. ст.: едва заметные остатки надписи: «ал-Ка'им би-амри-ллах. Владелец / победоносный (?) Бугра-кара- [хакан]...» По кругу стерто.

12. (7). Караханиды, того же времени. Неровный кружок с симметрично обрезанным краем, как № 8. Д. 20—23 мм, в. 4,80 г.

Л. ст.: калима в 3 строки, над ней — стерто, внизу — «ад-даула», вокруг — стерто и уничтожено окислами.

Об. ст.: неясные следы надписи в центре.

13. (8). Как предыдущие. Обе стороны почти полностью лишены надписей, их остатки неразборчивы. Кружок неровный, с обломом. Д. 21—23 мм, в. 3,76 г.

14. (9). Овальной формы, с обрезанным косым гуртом, как № 8. Обе стороны полностью стерты или не прочеканены. Караханиды XI в. Д. 20—25 мм, в. 6,35 г.

⁸ Такие кружки, полностью стертые или вообще без следов чеканки, встречаются не только в Чуйской долине, но и в других частях Семиречья (городища Талгар, Тараз и др.) и в Южном Казахстане (Отрар и его окрестности).

15. (10). То же, полностью стерта. Д. 21—23 мм, в. 4,23 г.

16. (11). То же, треснута. На обеих сторонах неразборчивые следы надписей. Д. 21—24 мм, в. 6,59 г.

17. (12). Бесформенный обломок без следов надписей (окислен и стерт, наплывы металла). Первоначальный диаметр — до 24 мм, в. 3,97 г.

Монеты № 9—17 (4—12) все найдены в западной части городища. Следующие (все до № 30. (25) — без указания района находки.

18. (13). Монета китайского типа, совершенно окисленная и со следами механического воздействия: гурт утолщен, центральное отверстие рассверлено до круглой формы. На одной стороне — четыре выпуклости, расположенные крестообразно (следы от иероглифов), на другой — неясные наплывы. Судя по составу металла (красная бронза), это может быть местное подражание китайским цзянь с какими-то надписями или знаками на об. ст. Д. 18 мм, отверстие — 6,5 мм, в. 3,61 г.

19. (14). Тюргеши? Погнутый кружок без ободков, с широким круглым (рассверленным) отверстием. Обе стороны повреждены сильным окислением и механическими воздействиями, тип не определяется. Д. 22 мм, отверстие — 10,5 мм, в. 2,10 г.

20. (15). Караханиды, стерта. Кружок неровный, с косым гуртом и обрезанным с одной стороны краем. Д. 20—24 мм, в. 6,12 г.

Л. ст.: фрагмент калимы и круговой надписи за линейным ободком: «...этот дирхем (?)...».

Об. ст.: «Мухаммад... / ал-Ка'им би-амр...»

21. (16). Караханиды. Стерта и окислена, с выщербленными краями. Д. 22—25 мм, в. 6,34 г.

Л. ст.: остатки калимы и верхней части надписи по краю, располагавшейся квадратом; выпускные сведения утрачены.

Об. ст.: следы второй части калимы, имени халифа (ал-Ка'им) и караханидского хана (Арслан-кара-хакан), остальное стерто.

22. (17). Караханиды. Косой гурт, обрублена с двух сторон. На обеих сторонах — неясные следы надписей и круговых линейных ободков в две линии. Д. 22—24 мм, в. 3,96 г.

23. (18). Караханиды. Стерта, края растрескавшиеся и слегка обломанные. Д. 21—23 мм, в. 5,83 г.

Л. ст.: над калимой — следы титула — «.../ад-даула», вокруг стерто.

Об. ст.: следы надписи: «.../ ал-Ка'им би-амри-ллах.../ Арслан-кара-хакан / амир ал-умара», остальное стерто.

24. (19). Караханиды. Форма, как № 8. Неясные остатки надписей на обеих сторонах и двойного линейного кругового ободка на об. ст. Д. 20—23 мм, в. 4,62 г.

25. (20). То же, сильное окисление. От надписей остались только следы, ободки не видны. Косой гурт. Д. 22—24 мм, в. 5,67 г.

26. (21). Монета неправильной формы, обломана и совершенно изъедена окислом. По фактуре и цвету металла соответствует описанным выше караханидским. Д. до 25 мм, в. 6,00 г.

27. (22). Караханиды, тип утрачен. Кружок неровный, с трещинами. Л. ст. стерта полностью, на об. ст. фрагмент надписи (часть калимы и коранической цитаты «который послал его...») по кругу за линейным ободком. Д. 22—24 мм, в. 6,56 г.

28. (23). Совершенно стерта и окислена. Соответствует карахандским монетам, описанным выше. Д. 22—24 мм, в. 3,74 г.

29. (24). Обломок бронзового кружка толщиной до 4 мм, с косым гуртом и без каких-либо следов монетных штампов. Первоначальный диаметр — до 27 мм, в. 8,57 г (обломано около 40% площади кружка).

30. (25). Маленький фрагмент неправильной формы, окислен и обломан по краям. Следов надписей не заметно. Д. 12—14 мм, в. 1,01 г.

31. (26). Китайская, династии Тан. Крупная монета с квадратным отверстием, выпущена при императоре Суцзуне с объявленной стоимостью 10 цяней. Надпись (читается «крестом»): Цяньюань чжунбао «Тяжелая монета [периода] Цяньюань». Выпуск 758—760 гг.⁹ Д. 28,5 мм, в. 6,65 г.

НАХОДКИ 1981 г.

32. (1). Цитадель, раскоп 6, помещение 4 (на юго-восточной стене). Монета слегка овальной формы, разломана на 3 части и склеена. С круглым отверстием, охваченным квадратной рамкой; по краю тонкий (до 1 мм) ободок. Надпись согдийским курсивом, читается против часовой стрелки: $\beta\gamma\gamma$ 'rsl'n pylk' $\gamma'\gamma'n$ pny «Господин Арслан Бильга-каган. Фан»¹⁰. На об. ст. (гладкая, без ободков) следы трех вдавленных радиальных черточек и нескольких неясных значков (граффити?). Д. 20—22 мм, в. 2,35 г (табл. 1, 32).

Монеты этого типа ранее были известны лишь по одному экземпляру: С., с. 412, № 1659 (монеты «круга тюргешских»), где надпись прочтена иначе: $\beta\gamma\gamma$ pny $\beta\gamma$ (?) pylk' $\gamma'\gamma'n$ pny(?).

33. (2). Обломок. Тюргешки, обычного типа, как № 1. Раскоп 6, помещение 4, ярус III. Д. до 24 мм, в. 1,79 г (сохранилось около половины кружка).

34. (3). Раскоп 6, помещение 5, ярус II. «Тухусы», как № 4, потеря и обломана на месте одного из литников. Д. 15—16 мм, в. 0,96 г.

35. (4). Раскоп 6, помещение 5, ярус III. То же? (обломок, сильная потертость). Размер — до 16 мм (сохранилось менее половины кружка), в. 0,34 г.

36. (5). Раскоп 6, помещение 6. Обломок монеты с квадратным

⁹ Ср.: Быков А. А. Монеты Китая. — Л., 1969. С. 18, 69. Табл. X. № 69.

¹⁰ Чтение В. А. Лившица, сообщенное автору настоящей статьи, отличается лишь в одном слове: 'rsl'n. Нам представляется, что это слово, начальная графема которого напоминает согд. с, могло бы читаться и как с'yl'n «Чаглан».

отверстием, тонкий, окислен и стерт. Л. ст., как № 2 или 49, об. ст. без отличий (ср. № 48). Размер до 18 мм, в. 0,46 г.

37. (6). Раскоп 6, подъемная. «Тухусы», обломок. Как № 4, но в тамге нет дугообразного элемента с точкой внутри. (Ср. № 127). Размер до 19 мм (сохранилась половина кружка), в. 1,28 г.

38. (7). Святилище буддийского храма. Обломок (около половины кружка). Тюргешш, как № 1. Д. до 25 мм, в. 1,20 г.

39. (8). Арык к северо-востоку от буддийского храма, подъемная. Два обломка монеты с квадратным отверстием, недостает около 15% площади кружка. Сильное окисление и потертость. Судя по остаткам изображения (дугообразный элемент тамги тюргешей), как № 49. Д. до 17 мм, в. 0,74 г (общий).

40. (9). Подъем в северо-западной части «рабада». Неровный кружок с рваными краями, полностью окислен. Караханиды XI в., как № 26. Д. 22—26 мм, в. 4,25 г.

41. (10). Там же. Обломок (около 40% кружка). Тюргешш, как № 1. Размер до 20 мм (первоначально — около 24 мм), в. 0,81 г.

42. (11). Там же. Маленький обломок монеты с квадратным отверстием и остатками надписи типа тюргешских монет; об. ст. без надписи, но с ободками (как № 49?). Размер до 15 мм, в. 0,59 г.

43. (12). Там же. Низкопробное серебро, обломок неправильной формы (около 40% площади). Караханиды, первая четверть XI в. Размер до 22 мм, в. 1,10 г.

Л. ст.: в поле — конец первой части калимы, по кругу — остатки выпускных сведений: «... дирхем в Куз-Орд[у]...»; внешний ободок из мелких слитых точек.

Об. ст. (сохранилась верхняя часть штемпеля): в поле «Аллаху./ Мухаммад — по[сланник].../ ал-Ка[дир биллах?]...» За двойным линейным ободком — фрагмент коранической цитаты «Мухаммад — посланник Аллаха...» (IX, 33).

Халиф ал-Кадир правил в 381/991—422/1031 гг.

44. (13). Там же. Потерта и окислена. Напоминает «тухусские» типа № 4, но надписи на обеих сторонах по часовой стрелке, тамга без дугообразного знака (на этом месте две параллельные черты, пересекающие центральный «ствол» композиции) и в ином расположении: будучи повернута зубцами вверх, располагается не справа, а слева от отверстия. Внешний ободок шириной до 1 мм, внутренний — тонкий. Тип не опубликован. Д. 17,5 мм, в. 1,34 г.

Ввиду плохой сохранности монеты чтение надписей приводится с учетом однотипного экземпляра № 47.

Л. ст.: *twrkys ʿʿn pny* «Тюргешский каган. Фан».

Об. ст.: вправо от зубцов тамги: *p'tm's (?) ʿwθw pny* «Бат.м.(ш)-ский (?) государь. Фан».

45. (14). Там же. Караханиды, обломана, с неровными краями. Сохранилась часть калимы на л. ст. и следы надписи (имя ал-Ка'има) на об. ст. Д. до 23 мм, в. 2,65 г.

46. (15). Там же. Обломок, полностью стерт. Караханиды XI в. Размер до 20 мм, в. 1,91 г.
47. (16). Там же. Окислена. Как № 44. Д. 16—17,5 мм, в. 1,22 г (табл. 1, 47).
48. (17). Там же. Окислена, обломан литник. Тюргеши, мелкая. Л. ст.: надпись, как на № 1 или 2; ободки тонкие. Об. ст. гладкая, без надписей и ободков. Тип не опубликован. Д. 16 мм, в. 0,72 г (См. также № 50).
49. (18). Там же. Сильно окислена. Тюргеши, как № 2 (с тамгой на об. ст.), но заметно меньшего размера и веса: д. 16 мм, в. 1,05 г.
50. (19). Там же. Тюргеши, мелкая (как № 48). Д. 15—16 мм, в. 1,28 г (табл. 1, 50).
51. (20). Там же. Тюргеши, как № 49. Д. 16 мм, в. 0,96 г.
52. (21). Там же. Тюргеши, как № 1, но тоньше. Надписи оплывшие, край надломлен и отогнут. Д. 23 мм, в. 2,24 г.
53. (22). Там же. Окислена и стерта, слегка обломан край. Типовые признаки утрачены. Д. 16 мм, в. 0,71 г.
54. (23). Там же. Обломок (половина монеты). Тюргеши, как № 1, отличия в почерке надписи. Д. 25 мм, в. 3,06 г.
55. (24). Там же. Тонкая, сильно потерта и окислена. Край слегка обломан на месте литника. Тюргеши, как № 2. Д. 19 мм, в. 0,90 г.
56. (25). Там же. Обломок (половина монеты), окислен. Тюргеши, как № 2. Д. 20 мм, в. 1,06 г.
57. (26). Там же, арык-распределитель. Погнута. Тюргеши, как № 2. Д. 20 мм, в. 1,86 г.
58. (27). Там же. Тюргеши, как № 1. Д. 24,5 мм, в. 6,90 г.
59. (29)¹¹. Там же, арык № 1. Погнута. Тюргеши, как № 2. Д. 21 мм, в. 1,78 г.
60. (30). Там же. Тюргеши, как № 1. Надписи оплывшие.. Д. 23,5 мм, в. 6,15 г.
61. (31). Там же. Тюргеши, как № 1. Надпись забита окислами. Д. 24 мм, в. 5,87 г.
62. (32). Там же, арык № 2. Мелкая монетка без надписей, но с внутренним (у отверстия) и внешним ободками на одной из сторон; вторая сторона гладкая. Ср. С., тип III, с. 412, № 1655—1658. Д. 9 мм, отверстие 4 x 4,5 мм, в. 0,18 г.
63. (33). Там же. Сильно окислена и стерта; на одной стороне следы тюргешской тамги (ср. № 49). Д. 17—18 мм, в. 1,24 г.
64. (34). Там же. Неправильной формы кружок со скошенным гуртом и деформированным центральным отверстием (брак литья). Надписи не видны; возможно, «тухусы» (как № 5?). Д. 13 мм, в. 1,06 г.
65. (35). Там же. Сильно окислена и стерта, тип утрачен. (Ср. № 47 или 53). Д. 17 мм, в. 0,79 г.
66. (36). Там же. Мелкая, неправильной формы с овальным отверс-

¹¹ В конверте № 28 находился наконечник подвесного ремешка от наборного пояса из бронзы с надписью декоративным куфи *барака* «благословение» (обломан), вместе с пластинкой, прикреплявшейся к его тыльной стороне.

тием, окислена. Обе стороны гладкие (ср. № 62 и описания О. И. Смирновой, с. 412). Д. 7—9 мм, в. 0,14.

67. (37). Там же. Мелкая, обломана, форма отверстия близка к квадратной. На одной стороне видны внутренний (?) и внешний ободки, между ними неясные наплывы, на остатки надписей не похожие (ср. № 5 и 62). Об. ст. гладкая. Д. 8 мм, в. 0,16 г.

68. (38). Там же. Овальная, с выпуклостью от срубленного литника. Как № 62, но ободки сглажены. Д. 10—11 мм, в. 0,36 г.

69. (39). Там же. Окислена. Как предыдущая, но меньше размером, ободки не просматриваются. Д. 9—10 мм, отверстие 4x4,5 мм, в. 0,22 г.

70. (40). Там же. Обломок, тонкий. Тюргеши, как № 49. Д. 18 мм, в. 0,67 г (сохранилось немного более половины кружка).

71. (41). Там же, арык № 3. Слегка овальной формы, с широкой трещиной от угла отверстия до края. Надпись оплыла и почти неразборчива; «тухусы», как № 5 (?). Д. 12—13,5 мм, в. 0,60 г.

72. (42). Там же. Мелкая, с выпуклостью от литника. Окислена. Как № 66. Д. 8,5—9,5 мм, в. 0,22 г.

73. (43). Там же. Брак литья: кружок разной ширины относительно отверстия, с большим выступом с одной стороны, наподобие крупного одежного крючка с выпрямленным язычком; возможно, это не монета, а изделие утилитарного назначения (для одежды или конской сбруи?). Д. 8 мм, с выступом — до 13,5 мм, в. 0,62 г (табл. 2, 73).

74. (44). Там же. Обломок (около 40% кружка). Тюргеши, как № 2. Размер до 18 мм, в. 0,66 г.

75. (45). Там же. Мелкая, без надписей, но с ободками на одной из сторон, как № 62. Д. 11—13 мм, в. 0,48 г.

76. (46). Там же. Как предыдущая. Д. 12—13 мм, в. 0,50 г.

77. (47). Китайская, династии Тан с девизом *Цяньюань чжунбао* (как № 31, но меньшего веса и диаметра). Д. 24,5 мм, в. 3,94 г.

78. (48). Там же. Мелкая, обломана с краю. «Тухусы», как № 5, но в надписи не *ṭḥuṣi*, а *ṭḥuṣu*. Д. 11,5 мм, в. 0,38 г.

79. (49). Там же. Китайская, тип «Кайюань тунбао» (см. № 82), обломок. Размер до 25,5 мм, в. 1,44 г.

80. (50). Там же. Обломок (около половины кружка). Тюргеши, как № 2. Размер до 18,5 мм, в. 0,85 г.

81. (51). Там же, арык № 4. Мелкая, деформирована, с отверстием неправильной трапецевидной формы. Сильно окислена. Без надписей и ободков, как № 66. Д. 11—13 мм, в. 0,26 г.

82. (52). Китайская, династии Тан с надписью *Кайюань тунбао* «Ходячая монета начала правления» (отливалась с 621 г. н. э. до середины X в.). На об. ст. знак в виде двух параллельных черточек (иероглиф *эр* «два?»), отверстие рассверлено до круглого. Д. 24 мм, отверстие — 10,5 мм, в. 2,96 г (табл. 2, 82).

83. (53). Там же, арык № 5. Погнута. Тюргеши, мелкая, как № 49. Д. 16 мм, в. 0,95 г.

84. (54). Северный сектор рабада, арык № 6. Тюргеши, как № 2. Потерта и окислена. Д. 19 мм, в. 1,04 г.

85. (55). Северо-восточный сектор рабада. Тюргеши, как № 49. Остатки литников симметрично с двух сторон. Особенность надписи: за первой буквой слова $\gamma' \gamma' n$ ясно видны две мелкие точки, поставленные вертикально и несколько наискось вправо. Д. 16 мм, в. 1,06 г.

86. (56). Там же, Караханиды, совершенно стерта и окислена; как № 15. Д. 19—21 мм, в. 5,57 г.

87. (57). Там же. Как предыдущая, с трещинами и обломами по краю. На одной стороне едва заметный фрагмент надписи в поле (...*Аллах*) и линейного кругового ободка. Д. 20—22 мм, в. 5,37 г.

88. (58). Там же. Стерга, край неровный; как № 16. Д. 20—23 мм, в. 6,02 г.

89. (59). Юго-западный сектор рабада. Тюргеши (обломок, половина монеты), как № 1. Д. 24 мм, в. 2,59 г.

90. (60). Юго-восточный сектор рабада. Тюргеши, как № 1. Надпись забита окислами. Д. 24,5 мм, в. 4,73 г.

91. (61). Там же. Мелкий обломок караханидской монеты, сохранились только следы линейных ободков. Размер 18 x 6 мм, в. 0,64 г.

92. (62). Там же. Стерта, отверстие рассверлено до круглого. Судя по остаткам изображений, тюргеши обычного типа, как № 1. Д. 23 мм, отверстие 10 мм, в. 2,98 г.

93. (63). Там же. Караханиды, стерта, неясные следы надписей и линейного ободка на об. ст. Примерно треть кружка обрублена. Д. до 22 мм, в. 4,38 г.

94. (64). Подъемная (без указания места). Тюргеши, как № 1. Сильно окислена. Д. 24 мм, в. 3,83 г.

94а. (без номера, на конверте никаких надписей). Караханиды, стерта; как № 12. Д. 20—24 мм, в. 5,14 г.

НАХОДКИ 1982 г.

95. (1). Некрополь у с. Ивановки, погребение. Тюргеши, как № 1. Д. 24 мм, в. 4,68 г.

96. (2). Раскоп 6, помещение 3, в стене. Обломок (примерно треть кружка). «Тухусы», как № 37. Размер 13 x 4,5 мм, в. 0,27 г.

97. (3). Раскоп 6, помещение «северное» (в южном углу), штык 2. Обломок (менее половины кружка). Надписи и ободки четкие, рельефные. «Тухусы», как № 37; сохранившаяся часть надписи на об. ст.: ...*tm'ns* $\gamma \psi \beta$... Размер до 18 мм, в. 0,76 г.

98. (4). Шахристан-1. Тюргеши, как № 1. Д. 23,5 мм, в. 4,67 г.

99. (5). Там же. То же (изъедена). Д. 24 мм, в. 5,50 г.

100. (6). Там же. Тюргеши, как № 2. На л. ст. — две выпуклости,

130—132. (36—38). Там же. Два целых кружка и один обломок, мелкие; как № 66 и 119. Д. 9,5; 7,5; до 9,0 мм; в. 0,24; 0,15; 0,16 г.

133. (39). Там же. Караханиды, фрагментарный чекан, стерта и окислена. Остатки надписи (не читаются). Кружок неровный, с рваными краями. Д. 21—26 мм, в. 4,70 г.

134. (40). Половина разрубленного кружка, окислена и стерта. На одной стороне — следы линейного ободка. Д. до 22 мм, в. 1,37 г.

135. (42)¹². Там же, арыки 2—3. Караханиды. Стерта, неясные следы надписей; как № 8. Гурт скошенный, с двух сторон обрублен. Д. 21—23 мм, в. 5,63 г.

136. (43). Там же, арык 3. Тонкая, прокислена насквозь и обломана с краю. Тюргеши, как № 51. Д. 18 мм, в. 0,88 г.

137. (44). Там же. Обломана с двух сторон, сильная потертость и окисление. Отверстие частично залито металлом. Тюргеши, как № 48. Д. 15,5 мм, в. 0,67 г.

138. (45). Там же. Мелкая, со следами ободков (?) на одной стороне, вторая сторона гладкая; как № 68. Обломана. Д. 9,5—10,5 мм, отверстие — до 5 мм, в. 0,30 г.

139. (46). Там же. Обломок (около 40% кружка). Тюргеши, как № 2. Размер 17,5 x 7 мм (первоначальный — около 20 мм), в. 0,53 г.

140. (47). Там же. Обломок (половина монеты). «Тухусы», как № 127 (очень возможно, отлита в форме, изготовленной с того же оригинала). Д. 19 мм, в. 0,81 г.

141. (48). Там же. Караханиды, половина разрубленного кружка, надписи почти полностью стерты. Вторая треть XI в. Д. до 24 мм, в. 1,76 г.

142. (49). Там же. Неправильной формы, с рваными краями (брак чеканки). Остатки надписи на обеих сторонах. Д. 14 x 20 мм, в. 2,01 г.

143. (50). Там же. Мелкий обломок (около четверти кружка), окислен, с неясными остатками надписей. Размер 16,5 x 9 мм, в. 1,33 г.

144. (51). Там же. Караханиды, стерта и окислена.

Л. ст.: калима (буквы *дал* в слове *вахдуху* и *каф* в слове *шарик* изображены в форме длинных плетенок, как на монетах Тонга-тегина¹³).

Об. ст.: следы имени халифа ал-Ка'има и титула «владельца победоносного» Бугра-кара-хакана; вып. свед. утрачены. Д. 22—23,5 мм, в. 6,35 г.

145. (52). Там же. Массивный кружок, в обломе слоистый, поверхность изъедена окислами. Тип утрачен; Караханиды XI в. Д. 22 мм, в. 6,13 г.

146. (53). Там же, арык 4. Тюргеши, как № 1. Д. 24 мм, в. 7,06 г.

147. (54). Там же. То же. Д. 23,5 мм, в. 4,35 г.

¹² В конверте № 41 — обломок литого медного предмета сложной фигурной формы со следами орнамента (?), очевидно, деталь одежды, конской сбруи или украшения.

¹³ Ср.: Давидович Е. А. Ак-бешимский клад караханидских монет XI в. // Тр. КАЭЭ, 1959. Т. 2. С. 242.

114. (20). Там же. Караханиды. Удлиненной формы, с неровными краями и обломами. Размер 17 x 24 мм, в. 2,99 г.

Л. ст.: остатки калимы в линейном (?) ободке, над ней «...ад-даула». Вокруг стерто и обломано.

Об. ст.: в поле «Мухаммад — пос[ланник...] / ал-Ка'им би-амриллах... Вла[детель] / победоносный Бугра-...» (стерто). В круговой легенде — остатки даты «четыреста...».

115. (21). Восточный рабад. Тюргеши, как № 2. Д. 22 мм, в. 2,90 г.

116. (22). Там же. То же, погнута. Литники. Д. 21 мм, в. 1,90 г.

117. (23). Там же. Стерта. Тюргеши, как № 2. Брак отливки (ср. № 101). Д. 17—18 мм, в. 1,50 г.

118. (24). Там же. Стерта, тип утрачен (тюргеши или тухусы? ср. № 53). Д. 15—16 мм, в. 0,70 г.

119. (25). Там же. Мелкая, обе стороны гладкие, отверстие округлое; как № 66. Д. 7—8 мм, отверстие до 4 мм, в. 0,14 г.

120. (26). Там же. То же. Д. 7 мм, отверстие 3,5 мм, в. 0,11 г.

121. (27). Там же. Обломок. Тюргеши, как № 2. Д. до 20 мм, в. 0,55 г (около половины кружка).

122. (28). Там же. Сильное окисление, обломок (половина кружка). Тюргеши, как № 49. Д. до 16 мм, в. 0,46 г.

123. (29). Там же. Караханиды. Кружок неровный, с трещинами по краю. Дефекты чеканки и сильная потертость, от надписей сохранились фрагменты калимы на л. ст. и имя халифа ал-Ка'има на об. ст. (ср. № 20). Д. 19—21 мм, в. 3,00 г.

124. (30). Там же. Обломок караханидского фельса из желтой бронзы (около 40% кружка). Размер 15 x 22 мм (первоначальный — до 25 мм), в. 1,49 г (табл. 2, 124).

Л. ст.: фрагмент калимы в 3 строки (правая часть), за линейным ободком стерто (вып. свед.).

Об. ст.: в поле «Мухаммад.../ ал-Кадир биллах ... / поддерживаемый (ал-му'аййад) владетель.../ и ас-Сина». По кругу, за двойным линейным ободком, цитата из Корана, IX:33 (см. № 9).

125. (31). Там же, арык № 2. Тюргеши, как № 1. Д. 24 мм, в. 6,49 г.

126. (32). Там же. Обломок (около 35% кружка). Тюргеши, как № 2, но тоньше. Размер 12 x 20 мм (первоначальный — около 23 мм), в. 1,06 г.

127. (33). Там же. С выступом от литника и мелким обломом на краю. «Тухусы», как № 37. Наиболее сохранный экземпляр этого типа: читается *wy'tm'/ns ywβw* «в.хатм.[н]ский (?) государь», в тамге нет дугообразного элемента с точкой внутри. Д. 19—20 мм, в. 1,99 г.

128. (34). Там же. «Тухусы», мелкая, как № 78. Д. 11—12 мм, в. 0,39 г.

129. (35). Там же. То же (надпись почти полностью стерта); крупный выступ от литника. Д. 11—12 мм, в. 0,61 г.

148. (55). Там же. Мелкая, без отличий, как № 69. Д. 8—9 мм, отверстие до 4 мм, в. 0,32 г.

149. (56). Там же. Обломок, сильно окислен. Тюргеши, как № 2. Размер 16 x 6 мм, в. 0,41 г.

150. (57). Китайская, династии Тан, тип «Кайюань тунбао», как № 82. Д. 24 мм, в. 2,51 г.

151. (58). Там же. Д. до 25 мм, в. 4,54 г.

Л. ст.: фрагмент калимы, над ним — имя «Джамал».

Об ст.: стерта полностью.

152. (59). Там же. Кружок литой, с косым гуртом, края растрескались от удара под штемпелем. Обе стороны стерты практически полностью. Д. 19—21 мм, в. 4,80 г.

153. (60). Там же. Обломок, стерт. По фактуре соответствует караханидским XI в. Размер 14 x 20 мм, в. 2,56 г.

154. (61). Там же, арык 5. Обломок (более половины), тонкий. Тюргеши, как № 2. Д. 19 мм, в. 0,67 г.

155. (62). Там же. Обломана, стерта, тип утрачен (ср. № 53). Д. 13—14 мм, отверстие 6 x 6 мм, вес 0,38 г.

156. (63). Там же. Гладкая, без ободков. Д. 9—11 мм, отверстие 3,5 x 3,5 мм, в. 0,30 г.

157. (64). Китайская, династии Тан, тип «Кайюань тунбао», как № 82. Д. 25 мм, в. 2,43 г.

Об. ст.: «ноготь императрицы» (выпуклый значок в виде полумесяца).

158. (65). Восточный рабад, арык 6. Тюргеши, как № 1. Д. 23,5 мм, в. 5,68 г.

159. (66). Там же. Тюргеши, как № 49. Выпуклости от обоих литников. Д. 16—17 мм, в. 1,06 г.

160. (67). Там же. Тюргеши, как № 49, следы тамги на об. ст. Д. 16—17 мм (край слегка обрублен), в. 0,72 г.

161. (68). Там же. Тонкая, стерта (ср. № 53). Два выступа от литников. Д. 15—16 мм, отверстие 7 x 7 мм, в. 0,77 г.

162. (69). Там же. Обломок. Тюргеши, как № 48. Размер 19 x 14 мм, в. 0,85 г.

163. (70). Там же. Обломок. Тюргеши, как № 1. Размер 14 x 6 мм, в. 0,35 г.

164. (71). Китайского типа, сильно окислена и стерта; иероглифы не читаются. Часть кружка выломана или не отлилась, отверстие расверлено до круглого. Д. 20,5 мм, в. 1,61 г (вместе с мелким фрагментом, выпавшим из обломанной части).

165. (72). Там же, арык 7. Погнута, частично обломана. Тюргеши, как № 1. Д. 24—25 мм, в. 4,78 г.

166. (73). Там же. Слегка обломана, потерта. Тюргеши, как № 48. Д. 15 мм, в. 0,85 г.

167. (74). Там же, арык 8. Тюргеши, как № 1. Д. 24,5 мм, в. 4,78 г.

168—169. (75—76). Там же. Тюргеши, как № 2 (одна целая, с

мелкими обломами, вторая — обломок, чуть больше половины кружка). Д. 20 и до 21 мм, в. 1,62; 0,83 г.

170. (77). Там же. Фрагмент караханидского фельса из желтой бронзы (примерно четверть кружка), очень похожий на № 124, но явно от другого экземпляра.

Л. ст.: часть калимы (конец первой строки),

Об. ст.: неразборчивые остатки надписи в двухлинейном ободке. Размер 17 x 12 мм, в. 0,82 г.

171. (78). Там же. Мелкий обломок, окислен. Тип не определяется. Размер до 15,5 мм, в. 0,32 г (не очищен).

172. (79). Там же, арык 9, подъем. Обломок караханидской монеты (немного более половины кружка). Размер до 24 мм, в. 3,30 г (табл. 2, 172).

Л. ст.: фрагмент калимы красивым геометризванным куфи, над ним «илек» (ср. № 113); низ обломан; по кругу, за точечным и линейным ободками, «...Аллаха чеканен этот ди[рхем]...».

Об. ст.: полностью стерта.

173. (80). Там же. Неровный кружок с обрубленными симметрично краями, стерт, следы надписей в линейных ободках, как № 8 или 14. Д. 18—22 мм, в. 4,54 г.

174. (81). Северный рабад, арык 3. Стерта. «Тухусы», как № 127. Д. 17—18 мм, в. 1,24 г.

175. (82). Там же. Мелкая; обе стороны гладкие (окислена), как № 66. Д. 9 мм, отверстие до 5 мм, в. 0,25 г.

176. (83). Там же. Караханиды. Д. 21—24 мм, в. 9,93 г (толщина до 3 мм).

Л. ст.: утрачена (полное окисление).

Об. ст.: имена халифа ал-Ка'има и Арслан-кара-хакана амира ал-умара (ср. № 23).

177. (84). Северо-западный рабад, арык 2. Тюргеши, как № 2. Д. 20 мм, в. 1,20 г.

178. (85). Там же. Тюргеши, как № 49. Д. 18 мм, в. 1,01 г.

179. (86). Там же. Тюргеши, как № 48. Д. 15—16 мм, в. 0,90 г (надпись л. ст. почти полностью стерта).

180. (87). Там же. Мелкая, обе стороны изъедены окислами, тип неясен (ср. № 53). Д. 12—13 мм, в. 0,31 г.

181. (88). Там же. Мелкая. На одной стороне выпуклые ободки, от одного из углов отверстия — «перемычка» до внешнего ободка (тюргешская тамга?), другая сторона гладкая; как № 62. Д. 9,5 мм, в. 0,20 г.

182—185. (89—92). Четыре обломка мелких тюргешских монет, как № 48 и 49. Размеры от 13 до 16 мм, в. 0,53; 0,28; 0,28; 0,18 г.

186. (93). Там же. Обломок караханидского фельса, по фактуре напоминает № 170, но полностью стерт. Размер 18 x 11 мм, в. 1,02 г (примерно четверть кружка).

187. (94). Северо-западный рабад, арык 4, подъем. Тюргеши, как № 2. Д. 20 мм, в. 1,91 г.

188. (95). Западный рабад, арык 1. Бесформенный обломок

караханидской монеты со следами надписей на обеих сторонах. Размер до 20 мм, в. 2,81 г.

189. (96). Там же, арык 2, подъем. Обломок караханидского бронзового фельса (или посеребренного дирхема?), около четверти кружка. Размер 15,5 x 11 мм, в. 1,09 г.

Л. ст.: остатки калимы и между линейными ободками — выпускных сведений («...ста. Во имя Алла[ха]...»).

Об. ст.: над второй частью калимы (сохранилось только слегка искаженное «Мухаммад») — имя «Джама[л]» (ср. № 151), за линейным ободком — Коран, IX: 33.

190. (97). Там же, арык 3. Стерта. Тюргеши, как № 2. Д. 20 мм, в. 2,48 г.

191. (98). Там же. Мелкая, обе стороны гладкие, как № 66. Д. 11—12 мм, отверстие 5 x 5 мм, в. 0,31 г.

192. (99). Там же. Обломок (немного менее половины кружка). Тюргеши, как № 2. Размер до 19 мм (первоначально 20—21 мм), в. 0,96 г.

193. (100). Китайская, тип «Кай [юань тун] бао» (обломок). Размер до 23 мм, в. 0,91 г (см. № 82).

194. (101). Китайская, неизвестной династии. Надпись «крестом»: *Нань-го тунбао* «Имеющая хождение монета Южного государства»¹⁴. Д. 24,5 мм, в. 3,45 г (табл. 2, 194).

195. (102). Китайская, династии Тан, с надписью «ромбом»: *Дали юаньбао* «Основная монета [эры] Дали» (766—779 гг.). Д. 23 мм, в. 2,85 г.

196. (103). Западный рабад, арык 4. Караханиды, толстый неровный кружок с косым гуртом. Остатки оплывшей надписи не читаются (ср. № 10). Д. 23—24 мм, в. 7,36 г.

197. (104). Там же. Караханиды, как № 113. Частично обломана. Д. 25 мм, в. 5,23 г.

198. (105) и 199. (106). Там же. Караханиды, не определяются (стерты и окислены, поверхность оплывшая; один экз. с трещиной). Д. 18—22 и 19—22 мм, в. 4,39; 3,50 г.

200. (107). Там же. Караханиды, надписи сглажены и читаются частично:

Л. ст. в поле внизу «...ад-даула», двойной линейный ободок;

¹⁴ В китайских каталогах древних монет «Чжунго хоби ши» и «Лидай гуянь тушо» подобные монеты приведены без определения точного места и времени выпуска (указанием на эти издания автор обязан сотруднику Государственного Эрмитажа Н. В. Ивочкиной); известное по другим источникам название Нань-го относится к «конфуцианским» временам эпохи Чуньцю (770—476 гг. до н. э.). Однако данная монета не могла быть отлита ранее VII в. н. э. Представляется заманчивым сопоставить ее с эмиссией эпохи Пяти династий *Тан-го тунбао* «Ходячая монета государства Тан», относимой издателями к 2 году правления императора Юаньцзуна (соотв. 959 г.). См.: Алексеев В. М. Описание китайских монет и монетовидных амулетов, находящихся в нумизматическом отделении имп. Эрмитажа. — СПб., 1907. С. 43. № 231; Чжунго лидай хоби. — Пекин, 1982 (на кит. яз.). С. 15. № 20; в обоих изданиях указано, что под названием *Тан-го* имеется в виду *Нань Тан*, или «южное царство Тан» (936—961).

Об. ст. неясно. Массивный кружок с неровными рваными краями (ср. № 145 и 176). Д. 21—24 мм, толщина до 3 мм, в. 8,50 г.

201. (108). Там же. Наподобие предыдущего, надписи сглажены. Д. 23—25 мм, толщина до 3 мм, в. 9,06 г.

202. (109). Там же. Неровный кружок с косым гуртом, обрубленными литниками и без следов штемпелей (ср. № 8). Д. 20—22 мм, в. 3,07 г.

203. (110). Там же. Караханиды, стерта (следы надписей неразборчивы). Д. 22—24 мм, в. 4,78 г.

204. (111). Там же. Караханиды. Неровный край, часть выломана. Д. до 26 мм, в. 5,87 г.

Л. ст.: над калимой — «илек» (ср. № 113, 172 и 197); ободок отсутствует (стерт?).

Об. ст.: в поле — имена «ал-Ка' [им]» и «Бугра-кара- [хакав],... амир верую[щих]», остальное стерто и обломано.

205. (112). Там же. Крупный тонкий фрагмент караханидской медной монеты (очевидно, фельса), обломанный со всех сторон. Надписи поля обеих сторон сохранились фрагментарно; среди поддающихся чтению слов — имена халифа ал-Кадира и Мухаммада б. 'Али. Размер 21—15,5 мм, в. 1,18 г.

206. (113). Там же. Обломок караханидской медной монеты (дирхема), стерт. Размер 20 x 7 мм, в. 1,47 г.

207. (114). Мелкий обломок бронзового фельса (по металлу и фактуре близок № 186), стерт. Размер до 11,5 мм, в. 0,45 г.

208. (115). Западный рабад, распределительный арык. Караханиды. Продолговатая, края растрескавшиеся. Д. 18—23 мм, в. 3,88 г.

Л. ст.: калима, над ней «[Джа]мал»; сверху (без ободка) начало вып. свед.: «во имя Аллаха чеканен...» (остальное за краем монеты).

Об. ст. полностью стерта. (Ср. № 189).

209. (116). Там же. Обломок (около двух третей кружка), с неровными краями. Караханиды XI в. В надписях сохранилась часть калимы и имя халифа ал-Ка'има. Д. до 22,5 мм, в. 3,48 г.

НАХОДКИ 1983 г.¹⁵

210. (1). Подъемная. Тюргеши, как № 1. Д. 26 мм, в. 5,79 г.

211. (2). Подъемная. Тюргеши, как № 2. Д. 20 мм, в. 1,37 г (сильная потертость).

¹⁵ В настоящей публикации не приводится описание найденного на городище в 1982 г. золотого динара Тахиридов с именем 'Абдаллаха б. Тахира (?) (213/828—230/845), поскольку его исследование еще не завершено из-за крайней сложности чтения мелких и сильно искаженных надписей. Об этой монете см.: Горячева, В. Д. Древние монеты Навеката // Сов. Киргизия. 1983. 12 марта (со ссылкой на автора настоящей работы).

212. (3). Подъемная. Караханиды, медный дирхем. Чекан г. Уча (совр. Ош?), 4,5 г. х. (очевидно, 445/1053—54 г.). Обломана. Д. до 25 мм, в. 5,82 г.

Л. ст.: калима; по кругу «...в Уче в году ...пятом».

Об. ст.: имя халифа ал-Ка'има, внизу «Гази».

◆ НАХОДКИ ЧАСТНЫХ ЛИЦ (за разные годы) ¹⁶

213. (1) Тюргеши, как № 1. Д. 24—25 мм.

214. (2). Тюргеши, как № 2. Д. 21 мм.

215 (3). «Тухусы», как № 4. Потертая, с крупными необрубленными литниками. Найдена в 1984 г. к югу от городища местным школьником (фамилия неизвестна) ¹⁷. Д. 16 мм, максимальный (между концами литников) — до 21 мм, в. 0,99 г.

216. (4). «Тухусы», как № 107. Д. 12—13 мм.

217. (5). «Тухусы», как № 127. Д. 19 мм.

218. (6). Мелкая, без надписей, наподобие № 62, но у внутреннего (квадратного) ободка два коротких выступа в поле монеты. Об. ст. гладкая. Д. 11,5 мм.

219. (7) Круглая монета с квадратным отверстием, хорошей сохранности, покрыта ровной зеленовато-черной патиной. Найдена в окрестностях городища в конце 70-х годов. Тип не опубликован. Д. 24—25 мм, в. 5,56 г (табл. 1, 219).

Л. ст.: надпись поздним согдийским курсивом против часовой стрелки: *'rsl'n kwyl 'yrkyn* «Арслан кюль-иркин» (или «кюль-иркин Арслан», поскольку никаких словоразделителей в надписи нет).

Об. ст.: две тамги: справа (условно) от отверстия — дугообразный знак выпуклостью к краю монеты, как в тюргешской тамге, но вместо

¹⁶ Некоторые из приведенных здесь типов монет известны нам в нескольких экземплярах из разных коллекций (в частности, крупные тюргешские, как № 1, и особенно многочисленные караханидские, зачастую со стертыми надписями, наподобие № 8, 10, 13 и др.). Впрочем, для большинства из них происхождение из района Красной Речки не установлено или сомнительно, поскольку аналогичные монеты поступают в частные коллекции и с городищ Ак-Бешим, Сокулук, Аспара и других мест.

Весовые данные для нескольких монет из этого раздела не получены.

¹⁷ По словам Г. И. Величко, в коллекции которого хранятся описываемые монеты № 215, 219 и 221, у того же школьника он видел еще несколько монет, найденных в районе Красной Речки: 1) «тухусы», как № 215, но лучшей сохранности; 2) несколько обычных тюргешских, как № 1; 3) китайская монета с иероглифом *юань* внизу (может быть, «Кайюань тунбао» — см. № 82 или 150); 4) тюргеши, массивная монета весом до 10 г (по визуальной оценке), д. — не менее 30 мм; судя по описанию, тип не опубликован. Л. ст.: надпись, как на № 1 (?); Об. ст.: тюргешская тамга и сложный графический элемент внизу напротив дуги, ближе к ее левому концу, не похожий ни на тамгу, ни на китайский иероглиф, т. е., очевидно, слово согдийским письмом, наподобие изданных О. И. Смирновой (С., типы II и III на с. 398—400); справа под тамгой гладкое поле без изображений.

ромба в нем изображена горизонтальная черта с легким утолщением или раздвоением на конце, наподобие орхонского рунического знака *m* (№ 17 по Клосону) в одной из его модификаций¹⁸; слева — знак, похожий на рунический *r*² (№ 24 по Клосону)¹⁹. На обеих сторонах — ровные рельефные ободки шириной 1 мм и более.

220. (8). Китайская, династии Сун, с надписью *Сун'юань тунбао* «Ходячая монета начала Сун» (император Тай-цзу, 960—976 гг.)²⁰. Д. 25 мм, в. 3,85 г.

221. (9). Мелкая, овальной формы, без отверстия. Предположительно тюрко-согдийского круга²¹. Найдена на городище около 1980 г. Тип не опубликован. Д. 12—14 мм, в. 1,66 г (табл. 2, 221).

Л. ст.: черты человеческого лица анфас: выпуклые продолговатые, но не скошенные глаза со следами широких, почти горизонтальных бровей, прямой тонкий нос, переходящий в длинные усы, показанные двумя прямыми черточками под тупым углом, едва намеченная нижняя губа с узкой бородкой-останцом; следы линии, очерчивающей нижнюю челюсть справа (?), остальное стерто или уходит за край монетного поля.

Об. ст.: неясный знак в виде решетки подквадратной формы из 4 ячеек, с пальметообразными (?) украшениями на углах и едва заметным ответвлением от середины одной из сторон, остальное стерто.

222. (10). Караханиды, Сулейман Кадыр-хакан (423/1032—448/1056). Фельс, чеканен в Узгенде в 425/1033—34 г. Дефект изготовления (часть надписей не оттиснулась). Следы обработки монетного кружка (напильником?), небольшие обломы по краю. Д. 26 мм, в. 3,11 г.

Л. ст.: в поле «Нет бога, кроме Аллаха, / един он, нет сотоварища / ему. Кадыр-хакан». По кругу за линейным ободком — выпускные сведения: «Во имя Аллаха чеканен этот фельс в Узканде в году четырехста двадцать пятом». Внешний ободок из мелких слитых точек (?).

Об. ст.: в поле вычурным «зацветающим» куфи: «Аллаху. / Мухаммад / посланник Аллаха. / Владелец победоносный / Йаган (?)». Кругом, за двойным линейным ободком, частично сохранившаяся леген-

¹⁸ См.: Лившиц В. А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. — Алма-Ата, 1980. С. 10. Табл.

¹⁹ Лившиц В. А. О происхождении древнетюркской рунической письменности. С. 10. Точно такой же знак в сочетании с тюркешской тамгой и короткими надписями согдийским письмом (*prp* или *m'y/mny*) помещен на тюркешских монетах типов II и III (С., с. 398—400, № 1586—1588). Эти монеты обнаружены на территории Тараза (современный Джамбул), а также (1 экз.) в Сокулукском кладе, найденном в 1968 г. и состоявшем из 232 целых и нескольких фрагментов крупных монет тюркешей (все остальные, как № 1). Сообщено автору Г. И. Величко.

²⁰ См.: Быков А. А. Монеты Китая. С. 69. Табл. XI. № 73.

²¹ Ср.: С., с. 98. № 37 (Самарканд?, тип I), а также мужской портрет на двухпортретных тюрко-согдийских монетах серии II (там же. С. 362. № 1485 и сл.); Мокрынин В. П. К вопросу о тюрко-согдийской интеграции в VI—VIII вв. // Из истории дореволюционного Киргизстана. — Фрунзе, 1985. С. 159. Второй аналогичный экземпляр лучшей сохранности остался у находчика — местного жителя (фамилия неизвестна).

да «...амир славнейший Сулейман [ибн Шиха] б ад-даула». Внешний ободок из двух линий разной толщины.

223. (11). Караханиды. Медно-свинцовый дирхем неправильной формы, с трещинами по краю (дефект холодной чеканки литого кружка?). Посеребрен? Частично сохранились лишь центральные надписи. Д. до 24,5 мм, в. 5,74 г.

Л. ст.: калима в 3 строки (искажена), кругом стерто.

Об. ст.: конец калимы, имя ал-Ка'им би-амри-ллаха (искажено) и неясное слово, возможно, *касим*? — «напарник [амира верующих]».

224. (12). Караханиды. Массивная, форма близка прямоугольной, края неровные. Следы серебрения? Размер 19 x 24 мм, в. 6,44 г.

Л. ст.: остатки калимы в грубом исполнении и нечитаемый фрагмент круговой надписи за линейным ободком.

Об. ст.: неясные следы надписей (...ад-даула?).

225. (13). Караханиды, Тафгач-хан Ибрахим и Иусуф б. Бурхан ад-даула. Дирхем. Билон (низкопробное серебро) или посеребренная медь. Выпускные данные утрачены, но по всем признакам соответствует чекану Куз Орду 460/1067—68 г., опубликованному в 1982 г.²² Кружок не совсем правильной формы (вырублен из отлитой «цепочки»), со скошенным гуртом, слегка выщерблен по краям. Д. 21—23,5 мм, в. 3,51 г (табл. 2, 225).

226. (14). Караханиды, стерта. Косой гурт, следы от литников и наплывы. Д. 21—22 мм.

Весь описанный материал, собранный на Краснореченском городище, в настоящее время проходит дополнительную типо- и метрологическую обработку и изучение. В нем выделяются несколько групп, различающихся по содержанию надписей, весу и размерам, имеются также косвенные данные для хронологической дистрибуции этих групп. Ряд типов и разновидностей публикуются здесь впервые. Например, в отдельную группу следует выделить самые мелкие из тюркешских монет, не имеющих изображения тамги на об. ст. (описание, № 36, 48, 50 и др.; см. приложение). Заметно богаче, чем в прежних находках, представлен репертуар тамг и надписей на так называемых «тухуских» монетах, среди которых уже сейчас можно выделить минимум четыре разных типа (см. описание, № 4, 5, 44 и 127; к последнему относятся также дефектные № 37 и 101). Кроме того, легенды «тухуских» монет, полностью разбираемые по экземплярам лучшей сохранности, в отличие от выявленных и опубликованных прежде, дают достаточно оснований для пересмотра их чтения и самого названия группы, а отсюда — и для уточнения ее этнополитической принадлежности.

²² См.: Федоров М. Н. Монеты, идущие по следам завоевателей // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. — Фрунзе, 1982. С. 76—79. Рис. 48—49; Кочнев Б. Д. Монетный чекан Куз Орду — Баласагуна (XI в.) (см. наст. работу. С. 151. № 48). Публикуемый в указанных работах экземпляр тоже происходит с Краснореченского городища.

Особое место в рассматриваемом комплексе, как и вообще в «тюргешской» нумизматике Семиречья, занимают редкие монеты с именами Арслан Бильга-кагана (описание, № 32; см. также С., с. 412, № 1659) и Арслан кюль-иркина (описание, № 219), с которыми связаны, очевидно, и опубликованные ранее монеты с «тюргешской» надписью, но с более сложными композициями на оборотной стороне (см. выше, примечание к описаниям № 215 и 219). На обороте монеты с надписью *'rsln kwyl 'yrkyn* изображены две тамги, первая из которых, в виде лукообразной дуги с отростком внутрь, раздвоенным или утолщенным на конце (ср. нижнюю часть сложного знака на «тухусских» монетах, как № 4 или 5), возможно, представляет собой модификацию тамги тюргешей; вторая, напоминающая руническую графему r^2 (аналогично тюргешской тамге, в которой некоторые авторы видят стилизованную графему t^1), в таком случае могла бы рассматриваться как инициальный слог титула Арслан. Представляется весьма заманчивым видеть в этом знаке родовую тамгу династии (?) Арсланидов — своеобразных «посредников» между тюргешскими правителями и сменившими их в Семиречье в X в. Караханидами²³. Так или иначе, в отличие от упоминавшихся выше монет с двумя тамгами, на которых данный знак изображен в недвусмысленно подчиненном положении относительно доминирующей тамги тюргешей, здесь два разных знака изображены как совершенно равноправные.

Рассматривая весь комплекс монет с Краснореченского городища в хронологическом аспекте, легко заметить, что самые ранние монеты Караханидов здесь датируются первой четвертью XI в. Но, насколько известно, жизнь на городище не прерывалась по крайней мере с VII в. н. э. (исключая, может быть, кратковременный период запустения города в середине X в., отмечаемый по археологическим данным). Поэтому, учитывая и практически синхронные по археологическим слоям и горизонтам (а также в верхнем слое, т. е. подъемные) находки «старых» типов с квадратными отверстиями и караханидских медно-свинцовых монет, мы вправе допустить, что тюргешская, «тухусская» и арсланидская (?) бронза здесь обращалась не только вплоть до караханидской²⁴, но и (хотя бы некоторое время) вместе с ней.

Любопытные результаты дает и наблюдение за технологическими особенностями караханидских медных или медно-свинцовых монет середины XI в. Будучи в своей массе, несомненно, чеканенными, сами кружки, судя по всем признакам (следы вырубki из «цепочки»²⁵, ско-

²³ О возможной принадлежности рассмотренных монет к Арсланидам, как и о самой ветви этих правителей Семиречья, нам сообщил В. А. Лившиц; им же высказано сомнение по поводу предполагаемой нами атрибуции данного знака как «арсланидской» тамги, модифицированной из рунического r^2 .

²⁴ См.: Бернштам А. Н. Тюркешские монеты. С. 105.

²⁵ Нами отмечены по крайней мере два случая, не отраженные специально в описании (№ 113 и 200), где сохранились следы обрубki только одного литника: это означает, что данный кружок располагался в конце отливавшейся «цепочки». Еще на одной монете (№ 144) сохранился крупный необрубленный выступ от литника, заметно выступающий за диаметр монетного кружка.

шенный гурт с наплывами, растрескавшиеся края при чеканке и др.), отливались в формах, привычных для монетного дела: предшествующего времени. Это любопытное наблюдение представляется важным с фактологической точки зрения, так как прямо указывает на определенную преемственность ремесленного опыта, приемов металлообработки и монетного дела в городах Семиречья в VIII—XI вв.

Настоящая работа имеет целью лишь полное издание монетных находок 1978—1983 гг. на городище Красная Речка и не претендует на статус подробного исследования нумизматического комплекса. Поэтому многие общесторические, источниковедческие и другие аспекты, так или иначе затронутые в процессе изучения и описания монет, здесь по необходимости опущены (прежде всего из-за ограничений объема публикации); этим вопросам мы предполагаем посвятить отдельную статью. Введение в научный оборот публикуемого комплекса, благодаря которому число известных монет одних только тюркских «домусульманских» эмиссий Семиречья возрастает примерно в два с половиной раза, явится ощутимым дополнением к тому более чем скромному арсеналу материальных и письменных источников, которым мы располагаем для изучения истории Киргизстана конца I — начала II тыс. н. э., а его дальнейшее разностороннее и доскональное исследование, безусловно, даст еще много новых важных выводов и результатов.

Приложение

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ КОНКОРДАНС²⁶

1. Тюргеши

а) С тамгой

на обороте (68 экз., из них 23 обломка):

крупные (д. 23 мм и более) 1, 33, 38, 41, 52, 54, 58, 60, 61, 89, 90, 94, 95, 98, 99, 105, 125, 126, 146, 147, 158, 163, 165, 167, 210, 213;

средние (д. 18—22 мм) 2, 3, 6, 42?, 55, 56, 57, 59, 74, 80, 84, 100, 115—117, 121, 136, 139, 149, 154, 168, 169, 177, 187, 190, 192, 211, 214;

мелкие (д. 17 мм и менее) 39, 49, 51, 63, 70, 83, 85, 111, 122, 159, 160, 178, 184, 185;

б) Об. ст. гладкая (10 экз., из них 4 обломка) 36, 48, 50, 106, 137, 162, 166, 179, 182, 183?

²⁶ Порядковые номера описаний экземпляров со значительной дефектностью и мелких фрагментов даются курсивом. Предположительные и сомнительные определения отмечены знаком вопроса. Полужирным шрифтом набраны номера описаний монет, снабженных иллюстрациями (таблицы 1 и 2).

2. «Тухусы»

- а) С тамгой слева (2 экз.) 44, 47;
- б) С тамгой справа (8 экз., из них 4 обломка) 37, 96, 97, 101, 127, 140, 174, 217;
- в) С тамгой справа (4 экз., из них 1 обломок) 4, 34, 35?, 215;

г) То же, мелкие (9 экз.) 5, 64?, 71?, 78, 107, 108, 128, 129, 216.

3. Арсланиды (?) (2 экз.) 32, 219.

4. Тюрко-согдийские (?) (1 экз.) 221.

5. Китайские

а) Династии Тан (8 экз., из них 2 обломка) 31, 77, 79, 82, 150, 157, 193, 195;

б) Династии Сун (1 экз.) 220;

в) Неизвестной династии (1 экз.) 194.

6. Монеты с отверстием без надписей

а) С ободками (8 экз.) 62, 67, 68?, 75, 76, 138?, 181, 218;

б) Гладкие или стертые (23 экз., из них 1 обломок):

средние (д. 12 мм и более) 7, 53, 65, 118, 155, 161, 180;

мелкие (д. 11 мм и менее) 66, 69, 72, 81, 109, 110, 112, 119, 120, 130—132, 148, 156, 175, 191.

7. Караханиды ²⁷.

а) С именем халифа ал-Кадира (4 экз., из них 3 обломка):

Кутб ад-даула Ахмад (?) 102 (Куз Орду, 40[4?]);

Мухаммад б. 'Али 205;

имена хаканов утрачены 43, 124;

б) С именем халифа ал-Ка'има (16 экз., из них 4 обломка):

Арслан-кара-хахан 21, 23, 176;

Бугра-кара-хахан 10?, 11, 114 (4..), 144, 204;

Тафгач-хан Ибрахим 225 (Куз Орду, 460²⁸);

имена хаханов утрачены 9 (4..), 20, 45, 123, 209, 212 (Уч, 4[4?]5), 223;

в) Без имени халифа (1 экз.):

Кадыр-хахан Сулейман 222 (Узгенд, 425);

г) Имена халифов и хаханов утрачены (39 экз., из них 11 обломков):

с именами или титулами местных владетелей 12, 113, 151, 172, 189, 197, 208;

с остатками надписей без определяющих данных 13, 16, 27, 88, 91,

²⁷ В основу систематизации караханидского раздела указателя положено содержание сохранившихся надписей на монетах. Для группы неидентифицируемых типов, кроме того, введен технологический показатель (литые кружки). В скобках после некоторых номеров указаны определяемые выпускные данные.

²⁸ На монете не сохранились, но для данного типа известны по публикации.

- 93, 103 (Куз Орду), 104, 133, 134, 141—143, 145, 170, 188, 203;
 то же, кружки с явными признаками литья 15, 22, 24, 25, 86, 87,
 94а, 135, 152, 173, 196, 200, 201, 224, 226;
 д) Надписи полностью утрачены (17 экз., из них 10 обломков):
 с признаками литья 8, 14, 198, 202;
 прочие 17, 26, 28, 29, 30, 40, 46, 153, 171, 186, 199, 206, 207.
8. Неопределенные с рассверленными отверстиями (4 экз.):
 тюркешские? 19, 92;
 китайские? 18, 164.
9. Немонетные формы (2 экз.) 73, 110?

С. С. Тур

◆ **НАСЕЛЕНИЕ** **КРАСНОРЕЧЕНСКОГО ГОРОДИЩА** **ПО ДАННЫМ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ** ◆

Для исторической реконструкции жизни средневекового города важным источником служат антропологические материалы, полученные при раскопках краснореченского некрополя.

Первые сведения о населении города дали раскопки А. Н. Бернштама (1939 г.), обнаружившего зороастрийские погребения V—VII вв., а также мусульманское кладбище с грунтовыми могилами XI—XII вв. Два черепа из оссуариев были изучены Е. В. Жировым¹, 11 мужских и 6 женских черепов из мусульманских погребений Караханидского времени исследованы В. В. Гинзбургом и В. Я. Зезенковой².

Новые краниологические материалы, полученные из раскопок В. Д. Горячевой в 1978—1982 гг., составили представительную серию, позволяющую довольно полно охарактеризовать антропологический состав населения Краснореченского городища VII — первой половины X в.

Всего в статистическую обработку было включено 32 женских и 36 мужских черепов. Изложение результатов этого анализа следует начать с описания средних величин основных краниологических признаков (табл. 1).

Мужские черепа — широкие и высокие, со средней величиной продольного диаметра. По соотношению трех основных диаметров мозгового черепа серия характеризуется брахи-, гипси- и метриокранией. Лоб среднеширокий, слабонаклонный, почти прямой, стенометопный по

¹ Жиров Е. В. Черепа из зороастрийских погребений в Средней Азии // МАЭ. 1949. Т. X.

² Гинзбург В. В. Зезенкова В. Я. Черепа из могильника Караханидского времени на Краснореченском городище в Чуйской долине (Киргизия) // КСИЭ. 1952. Вып. XVII. С. 56—66.

лобно-поперечному указателю. Лицо имеет средние абсолютные размеры и, соответственно, средние пропорции, ортогнатное по указателю выступания лица. Орбиты средневысокие и среднеширокие, мезоконхные. Нос отличается средними размерами и мезоринией, носовые косточки среднеширокие, переносье высокое. Угол выступания носовых костей по отношению к линии профиля лица находится на границе средних и больших величин. В строении нижнего края грушевидного отверстия почти половину случаев составляют антропийные формы (41,7%). Профилированность лица в горизонтальной области несколько ослаблена на уровне назомаллярных точек, но в средней части лицо резко профилировано. Клыковая ямка среднеглубокая, скулы средневыступающие.

Женская серия в целом повторяет характеристику мужской. Некоторые небольшие различия, наблюдающиеся между ними, не укладываются, однако, в обычные отклонения, вызываемые половым диморфизмом. За счет увеличения широтных размеров черепной коробки у женщин проявляется тенденция к гипербрахикрании. Отмечается некоторое увеличение абсолютных размеров лицевого скелета, которые находятся на границе между средними и большими величинами, при этом сохраняются средние пропорции, характерные для мужчин. Глазницы в женской серии шире. Лицо более резко профилировано в зигомаксиллярной области. Имеются некоторые различия в строении носовых костей: симотическая ширина больше, но не выходит за пределы средних величин, симотическая высота находится на границе с очень большими размерами. Выше процент антропийных форм нижнего края грушевидного отверстия (56,3%). Нос выступает резко.

Полученные результаты в целом свидетельствуют о европеоидной принадлежности обеих серий и позволяют отнести их к памиро-ферганскому антропологическому типу. Монголоидная примесь, несомненно, имеется, но она невелика и на женских черепках еще менее сказывается, чем на мужских.

Внутригрупповой анализ вполне определенно выявляет неоднородность антропологического состава населения Краснореченского городища. Уже визуальный осмотр краниологической коллекции позволяет выделить типично европеоидные черепа. Наряду с ними встречаются черепа с разной степенью выраженности монголоидной примеси, а также черепа с довольно четкими монголоидными особенностями. Антропологическую неоднородность краснореченских черепов подтверждает и анализ статистических данных. Размах внутригрупповой изменчивости почти всех признаков очень большой, кривые распределения многих из них двувершинные, уплощенные или несимметричные. Сигмы большие. Коэффициенты полового диморфизма по некоторым признакам выходят за пределы колебаний средних величин, причем наибольшие сдвиги в величине коэффициентов относятся к расодиагностирующим признакам (табл. 2). Подобный характер поведения коэффициентов, наряду с отмеченными особенностями статистических показателей, свидетельствует

о механическом смещении монголоидного и европеоидного компонентов в составе населения Краснореченского городища.

Сравнение мужских черепов VII—X и XI—XII вв. обнаруживает довольно большое сходство между ними (табл. 3). И те, и другие характеризуются чертами памиро-ферганского антропологического типа. Аналогичное сравнение женских черепов выявляет очень небольшие различия. У более поздних черепов немного меньше продольный диаметр из-за часто встречающегося уплощения затылка. Заметно более узкий лоб. Лицо несколько более узкое и высокое, глазницы немного уже, нос выше и выступает слабее, переносье более низкое. Горизонтальная профилировка лица несколько меньше. Эти различия женских черепов VII—X и XI—XII вв. могут быть обусловлены увеличением монголоидной примеси у женского населения Краснореченского городища более позднего периода. С другой стороны, ряд признаков, обнаруживающих отклонения черепов более поздних захоронений от более ранних, можно связать с различиями преобладающих европеоидных компонентов в этих сериях. Нельзя не отметить, однако, что различия эти невелики и статистически недостоверны — женская группа XI—XII вв. очень малочисленна. В XI—XII вв. сохраняется антропологическая неоднородность, отмеченная у населения города еще в VII—X вв. Различия в удельном весе монголоидного компонента у женщин и мужчин с течением времени стираются. К XII в. монголоидная примесь на женских черепах выражена не меньше, чем на мужских.

Сравнение краснореченских черепов с краниологическими сериями других средневековых городищ на территории Киргизии обнаруживает в общем довольно большое сходство между ними — все они характеризуются чертами европеоидного памиро-ферганского антропологического типа (табл. 3).

Синхронная серия мужских черепов с Ак-Бешима³, при несомненной морфологической близости, отличается от краснореченской серии более широкой и низкой черепной коробкой. Более широкое и слабее профилированное лицо свидетельствует, возможно, о несколько большей монголоидной примеси. У женских черепов с Ак-Бешима, также отличающихся более низким сводом черепа, монголоидная примесь еще незначительнее, чем у женских черепов с Красной Речки. Вместе с тем большая узколицесть и высоколицесть ак-бешимских черепов может рассматриваться как указание на присутствие в этой серии примеси восточносредиземноморского компонента. Различия в степени выраженности монголоидной примеси у женщин и мужчин, отмеченные для населения Краснореченского городища VII—X вв., как видим, еще более заметны у жителей Ак-Бешима.

Мужские черепа из Бейшеке (Таласская долина)⁴ в наибольшей мере из всех привлеченных для сравнения краниологических материа-

³ Миклашевская Н. Н. Палеоантропологические исследования в Киргизии // Тр. ККАЭ. 1959. Т. II. С. 308—309.

⁴ Ходжайов Т. К. Материалы к антропологии средневекового населения Киргизии // ВА. 1976. Вып. 53. С. 168—173.

лов сходны с краснореченскими. Женские черепа из Бейшеке отличаются от женских черепов с Красной Речки только более заметной монголоидной примесью, которая выражена у них не меньше, чем на мужских черепах.

Серия мужских черепов из Хандюбе (южная часть Иссык-Кульской котловины)⁵, несмотря на значительную морфологическую близость по средним данным к краснореченской серии, имеет и некоторые существенные отличия. Хандюбинские черепа характеризуются короткой и более низкой мозговой коробкой с тенденцией к гипербрахикрании. Очевидно, повышение черепного указателя на несколько единиц происходит за счет уплощения затылка. Более высокое и широкое (по абсолютным размерам и указателю), несколько слабее профилированное в горизонтальной плоскости лицо, более низкое переносье и менее выступающий нос — все эти особенности свидетельствуют о большей их монголоидности по сравнению с краснореченскими черепами. То же направление в различиях средних данных устанавливается при сравнении женских черепов. Монголоидная примесь у женщин и мужчин из Хандюбе проявляется примерно в одинаковой мере.

Мужские и женские черепа XIII—XIV вв. с несторианского кладбища близ Пишпека⁶ очень сходны с краснореченскими, они характеризуются еще более резко выраженными чертами европеоидной расы (ясной монголоидной примеси в этой серии не ощущается) при большей грацильности и более короткой форме головы. Последнее обусловлено часто встречающимся уплощением затылка.

Таким образом, примененные анализы — сравнительно-временной и сравнительно-пространственный — привели к одинаковым выводам. Городское население средневековой Киргизии было европеоидным, в то время как кочевому населению горных областей был присущ выраженный монголоидный южно-сибирский расовый тип, характерный для современных киргизов. Европеоидное по типу городское население было неоднородным по составу: наряду с европеоидными черепами встречаются типично монголоидные, значительное число черепов относится к переходным формам. Не вызывает сомнений, что антропологическая неоднородность городского населения — результат постоянного взаимодействия его с окружающим кочевым миром. Характер этого взаимодействия таков, что первоначально монголоидная примесь в большей мере проявляется у мужчин, чем у женщин (Красная Речка VII—X вв.; Ак-Бешим, VII—IX вв.); позднее различия в степени выраженности монголоидной примеси стираются за счет повышения ее доли у женского населения (Красная Речка, XI—XII вв.; Бейшеке, XI—XII вв.; Хандюбе, XI—XII вв.). При этом со временем происходит общее увеличение монголоидной примеси (исключение составляет население несторианской общины), что, однако, не меняет общую характеристику

⁵ Ходжайов Т. К. Материалы к антропологии средневекового населения Киргизии.

⁶ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. 1948. Т. IV. С. 282—285.

Таблица 1. Средние размеры и размах внутригрупповой изменчивости

Признак	Мужчины					Женщины				
	n	M	S	min-max	n	M	S	min-max		
1	2	3	4	5	6	7	8	9		
1. Продольный диаметр	26	180,0	7,4	166—197	23	171,6	5,5	162—186		
8. Поперечный диаметр	25	147,7	6,7	133—157	25	143,8	5,9	133—156		
8:1. Черепной указатель	23	82,1	6,0	70,6—91,8	21	83,9	3,9	75,6—90,2		
17. Высотный диаметр (ba—b)	23	138,4	6,9	121—150	19	131,8	5,7	123—143		
17:1. Высотно-продольный указатель от ba	19	78,1	4,6	69,5—88,0	15	77,2	4,1	68,3—82,9		
17:8. Выотно-поперечный указатель от ba	18	93,8	6,4	78,6—108,3	17	91,8	5,7	83,1—103,0		
5. Длина основания черепа	24	102,4	4,0	94—108	21	97,8	3,5	90—104		
9. Наименьшая ширина лба	34	95,9	3,9	90—103	29	95,3	5,0	84—104		
10. Наибольшая ширина лба	30	124,0	6,0	115—134	27	120,1	5,9	108—131		
9:10. Широтный лобный указатель	29	77,3	3,9	70,1—85,6	27	79,6	3,1	72,2—87,2		
9:8. Лобно-поперечный указатель	25	65,1	3,6	60,4—75,9	24	66,0	3,9	54,5—71,5		
11. Ширина основания черепа	25	126,2	6,5	111—140	26	123,0	6,4	111—139		
11:8. Аурикулярно-поперечный указатель	22	85,7	4,4	78,8—94,6	24	85,7	2,8	80,8—92,7		
12. Ширина затылка	23	111,1	6,7	98—122	24	109,8	5,1	100—119		
12:8. Затыльно-поперечный указатель	21	75,3	2,8	71,3—82,1	23	76,1	2,9	71,9—80,8		
Sub. N8. Высота изгиба лба	29	26,0	2,5	19,6—30,9	28	26,4	2,3	21,7—31,6		
Sub. N8:29. Указатель изгиба лба	29	23,3	2,2	16,6—28,3	26	24,2	1,9	21,0—28,2		
40. Длина основания лица	23	96,7	5,0	87—106	18	92,6	4,4	81—99		
43. Верхняя ширина лица	34	105,7	4,1	99—115	27	102,2	4,3	93—108		
45. Скуловой диаметр	24	134,7	5,3	129—147	17	128,1	5,0	120—137		
47. Полная высота лица	20	119,8	4,1	108—126	14	110,3	5,1	99—119		
48. Верхняя высота лица	28	72,9	4,1	67—84	27	68,5	5,1	60—78		
40:5. Указатель выступа лица	21	94,7	4,6	88,7—106,4	18	94,9	3,2	90,0—100,0		
48:45. Верхнелицевой указатель	20	54,2	2,2	50,4—59,1	17	54,0	2,8	49,6—61,0		
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	21	52,6	4,0	45,9—61,6	17	52,4	4,5	45,5—61,4		
47:45. Общий лицевой указатель	14	88,9	3,7	81,2—93,9	10	86,0	2,5	81,1—89,6		
45:8. Поперечный фациоцеребральный указатель	20	91,7	4,8	82,7—101,4	15	89,7	2,9	83,4—92,3		
9:45. Лобно-скуловой указатель	22	71,3	3,2	66,0—78,3	16	74,1	3,3	67,2—81,3		

1	2	3	4	5	6	7	8	9
55. Высота носа	33	52,8	3,7	45-61	32	49,8	3,6	44-56
54. Ширина носа	36	25,1	2,2	20,8-29,0	31	24,4	2,0	20,9-28,8
54:55. Носовой указатель	33	47,5	3,6	39,8-53,3	31	48,8	4,2	39,8-56,0
51. Ширина орбиты от mf	34	42,7	1,8	39,2-46,5	32	41,3	2,0	38,0-45,8
51a. Ширина орбиты от d	34	40,0	2,2	35,6-45,6	30	38,8	1,9	35,6-42,6
52. Высота орбиты	36	34,2	1,8	30,2-40,4	32	33,8	2,0	29,0-37,4
52:51. Орбитный указатель от mf	34	80,4	4,2	72,4-94,2	32	81,9	3,6	74,6-91,0
52:51a. Орбитный указатель от d	34	86,1	5,1	74,4-102,5	30	86,9	3,6	81,0-94,7
Передненосовая ось (1-5)	33	2,5	—	1-5	29	2,4	0,8	1-4
Форма грушевидного отверстия (% антропических форм)	36	41,7	—	—	32	56,3	—	—
43(1). Бималлярная ширина	33	98,3	4,3	92,5-108,6	28	95,2	4,2	87,3-101,3
Зигмаксиллярная ширина	32	96,6	4,8	85,7-104,4	26	88,9	4,8	81,5-99,0
LZm. Зигмаксиллярный угол	32	141,6	5,4	134,6-162,5	28	141,6	4,9	132,1-148,7
77. Назомаллярный угол	32	129,8	7,3	118,2-146,4	25	127,0	6,9	117,7-145,1
LZm. Зигмаксиллярный угол	32	129,8	7,3	16,8-29,1	28	20,4	2,9	14,6-26,5
DC. Дакриальная ширина	30	21,6	2,4	8,8-18,9	28	11,0	1,4	7,2-13,4
DS. Дакриальная высота	30	12,4	2,1	38,8-86,7	23	54,8	7,6	44,2-72,6
DS:DC. Дакриальный указатель	30	58,1	10,9	—	—	—	—	—
MC. Максиллофронтальная ширина	32	19,4	2,2	14,4-25,5	29	18,7	2,3	14,5-24,7
MS. Максиллофронтальная высота	32	7,8	1,4	4,8-9,9	29	7,5	1,2	5,0-9,6
MS:MC. Максиллофронтальный указатель	32	40,3	7,8	24,7-54,1	29	40,5	7,4	27,3-51,9
SC. Симметрическая ширина	36	8,5	2,1	3,8-11,7	29	9,2	2,1	5,7-13,3
SS. Симметрическая высота	35	4,4	1,7	1,1-8,8	29	4,1	1,0	2,2-6,8
SS:SC. Симметрический указатель	35	50,4	13,9	22,9-80,7	29	45,5	11,8	25,9-71,8
F.C. Глубина клыковой ямки, мм	36	4,4	1,9	1,1-10,0	31	4,4	1,9	2,4-6,8
Ширина скуловой кости по Ву	29	53,6	3,2	46,0-61,0	27	51,2	3,8	45,5-62,0
Высота изгиба скуловой кости по Ву	29	11,2	3,4	7,3-26,3	27	10,2	1,6	7,8-15,1
Указатель изгиба скуловой кости	29	20,7	5,2	15,6-43,1	27	20,0	2,4	14,6-24,4

антропологического типа городского населения как европеоидного. Имеются некоторые локальные различия в степени выраженности монголоидной примеси у населения отдельных городов.

Неоднородность антропологического состава населения Ак-Бешима и Красной Речки не сводится только к различиям в пределах двух больших рас. Женские группы здесь, кроме признаков, характеризующих профилированность лица и выступание носа, обнаруживают некоторую вариабельность по высоте и ширине лица и ряду других признаков, указывающих на наличие разных вариантов в пределах европеоидного расового ствола. Очевидно, в этих средневековых городах жили как непосредственные потомки древнего местного населения, восходящего своими корнями, вероятно, к сакскому и усуньскому населению Киргизии, так и пришельцы из западных районов Средней Азии — согдийцы, а также, вероятно, чачцы и ферганцы.

Неоднородность антропологического состава населения Краснореченского городища хорошо согласуется с разнотипностью погребений на городском некрополе. Представляется важным проследить в будущем возможные взаимосвязи между антропологическим типом и погребальным обрядом и попытаться более детально сопоставить антропологический тип с совокупностью признаков, определяющих этническую атрибуцию городского населения.

Т а б л и ц а 2. Коэффициенты полового диморфизма

Признак	Красная Речка	Средние величины	Пределы средних величин
8.	1,027	1,049	1,044—1,054
5.	1,047	1,054	1,049—1,059
9.	1,006	1,032	1,026—1,038
Sub. Nß	0,985	0,996	0,992—1,000
10.	1,032	1,040	1,034—1,046
11.	1,026	1,048	1,045—1,051
12.	1,012	1,038	1,033—1,043
43.	1,034	1,040	1,035—1,045
43(1).	1,033	1,043	1,038—1,048
45.	1,052	1,072	1,067—1,077
47.	1,086	1,077	1,070—1,084
48.	1,064	1,076	1,069—1,083
54.	1,029	1,041	1,032—1,050
51.	1,034	1,041	1,034—1,048
51a.	1,031	1,040	1,033—1,047
52.	1,012	1,005	0,999—0,011
DS	1,127	1,113	1,105—1,121
SC	0,924	1,000	0,994—1,006
SS	1,073	1,207	1,199—1,215
LZm	1,022	—	—
FC	1,000	1,100	1,086—1,114
75(1).	1,104	—	—

Таблица 3. Средние размеры и указатели черепов эпохи средневековья с территории Киргизии

Признак	Красная Речка VII-X вв.	Красная Речка XI-XII вв.	Ак-Бешим VII-IX вв.	Несторианское кладбище Фрунзе, XIII-вв.	Хандюбе X-XII вв.	Бейшеке X-XII вв.
1	2	3	4	5	6	7
Мужчины						
1. Продольный диаметр	180,0 (26)	180,3 (9)	179,0 (6)	172,9 (11)	174,0 (24)	176,0 (3)
2. Поперечный диаметр	147,7 (25)	144,7 (7)	151,7 (6)	148,1 (11)	147,5 (24)	149,3 (3)
17. Высотный диаметр от ба	138,4 (23)	137,4 (5)	134,4 (5)	132,0 (9)	134,2 (26)	138,3 (3)
5. Длина основания черепа	102,4 (24)	101,2 (5)	—	97,3 (9)	—	—
9. Наименьшая ширина лба	95,9 (34)	98,6 (10)	98,2 (6)	95,2 (11)	96,0 (25)	97,0 (3)
40. Длина основания лица	96,7 (23)	96,0 (5)	—	94,4 (7)	—	—
45. Скуловой диаметр	134,7 (24)	135,1 (8)	140,0 (7)	133,3 (10)	136,4 (26)	136,8 (3)
48. Верхняя высота лица	72,9 (28)	73,3 (11)	70,6 (5)	70,9 (9)	75,3 (26)	73,2 (4)
55. Высота носа	52,8 (33)	53,5 (11)	53,0 (7)	—	—	—
54. Ширина носа	25,1 (36)	25,7 (10)	25,7 (7)	—	—	—
77. Назомаллярный угол	141,6 (32)	—	143,2 (7)	—	26,2 (25)	25,2 (4)
LZm' Эгомаксиллярный угол	129,8 (32)	129,3 (9)	132,4 (7)	—	143,5 (25)	136,0 (3)
DS. Дакриальная высота	12,8 (30)	11,8 (10)	12,0 (7)	—	130,9 (24)	131,3 (3)
SS. Симметрическая высота	4,4 (35)	4,9 (11)	4,2 (7)	—	11,0 (23)	12,5 (4)
75(1). Угол выступания носа	28,6 (24)	29,7 (3)	29,0 (4)	—	3,7 (25)	5,2 (4)
8:1. Черепной указатель	82,1 (23)	80,0 (7)	84,8 (6)	31,8 (6)	25,9 (22)	28,0 (4)
40:5. Указатель выступа- ния лица	94,7 (21)	94,8 (5)	93,4	85,8 (11)	85,5 (23)	84,9 (3)
48:45. Верхнелицевой указатель	54,2 (20)	54,5 (8)	93,4	96,7 (7)	—	—
54:55. Носовой указатель	47,5 (33)	47,6 (10)	51,1	53,0 (8)	55,2 (26)	54,4 (3)
52:51. Орбитный указатель	80,4 (34)	79,8 (11)	48,5	51,3 (11)	47,9 (25)	49,5 (4)
DS:DC. Дакриальный указатель	58,1 (30)	51,7 (10)	79,3	—	81,0 (26)	80,2 (3)
SS:SC. Симметрический указатель антропной форма	50,4 (35)	49,9 (11)	59,4	—	51,0 (23)	55,2 (4)
грушевидного отверстия	41,7 (36)	—	48,3	—	46,3 (24)	55,0 (4)
			57,1	100,0	—	—

1	2	3	4	5	6	7
Женщины						
1. Продольный диаметр	171,6 (23)	169,8 (5)	173,4 (5)	165,0 (12)	168,6 (11)	171,0 (2)
2. Поперечный диаметр	143,8 (25)	142,2 (5)	142,0 (3)	140,6 (12)	142,6 (11)	140,0 (2)
17. Высотный диаметр от ба	131,8 (19)	133,0 (5)	129,8 (5)	125,9 (10)	129,0 (12)	134,3 (3)
5. Длина основания черепа	97,8 (21)	98,0 (5)	—	95,5 (10)	—	—
9. Наименьшая ширина лба	95,3 (29)	88,8 (6)	93,5 (6)	92,6 (11)	94,4 (13)	92,7 (4)
40. Длина основания лица	92,6 (18)	92,8 (5)	—	93,3 (9)	—	—
45. Скуловой диаметр	128,1 (17)	126,8 (4)	124,0 (5)	125,7 (10)	128,1 (13)	128,5 (4)
48. Верхняя высота лица	68,5 (27)	69,7 (6)	71,0 (7)	67,6 (10)	72,2 (13)	70,4 (5)
55. Высота носа	49,8 (32)	52,0 (6)	51,1 (7)	—	—	—
54. Ширина носа	24,4 (31)	24,7 (6)	23,7 (7)	—	—	—
77. Назомаллярный угол	141,5 (28)	—	136,6 (7)	—	25,3 (13)	25,4 (4)
LZm'. Зигомаксиллярный угол	127,0 (25)	130,6 (5)	126,4 (7)	—	145,8 (13)	138,3 (3)
DS. Дакриальная высота	11,0 (28)	10,1 (5)	11,1 (7)	—	131,5 (13)	131,0 (3)
SS. Симотическая высота	4,1 (29)	3,2 (6)	4,3 (7)	—	10,1 (12)	9,7 (3)
75(1). Угол выступания носа	25,9 (25)	22,8 (4)	26,6 (5)	—	4,0 (13)	3,5 (4)
8.1. Черепной указатель	83,9 (21)	83,7 (5)	82,7 (3)	27,3 (9)	22,8 (13)	23,7 (3)
40:5. Указатель выступания лица	94,9 (18)	94,8 (5)	94,9	85,4 (12)	84,7 (11)	82,1 (2)
48:45. Верхнелицевой указатель	54,0 (17)	55,2 (4)	57,3	97,6 (9)	—	—
54:55. Носовой указатель	48,8 (31)	47,5 (6)	46,4	54,5 (9)	56,4 (13)	52,9 (4)
52:51. Орбитальный указатель	81,9 (32)	82,4 (6)	81,9	50,5 (11)	48,8 (13)	51,1 (4)
DS:DC. Дакриальный указатель	54,8 (28)	53,3 (5)	58,7	—	82,2 (13)	77,5 (4)
SS:SC. Симотический указатель	45,5 (29)	44,0 (6)	45,7	—	50,6 (12)	44,2 (3)
Антропниная форма туше-видного отверстия (%)	56,3 (32)	50,0	42,9	82,0 (9)	—	—

ПОЛЕВАЯ КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ НЕКОТОРЫХ НАХОДОК ИЗ РАСКОПОК БУДДИЙСКОГО ХРАМА КРАСНОРЕЧЕНСКОГО ГОРОДИЩА

В течение полевых сезонов 1983 и 1984 гг. автор в составе Киргизской археологической экспедиции выполнял работы по консервации и частичному доведению до экспозиционного вида фрагментов архитектурного декора и других находок из буддийского храма VII—VIII вв.

Храм представлял собой сложный комплекс, включавший собственно святилище, обводные коридоры, двор и служебные постройки¹. У входа в целлу на постаментах, по-видимому, размещались глиняные фигуры персонажей буддийского пантеона. Обломки этих скульптур были обнаружены во время раскопок 1981 г. на лестнице, ведущей в святилище, где также извлечено несколько кусков скульптуры.

Большая часть фрагментов росписей находилась в завале святилища и примыкающего к нему южного обводного коридора. Несмотря на небольшие размеры обнаруженные фрагменты представляют интерес для изучения творчества художников раннего средневековья, а также позволяют судить о богатстве живописного декора помещений.

Живопись выполнялась различной техникой. Так, у входа в святилище, а также в самом помещении были найдены фрагменты орнаментальных (?) росписей, выполненных непосредственно по лессу, без ганчевого грунта. В то же время в южном коридоре и южной части восточного коридора, по результатам раскопок, ганчевый грунт, по всей вероятности, покрывал стены сплошным слоем. Кроме того, в 1983 г. в южном обводном коридоре был вскрыт значительный участок южной стены размером 120 x 120 см, сохранивший живопись *in situ*. Эти росписи были обнаружены впервые в 1963 г. и тогда же укреплены (видимо, раствором ПБМА) и затем засыпаны². Укрепление было выполнено достаточно тщательно и значительное потемнение поверхности при повторном вскрытии не позволило определить сюжет композиции. Для удобства обработки фрагмент был разделен на четыре части, доукреплен, оклеен и снят. После отгонки избыточной пленки полимера с поверхности одной из частей было определено, что роспись первоначально, вероятно, имела сплошной ганчевый грунт: в настоящее время почти полностью утраченный. Однако на лессовой поверхности просматри-

¹ Горячева В. Д., Байпаков К. М. Раскопки Краснореченского городища // Археологические открытия 1981 г. — М., 1983. С. 484.

² См.: Отчет П. Н. Кожемяко за 1962—1963 гг. в наст. работе. С. 38—40.

ваются следы красных и черных пятен — это либо авторский подготовительный рисунок, либо более ранняя живописная композиция, выполненная непосредственно по лессовому грунту, а позже перекрытая ганчем и заново переписанная. Хотя, возможно, это всего лишь случай перехода красочного слоя, растворившегося ганчeveго грунта, на лессовую подгрунтовку. Наличие ганча — не единственное технологическое отличие живописи южного коридора от росписей целлы. В святилище деление грунта на слои почти не заметно, хотя можно отметить тщательную подготовку хорошо заглаженной лессовой поверхности, на которую нанесены краски. В южном же коридоре стена готовилась под живопись с особенным тщанием: на кирпичной кладке лежит слой лессово-саманной обмазки толщиной 2—3 см, причем растительный наполнитель был мелко нарублен и равномерно распределен в штукатурной массе. Далее следует слой глины в смеси с песком толщиной 0,5 см, в изломе которого видны мельчайшие пустоты от сгнившего растительного наполнителя. Поверх этого слоя нанесен тонкий, в 1 мм, тщательно заглаженный лессовый грунт, по которому кистью проложен слой ганча. Продолжение следов живописи было прослежено на довольно значительном участке в верхней части южной стены коридора, хотя состояние ганчeveго грунта от частичной деструкции до полного (местами) растворения его, не позволяло строить слишком радужные планы. Во время консервационных полевых работ 1984 г. здесь был вскрыт большой участок стены с продолжением росписи (1-84). В верхней части ганч здесь был полностью утрачен, лессовая подгрунтовка сохранила лишь следы красной краски. Ближе к полу кое-где сохранились редкие островки деструктированного ганча со следами красного и желтого пигментов. В нижней части стены, сразу над уровнем пола, уцелела полоска ганча с изображением цветка лотоса. Рисунок схематичен, контурный, выполнен голубой (верхние лепестки) и красной (нижние лепестки) красками. Внизу желтая полоса, поле над голубыми лепестками также желтое. Фон белый. Размеры снятого фрагмента 180 x 40 см, а длина собственно цветка первоначально была 130 см. Ганч сильно деструктирован, а потому имеет много утолщений и вздутий, но общая сохранность удовлетворительная, и, несмотря на полное отслоение штукатурки и расслоение всех грунтов, живопись все же удалось укрепить, заклеить и снять. Зимой 1984—1985 гг. фрагмент прошел полный реставрационный цикл и доведен до экспозиционного вида.

На оставшемся участке стены (около четырех погонных метров), в верхней ее части, прослежено продолжение росписи. Изучение этой композиции займет важное место в работах на Краснореченском городище в ближайшие годы.

Фрагмент живописи 8-83. Обнаружен в завале южного коридора. Несмотря на небольшие размеры представляет интерес для изучения техники живописи. На темно-голубом фоне (лазурит) пастозными белыми пятнами изображено ожерелье (?) из крупных (около 1,3 см в диаметре) белых шариков (перлов?), расположенных как чешуйки — с заходом друг на друга и заканчивающихся более крупным шариком.

ком — замком (?). Так как фрагмент располагался в завале лицевой поверхностью вниз, при укреплении расчищенной тыльной стороны ганчeveго грунта (во время укрепления грунт, насыщаясь раствором, становится прозрачным) было отмечено обстоятельство, возможно, при других условиях оставшееся бы незамеченным: под линией белых шариков по ганчевому грунту проходит направляющий подготовительный рисунок, выполненный двумя тонкими красными параллельными линиями, тогда как на лицевой поверхности красная краска отсутствует.

Кроме того, в завале раскрыты многочисленные фрагменты, по всей вероятности, также имеющие отношение к живописной композиции, украшавшей стены, а возможно, и своды помещения:

а) на белом фоне крупные синие, фрагментарно сохранившиеся предположительно круги или овалы, с тонкой чертой штриховой разделки внутри;

б) фрагмент с неясным изображением: ярко-розовое поле с зелеными пятнышками;

в) сиреневые пятна (лазурит и киноварь)³ с розовыми полутонными моделировками и серыми контурами; рядом — зеленые, синие и красные пятна. Этот фрагмент интересен цветной подложкой под ганчевым грунтом, выполненной черной краской (возможно, это фрагмент росписи свода, где ганч был проложен по ранее закопченной поверхности?).

Таким образом, можно предположить, что стены и, видимо, своды южного коридора были сплошь покрыты многоцветными яркими росписями, иллюстрирующими какие-то буддийские сказания, но изображения эти были столь велики в размерах (см. выше размер лотоса), что небольшие сохранившиеся фрагменты не дают представления о сюжете этих росписей.

Фрагмент Кр-6-83 обнаружен в завале ниши у западной стены восточного коридора. К лицевой поверхности фрагмента прилип слой постороннего ганчeveго грунта, оказавшегося чисто белым, без пигмента (возможно, это поздняя побелка стен). Этот слой был удален. Композиция состоит из орнаментальных полос шириной до 5 см. Первая из них содержит сложный орнамент, напоминающий паутину, выполненный темной красно-коричневой краской по красному фону. Следующая полоса — желтого цвета; на ней изображены круги диаметром 3 см, обведенные красно-коричневым тонким контуром. В центре каждого круга — белое пятнышко, между кругами также попарно расположены белые пятнышки. Третья полоса: на серо-зеленом (илисто-болотного оттенка) фоне изображены более темные круги с белыми пятнышками в середине. Почти все круги процарапаны по контуру, что наводит на мысль о применении шаблона.

Значительная часть фрагмента представляла собой крошево слу-

³ Здесь и далее аналитические исследования выполняли в химико-технологической лаборатории ВНИИР. Зав. сектором В. Н. Ярош, м. н. с. М. Филимонова и Л. Г. Дружинина.

чайных кусочков ганча. При работе над фрагментом обнаружилось, что полосы плавно изгибаются дугой, несколько сужаясь, причем, круги чуть уменьшаются в размерах. Допустимо предположение, что эти полосы могут изображать орнаментированный край одежды какого-то персонажа. Раскрытие фрагмента было затруднено также наличием побелки — поновительного слоя ганча, который был гораздо прочнее авторского и местами прочно с ним соединен.

Проведенные аналитические исследования использованных пигментов показали, что желтая краска — охра, красная — киноварь, зеленая — малахит с углем (в смеси), коричневая — охра, возможно, умбра, белая — гипс.

Подготовка стен под росписи (три слоя лессовой штукатурки и ганчевый грунт), а также отсутствие обломков скульптуры в южном обводном и южной части восточного коридора указывают, очевидно, на то, что стены здесь были покрыты сюжетной и орнаментальной живописью, не связанной по содержанию с другими возможными элементами декора. Живопись же святилища, напротив, судя по количеству обломков статуй, служила, по-видимому, лишь обрамлением для скульптуры и лепного декора интерьера. Представляется необходимым привести описание отдельных фрагментов росписей и скульптуры.

Росписи святилища, как уже упоминалось, были выполнены по тщательно заглаженной лессовой подгрунтовке. Фрагмент 3-83, обнаруженный слева от входа в святилище, находился в завале красочным слоем вверх. Он имеет удлиненную форму и состоит из двух частей. Скорее всего, это деталь орнаментального обрамления скульптурной или живописной композиции. Первый участок — ярко-желтый. Пигмент лежит непосредственно на лессовом грунте, хорошо видны следы ворса кисти художника. Рядом участок чистого заглаженного лесса, который, по-видимому, должен соответствовать коричневому полю. Затем — синий (лазурит) и розовый (красная охра+гипс) участки, разделенные тонким черным контуром. С этим фрагментом очень сходны фрагменты 9, 10 и 11—83. Здесь использованы те же краски, розовые участки точно также содержат гипс, а под красными — прослежен тонкий слой ганчевой побелки.

В свободное от полевых работ время были изучены и частично обработаны три фрагмента лессово-ганчевой скульптуры из находок прошлых лет (1980—1981 гг.).

Фрагмент Б-1 — от правой части лица персонажа буддийской мифологии, на сохранившихся участках ганча — следы красных линий: обводка верхней части глазного яблока, левого крыла носа, окраска краешка губ. Глаза обведены черным контуром, тонко сходящимся у виска. Слой ганча неравномерной толщины — от 0,2 до 1,2 мм довольно хорошей сохранности, хотя местами сильно загрязнен лессом, введшимся в неровности, образовавшиеся в результате деструкции ганча. Зрачок и радужка глаза рельефно очерчены.

Фрагмент Б-2 — также часть головы персонажа буддийской мифологии, сохранились правый глаз, бровь и небольшая часть щеки. Фраг-

мент ранее был слабо закреплен ПБМА. Ганч сохранился лишь фрагментарно, слой его неравномерной толщины, с выраженным рельефом, заметны следы грубого ворса кисти. Вся поверхность ганча, особенно над линией брови, загрязнена лессом. Ганч сильно разрушен, загрязнения глубоко въелись в углубления рельефа поверхности, образовавшиеся в результате разрушения. Глазное яблоко выпуклое; внизу его очерчивает глубокая впадина без следов окраски или контуров. Верхняя впадина плавная, неглубокая, очерчена широкой (в средней своей части до 1 см) красной линией, сильно размытой; эта линия сужается к внешнему углу и довольно широко, округло оканчивается во внутреннем углу глаза.

Линия брови скульптурно очерчена хорошо. Ближе к переносице слой ганча нависает на 2 мм над глазной впадиной, на этой линии хорошо видны следы черной окраски брови. Выше, вдоль рельефной линии брови, черная краска прослеживается на ширину до 1,2 см. Тыльная сторона «маски» лица заглажена; по-видимому, она формировалась отдельно и затем уже крепилась на основу головы.

На тыльной стороне «маски» — налп: завиток тонко прорезанной пряди волос. Этот налп, несомненно, случаен, хотя и держится достаточно прочно.

Фрагмент Б-3 — верхняя часть головы, возможно, Будды. Почти по всей поверхности лицевой части сохранился довольно толстый (местами до 1 мм) слой ганча. В верхней части головы, включая острокопечный головной убор, ганч отсутствует. Лоб от линии волос отделяется полосой рельефно выступающих полушариков диаметром около 1 см, сохранивших местами поверх ганча желтую окраску. Левая бровь сохранила следы черной окраски; верхнее веко правого глаза было окрашено красной краской, на линиях рельефа глазного яблока видны следы черной контурной обводки.

Верхний слой глины, моделирующей собственно скульптуру, имеет толщину около 3 см. Внутри головы большая впадина от основной «болванки», заполняющей внутренний объем скульптуры, вероятно, также выполненной из глины. Хорошо заметны следы пальцев скульптора, вдавливавших глину внешней оболочки в форму. При расчистке фрагмента четко просматривались остатки истлевшей тростниковой обкладки.

Затылочная часть головы обработана грубо и не имеет следов ганча, возможно, это говорит о том, что она примыкала к стене. Представилась возможность атрибутировать обнаруженные рядом фрагменты полушария диаметром около 5—6 см, выполненные из лесса, с ганчевым покрытием и следами желтой краски на нем. Формой они напоминают бубенчики с прорезью в нижней части; эти бубенчики формировались отдельно и крепились с помощью глиняного раствора.

В завале святилища было обнаружено также множество мелких фрагментов скульптур: складки одежды, покрытые слоем ганчeveго грунта с красной окраской (киноварь), завитки волос в виде штампованных улиткообразных локонов с темно-голубой окраской (лазурит),

нанесенной поверх ганчевого грунта, украшения одежды, рук и ног в виде брошей, бляшек и ожерелий, тонированных желтой (под золото) и голубовато-серой (под серебро) красками.

Примечательно, что для внешних скульптурных слоев применялась глина с характерным марганцево-розовым оттенком. Это облегчало распознавание в завале даже полностью разрушенной скульптуры. В стенах помещения святилища на разной высоте зачищено несколько отверстий (около 5—6 см в диаметре), где сохранились куски истлевшего дерева — следы деревянных стержней, с помощью которых скульптура крепилась к стенам.

Количество обломков скульптуры в завале, расположение отверстий в стенах, а также конструктивные особенности цокольной части святилища позволяют предполагать, что все помещение было оформлено пристенной скульптурой разного размера, расположенной на различной высоте.

Напрашивается сравнение техники живописи этого храма и буддийского культового центра Кара-Тепе, где автору довелось работать в течение нескольких сезонов.

Там в сырцовых наземных помещениях местами сохранились, наряду со скульптурой, полихромные живописные композиции, выполненные без ганчевого грунта, непосредственно по хорошо заглаженной лессовой поверхности. В то же время стены и своды пещерных помещений, вырубленных в песчаниковом холме, сплошь покрыты белым ганчевым грунтом (по тонкой лессовой подгрунтовке), поверх которого были выполнены монохромные живописные рисунки — либо орнаментальные, либо сюжетные. В этих помещениях следов скульптуры не обнаружено. Напрашивается предположение, что культовые помещения, выстроенные из кирпича (а потому с заданными световыми проемами), где основным элементом декора служила скульптура, неслучайно покрывались, росписями, нанесенными на лессовую поверхность. Живопись здесь, играя второстепенную роль, звучала глуховатыми красками, лишь подчеркивая величие статуй, для украшения которых использовалась и позолота. Узкие же и темные помещения, где скульптуры, судя по отсутствию обломков в завале, по-видимому, не было (это южный и восточный коридоры Краснореченского храма и длинные пещеры Кара-Тепе, освещавшиеся светильниками, требовали белых стен и белого же грунта под красками росписей, плохо различимых в полумраке искусственного освещения).

Таким образом, при сравнении декора двух различных по месту и времени сооружений становится очевидным явное сходство технических приемов, обусловленное, по-видимому, профессиональными традициями.

К этому следует добавить, что ганчевую побелку под некоторыми красками (красной — в святилище Краснореченского храма, голубой и некоторыми другими — в Кара-Тепе) вряд ли следует считать «локальной подгрунтовкой». Даже учитывая, что материал этот — ганч, необходимо иметь в виду, что в случае использования гипса в качестве

краски приготавливается он иным способом, нежели для грунта — не как вяжущее вещество, а как инертный порошок с добавлением связующего (по-видимому, традиционного растительного клея). Таким образом, такая подгрунтовка — это скорее нижний красочный слой, выявляющий тональные возможности последующего слоя⁴.

Все вновь обнаруженные фрагменты росписей и скульптуры были обработаны раствором БМК-5 (сополимера бутилметакрилата с метакриловой кислотой) по методу, разработанному в отделе монументальной живописи ВНИИР, закрепления лессовой живописи и скульптуры⁵. Этот материал отличается высокой технологичностью и позволяет при укреплении сохранять декоративные качества поверхности памятника. Все фрагменты были укреплены 2,5%-ным раствором БМК-5 в малотоксичной смеси растворителей, замастикованы и оклеены марлей с тыльной стороны на 10%-ном растворе того же материала.

Лицевые поверхности при необходимости оклеивались марлей на мучном клейстере, приготовленном с добавлением пластифицирующих и консервирующих веществ. Лишь фрагмент Кр-1-83, закрепленный в 1962 г. ПБМА, был обработан тем же составом.

Среди находок, подвергшихся реставрационным работам в 1983 г., особо стоят обнаруженные в северо-западном углу святилища фрагменты санскритских текстов на бересте⁶. Береста желтая, хрупкая, почти всюду тонкая (местами с утолщениями), расслаивающаяся вдоль и легко ломающаяся поперек волокон. Темных прожилок, обычно присутствующих в бересте, нет, что объясняется, вероятно, породой березы (гималайская?) и способами обработки бересты. О недавних находках на территории Средней Азии буддийских рукописей на бересте, как правило, привезенных из Индии, подробно писала М. И. Воробьева-Десятовская⁷.

⁴ Автор пользуется случаем выразить благодарность Б. И. Маршаку, замечание которого при обсуждении одного из докладов позволило заново продумать проблему «локальных подгрунтовок». Дело в том, что при раскопках Северного комплекса Топрак-кала (Древний Хорезм) автор встретился со случаем почти полного (за исключением редких комочков) растворения ганчевого грунта в помещении П-10, в завале которого были обнаружены в большом количестве крупные фрагменты росписей. Однако при этом хорошо сохранился ганч, использованный в качестве разбеливающего вещества в розовых, голубых и светло-коричневых красках, а также — «побелка» под некоторыми тонами. Это позволяет предположить, что способ приготовления материала (здесь ганч) определяет роль его в процессе создания объекта, а также имеет значение и для сохранности во времени.

⁵ Бурый В. П. Реставрационные работы в Национальном музее Афганистана // Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей. — М., 1982. С. 13.

⁶ См. фотографию нескольких фрагментов: История Киргизской ССР: В 5 т. — Фрунзе, 1984. Т. 1. Фото к с. 225.

⁷ Воробьева-Десятовская М. И. Памятники письмом кхароштки и брахми из советской Средней Азии // История и культура Центральной Азии. — М., 1983. С. 53. (Наиболее ранним образцом рукописей на бересте, найденных в Средней Азии, следует считать фрагменты бактрийских (буддийских?) рукописей I — начала II в. н. э., которые обнаружил Э. В. Ртвеладзе при раскопках Кампыр-калы в долине Сурхандарьи. — *Ред.*).

Текст выполнен темно-коричневыми «чернилами», крупные (до 0,8 см в высоту) акшары нанесены, очевидно, клиновидными штрихами маленькой плоской кистью. Текст располагался на обеих сторонах узкого листа типа индийских тотхи.

Фрагменты рукописей были обнаружены на глубине 3,5 м в сыром (из-за высоких грунтовых вод), хаотически перемешанном завале. Определить количество листов и связь между отдельными фрагментами не удалось; возможно, это сможет сделать специалист-индолог (фотографии фрагментов переданы М. И. Воробьевой-Десятовской). Решено было консервировать каждый клочок отдельно в прозрачном материале, чтобы специалист при дальнейшей работе мог сопоставлять содержание фрагментов и устанавливать их последовательность. В полевых условиях было опробовано несколько материалов для консервации рукописей: глицерин, уайт-спирит, СЭВ, ВА-2 ЭГА, ПВС, БМК-5, ПВБ. В результате сложился такой метод. Вначале обрывок пропитывается 3—5%-ным раствором ВА-2 ЭГА (водная дисперсная винилацетата с 2-этилгексилакрилатом). Этот материал применяли из-за удовлетворительной водостойкости пигмента «чернил». Можно отметить, что при опробовании в качестве укрепляющего материала растворов БМК-5 и при обработке различными растворами оказалось, что МЭК (метилэтилкетон) моментально размывает текст, а уайт-спирит, высыхая, коробит основу. Во время обработки слабым раствором ВА-2 ЭГА, наряду с первичным укреплением, происходит уделение загрязнений; расчистка в сухом виде практически невозможна из-за хрупкости бересты, а указанный раствор немного связывает материал, что позволяет даже провести расслоение слипшихся фрагментов.

Затем концентрация укрепляющего раствора была доведена до 15%, излишки раствора все время удалялись фильтровальной бумагой. Некоторую сложность представляло то, что фрагмент должен быть все время мокрым, так как при высыхании моментально образуется пленка ВА-2 ЭГА и процесс укрепления прекращается. Во время укрепления постепенно разглаживаются покоробившиеся участки. Укрепленные, но еще сыроватые, фрагменты фиксируются между двумя листками полиэтиленовой пленки с помощью 8—10%-ного раствора ПВС с добавлением глицерина и катамина-АБ. Позднее полиэтиленовая пленка была заменена лавсановой, более прозрачной, но столь же инертной по отношению к клеящим веществам.

Закрепленный таким образом фрагмент рукописи может стать объектом работы индолога, а также быть выставлен в музее. ПВС, благодаря удовлетворительной повторной растворимости, позволяет, если это будет необходимо, перемонтировать фрагменты и совместить непосредственно стыкующиеся отрывки текстов.

ствовал и эпиграфический орнамент — некоторые фрагменты имеют сходство с отдельными арабскими буквами.

Фрагменты панно из ганча довольно значительных размеров: 54 x 132 см, 54 x 100 см, 43 x 54 см. Слой ганча в 3—4 мм нанесен на глиняную штукатурку стены. Сохранились остатки синей, красной и черной красок. В сюжете орнамента сочетаются три элемента: геометрический, стилизованно-растительный и схематизированно-зооморфный.

Геометрический орнамент представлен полоской шириной 10 см, ограниченной двоякой линией и заполненной «перлами». Причудливо переплетаясь, полоска образует различной формы пальметты и стрельчатые арки. В арки, расположенные в нижней части панели, заключены растительные арабески, в контур которых введены схематизированные изображения лошадей с повернутыми друг к другу головами и переплетенными задними ногами. Внутреннюю площадь пальметт заполняло сложное переплетение листьев растений и их стволов, перехваченных четырехлепестковыми розетками.

Комплекс нумизматических и керамических находок позволил П. Н. Кожемяко датировать здание с остатками резьбы X—XII вв.³

В 1978 г. при раскопках дворцового сооружения, расположенного за пределами шахристана (раскоп I), в трех помещениях (№ 2, 10, 12) В. Д. Горячевой и О. Береналиевым⁴ были обнаружены многочисленные фрагменты резного декора по глине. В помещении № 12 резьба сохранилась на стене, на высоте 1 м от пола, и на софите арки сводчатого дверного проема. Резьба выполнена по мелкоотмученной сырой глине, толщина рабочего слоя колеблется от 0,5 до 2,5 см. Под слоем резьбы сохранилось саманное основание.

Техника резьбы на вскрытых образцах довольно разнообразна — от гравировки до глубокого рельефа. Весь штук был тонирован сверху белой, желтой и красной красками. Наиболее значительный по размерам фрагмент (35 x 40 см) представлял собой, видимо, кусок панно, на котором по синему полю проведены желтые полосы рамки, а пространство в ней заполнено завитками волют и двулестников, окрашенных в красный цвет. Усиливая линию рисунка, художник обвел его контур желобком. Другие фрагменты содержат широко распространенные в искусстве средневековья мотивы «бегущего» побега и бутона. На некоторых обломках довольно отчетливо проступают крупные арабские буквы, выполненные желтой краской, что свидетельствует о введении в декор полос эпиграфического орнамента. Они украшали большие плоскости стен.

Бордюры рам, ниш и фризов исполнены глубокой двух- и трехплановой резьбой. По массивности и толщине слоя они значительно пре-

³ Кожемяко П. Н. Раскопки жилищ горожан X—XII вв. С. 76. Рис. 8.

⁴ Горячева В. Д., Береналиев О. Раскопки на Краснореченском городище. С. 590. См. также авторские отчеты о полевых исследованиях на Краснореченском городище в 1978 г. // Фонды Института истории АН КиргССР. Инв. № 689. С. 16—17.

восходят фрагменты панелей, исполнение их более изящно. Сооружение с декором В. Д. Горячева датирует концом X — началом XI в.⁵

В последующие сезоны находки штука продолжались. Так, в 1981 г. на раскопе VIII в шахристане-I автором данной статьи при зачистке верхнего горизонта парадного помещения жилого здания были обнаружены фрагменты, резко отличавшиеся по технике резьбы и орнаменту от всех предыдущих. Резьба фрагментов, составлявших панель, осуществлялась здесь тонкой линией — желобком по штукатурке в 2-3 см толщиной. Орнамент геометрический; линия делит плоскость на разнообразные прямоугольники, ромбы, треугольники.

Части фризa выполнялись на подслоеке объемной резьбой; рабочий слой составляет от 5 мм до 3 см, местами он еще больше. Особый интерес представляют медальоны, по внешнему виду напоминающие плоды ананаса. Их три, по размеру различаются, самый крупный — 24 x 9,5 см. Все они имеют одинаковую форму в виде каплевидного плода и окаймляющей его имитации ажурного листа. Поверхность плода двух медальонов украшает геометрический (сетчатый) орнамент из сочетания полых и заполненных треугольников. У третьего медальона оформление было более сложным, оно включало различной величины ромбики и нарезки. Листва передана чередованием желобков различной глубины и утолщающихся к концу полосок. Верхнюю часть одного из медальонов венчало навершие, напоминающее рукоятку ножа, нижняя половина кончалась утолщением шаровидной формы.

Рядом с медальонами найдена еще одна группа интересных фрагментов. Это пять сильно схематизированных изображений рыб, две из них сохранились полностью (длина — 20 см, ширина — 10 см). Тела их по самому краю окаймляет полоска, созданная двумя линиями. Хвостовая часть оформлена тремя вертикальными насечками; остальная поверхность украшена незамысловатым чешуйчатым орнаментом, окружность глаза очерчена загнутым желобком. Остальные фрагменты имеют сюжеты, уже ранее неоднократно встречавшиеся на городище. Это различной ширины полоски с гладкой поверхностью и площадки между ними, которые сплошь заполнены резьбой с мотивом «бегущего» побега, изящно согнутым на конце двулистником, с ромбиками, треугольниками, окружностями с проколами в центре, «перлами» и др. Весь штук имеет следы раскраски, палитра цветов ограничена — белый, черный, синий, красный и желтый тона.

В сезон 1983 г. на раскопе I, где уже встречались остатки резной штукатурки, были зачищены фрагменты, аналогичные описанным выше медальонам. Однако они более миниатюрные, гораздо тоньше и изящнее выполнены. Так, длина одного из них — 21 см, ширина — 10 см.

⁵ Байпаков К. М., Горячева В. Д. Раскопки на Краснореченском городище // Памятники Киргизстана. — Фрунзе, 1982. Вып. 5. С. 58—62. Часть фрагментов резьбы и росписей опубликована в каталоге выставки «Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье». — Л., 1983, № 307—310.

Поверхность плода имеет следы тонировки ганчем. Другой фрагмент имел ширину 12 см, длину 10,5 см.

Длина ажурного листа, обрамляющего плод, достигает 22 см, ширина — 6,5 см, толщина — от 3 до 8 см. Остальные фрагменты гораздо меньших размеров: длина — 14—16 см, ширина — до 6 см, толщина — 3,5 см; глубина резьбы — от 1 до 1,7 см. Эти мелкие плоды также были окружены фигурным листком со следами ганча. Характер резьбы такой же, как у описанных выше медальонов из раскопа VIII: соты или ячейки, рисунок передан различными комбинациями из ромбиков, треугольников, квадратиков. Ажурное листовое окаймление выражено полосками, однако в этом случае на конце их имеются «сасанидские перлы» с выкружкой посередине.

Вся описанная выше резная штукатурка представляет собой, по всей вероятности, остатки панелей, фризов, а также фрагменты обрамлений ниш, оконных и дверных проемов. Техника исполнения их различна: резьба панелей носит характер графического рисунка, тогда как фризы и обрамления дверей, окон и ниш давались объемной резьбой. Декорируемая поверхность панелей делилась полосами различной ширины на секторы, которые заполнялись многочисленными вариациями геометрического и растительного орнамента.

На остатках панели с раскопа VIII узор был преимущественно геометрическим, на раскопе I преобладал растительный. В помещении, раскопанном П. Н. Кожемяко, в тематику орнамента введен зооморфный сюжет (панель с изображением лошадей). Среди наиболее частых элементов растительного орнамента — розетки, «бегущий» побег с отогнутым поочередно в обе стороны двух- и трехлистниками и бутонами. Все эти элементы имели широкие географические и хронологические ареалы распространения⁶. Оформление фризов было комбинированным и состояло из полос основного рисунка и узкой каймы.

Окаймление включало гладкие горизонтальные полосы, оконтуренные параллельными линиями, иногда — вертикальные или наклонные нарезки с «перлами» на конце. Мотивы основного узора многообразны: различные геометрические вариации, розетки, согнутый в дугу стебель с двулистником, «лиры», «огурцы» и др. В композиции из раскопов I и VIII входили и медальоны, прототипом которых традиционно считают шишки пинии (средиземноморской сосны); в данном случае моделью для них, возможно, могли служить местные породы хвойных деревьев. Рыбы (раскоп VIII), составляющие с плодами единый сюжет, в древней символике Востока были обозначениями дня и ночи.

С точки зрения орнаментальных мотивов и техники исполнения резьба краснореченского декора находит наиболее близкие аналогии в памятниках Согда. Этот факт отмечает и С. Б. Лунина, детально

⁶ Ремпель Л. Н. Архитектурный орнамент Узбекистана. С. 247.

исследовавшая резной декор зданий X—XI вв. в Алтын-депе (Кашка-Дарьинский оазис — Южный Согд) ⁷.

Нередко резная глина краснореченских построек сочетается с резным ганчем. При этом можно отметить следы алебастрового покрытия, имитирующего ганч или оконтуривающего пепельно-серый узор в глине и создающего контрастность рисунков. Резьба по глине и алебастру, как правило, занимала верхние части стен и нередко дополняла фигурные кладки кирпичных панелей и росписи стен, что великолепно сочеталось в оформлении жилых комнат ⁸.

Резная глина как настенный декор средневековых построек уже в раннее средневековье получает распространение повсеместно в Средней Азии. Однако наибольшего своего развития этот вид декора достигнет в конце X — начале XI в. К этому периоду относится и большинство обнаруженных в последние годы фрагментов резной глины в Киргизии. Кроме Краснореченского городища, резьба по сырой глине с цветовым тонированием встречена в так называемом «Четвертом мавзолее» ⁹ и в жилой постройке Буранинского городища, датированных X—XII вв. ¹⁰.

Новые находки резной глины на Краснореченском и Буранинском городищах подтверждают ранее сделанный вывод ¹¹, что Семиречье, наряду с Согдом, было одной из основных областей распространения этого вида декора в архитектурной практике городов X—XII вв.

⁷ Лунина Б. С. Резная глина Средней Азии // История и археология Средней Азии. — Ашхабад, 1978. С. 203—211.

⁸ Горячева В. Д. Декор в архитектурных памятниках средневекового Киргизстана // Памятники Киргизстана. — Фрунзе, 1970. Вып. I. С. 56.

⁹ Винник Д. Ф. Четвертый сезон работы на Буранинском городище. // АО—1974. — М., 1975. С. 551.

¹⁰ Раскоп II. Раскопщик Л. Е. Семениченко.

¹¹ Лунина С. Б. Резная глина Средней Азии... С. 206.

БУРАНА — БАЛАСАГУН

◆
МОНЕТНЫЙ ЧЕКАН
КУЗ ОРДУ — БАЛАСАГУНА (XI в.)
 ◆

С момента образования Караханидского государства и вплоть до карахытайского завоевания (около 1130 г.) Баласагун, известный также как Куз Орду, был главной столицей или одним из трех столичных городов Караханидов. При скудости и отрывочности письменных известий об этой династии монеты столичного Баласагуна приобретают особую значимость как источник сведений по истории Караханидов. В этом плане они уже были рассмотрены М. Н. Федоровым¹. Однако в своем очерке истории Баласагуна (как и в ряде прочих работ) он знакомит читателя не с содержанием монетных надписей, а с тем, как их понимает он сам, т. е. зачастую лишает читателя возможности проверить достоверность его атрибуций, умозаключений и выводов. Кроме того, автору этих строк удалось выявить ряд монет Куз Орду — Баласагуна, не известных М. Н. Федорову. В нашу задачу и входит, прежде всего, привести описание всех выявленных ныне баласагунских монет, а также дать им посильное объяснение, которое не является ни исчерпывающим, ни окончательным, но по крайней мере может быть проверено. В целях экономии мы в описании почти не приводим надписей лицевой стороны (л. ст.). Помещенный здесь в поле символ веры (калима) встречается в трех вариантах: «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет сотоварища ему» (К-1); «Нет бога, кроме Аллаха /единого, нет сотоварища ему» (К-2); «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад — /посланник Аллаха» (К-3). В выпускных сведениях вводная формула имеет две разновидности: «Во имя Аллаха бит этот дирхем...» (В-1) и «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного, бит этот дирхем...» (В-2); далее наименование монетного двора и дата. В круговой легенде оборотной стороны (об. ст.) часто помещается 33 стих IX суры Корана, причем в двух вариантах — в полном (Кор.-1: «Мухаммад — посланник Аллаха, пославшего его с прямым путем и религией истины, чтобы проявить ее выше всякой религии, хотя бы и ненавидели это многобожники») и сокращенном, без первых трех слов (Кор.-2); иногда сохранность монеты не позволяет определить, какой из двух вариантов помещен на ней (Кор.-3).

¹ Федоров М. Н. Баласагун при Караханидах (по данным нумизматики) // Изв. АН КиргССР. 1975. № 2. С. 87—94.

1. 404/1013—14 г.²

Л. ст. В поле К-1. В-1 квадратом. Все в двухлинейно-насечном ободке.

Об. ст. В поле: «Аллаху! / Мухаммад — посланник Аллаха. / Ал-Кадир би-ллах. Кутб Ад-Даула / Хакан Ахмад б. / Али». Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним линейно-насечным ободками, Кор.-1.

КУЗ ОРДУ

2. 394/1003—04 г.³

Л. ст. В поле К-1. В-1 восьмиугольником. Все в двухлинейно-точечном ободке.

Об. ст. В поле: «Кутб ад-Даула. / Мухаммад — посланник Аллаха. / Ал-Кадир би-ллах. Насир ал-Хакк / Ахмад б. Али Кара-ха/кан» (последние три буквы — вертикально, сверху вниз). Кругом, между внутренним двойным и внешним одинарным линейным ободками, Кор.-1.

3. 394/1003—04 г.⁴

Л. ст. В поле К-3,верху: «Мне достаточно Аллаха». В-1 восьмиугольником. Все в двухлинейно-точечном ободке.

Об. ст. В поле: «Кутб ад-Даула. / Ал-Кадир би-ллах. / Насир ал-Хакк Ахмад / б. Али Кара-Хакан». Кругом, как № 2.

4. 395/1004—05 г.⁵

Л. ст. В поле К-1,верху: «истина». В-1 квадратом. Все в трехлинейно-насечном ободке (насечки наискось).

Об. ст. В поле: «Аллаху! / Мухаммад — посланник Аллаха. / Ал-Кадир би-ллах. Наср ал-Милла / Ахмад б. Али Кара-ха/кан» (последние три буквы — вертикально, сверху вниз). Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним линейно-насечным (насечки наискось) ободками, Кор.-1.

5. 395/1004—05 г.⁶

Л. ст. В поле К-1,верху украшение. В-1 квадратом. Все в двухлинейно-точечном ободке.

Об. ст. В поле: «Аллаху! / Мухаммад — посланник Аллаха / Ал-Кадир би-ллах. Насир ал-Хакк / Ахмад б. Али Кара-ха/кан» (последние три буквы вертикально, сверху вниз). Кругом, как № 2.

² Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. I. (Саманиды, Караханиды, Джаниды) // ИМКУ. — Ташкент, 1978. Вып. 14. С. 124.

³ Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. — СПб., 1896. С. 209 № 136. Здесь и далее описания эрмитажных монет дополнены, а иногда и уточнены по подлинникам.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 210. № 143.

⁶ Там же. С. 211. № 144.

6. 396/1005—06 г.⁷

Л. ст. в поле, как № 4. В-1 квадратом. Все в двухлинейно-насечном ободке.

Об. ст. В поле: «Хан./ Мухаммад — посланник / Аллаха. Ал-Кадир би-ллах./ Ахмад б. Али./ Адил». Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним линейно-насечным ободками: «Из того, что приказал [выбить] ал-Амир ас-Саййид ал-Малик ал-Музаффар Кутб ад-Даула ва Наср ал-Милла».

7. 396/1005—06 г.⁸

Л. ст. В поле К-2. В-1 квадратом. Все в двухлинейно-насечном ободке.

Об. ст. В поле: «Адил./ Мухаммад — посланник Аллаха./ Ал-Кадир би-ллах. Наср ал-Милла/ Ахмад. б. Али Кара-ха/ кан» (последние три буквы — вертикально, сверху вниз). Кругом, как № 1.

8. 396/1005—06 г.⁹

Л. ст. Как № 7.

Об. ст. В поле: «Хан./ Мухаммад — посланник Аллаха./ Ал-Кадир би-ллах. Наср/ ал-Милла Ахмад б. Али». Кругом, как № 1.

9. 397/1006—07 г.¹⁰

Л. ст. В поле К-1, сверху: буква «мим», внизу: «Хакан». В-1 квадратом. Все в линейно-насечном ободке.

Об. ст. В поле: «Адил./ Мухаммад — посланник Аллаха./ Ал-Кадир би-ллах. Наср ал-Милла/ Ахмад б. Али./ Хан (?)» (последнее слово начертано уйгурским письмом). Кругом, как № 6.

10. 398/1007—08 г.¹¹

Л. ст. В поле К-1. В-1 восьмиугольником. Все в тройном ободке (точечный между линейными).

Об. ст. Как № 2.

11. 399/1008—09 г.¹²

Л. ст. Как № 9, но в поле внизу иное слово: «джаухар».

Об. ст. В поле: «Аллаху!/ Мухаммад — посланник Аллаха./ Ал-Кадир би-ллах. Наср ал-Милла/ Ахмад б. Али Кара-хакан./ Наср (?)» (последнее слово начертано уйгурским письмом). Кругом, как № 1.

12. 39° г. х.¹³

Л. ст. В поле К-1, сверху «Аллаху!», еще выше — трехлепестковая розетка, внизу: «Мухаммад». В-1 шестиугольником. Все в обрамлении, как у № 10.

Об. ст. Как № 2.

⁷ Марков А. К. Инвентарный каталог... С. 219. № 194.

⁸ Дирхем из Чимкентского клада, хранящегося в Музее истории народов Узбекистана в г. Ташкенте (МИУз. Инв. 391/28).

⁹ Монета из Тайтубинского клада 1968 г., хранящегося в МИУз (инв. № 392/744).

¹⁰ Монета из Тайтубинского клада 1968 г., хранящегося в МИУз (инв. № 392/744).

¹¹ Чимкентский клад (МИУз. Инв. № 391/42).

¹² Марков А. К. Инвентарный каталог... С. 210. № 140.

¹³ Дирхем из Букинского клада, хранящегося в МИУз (инв. № 388/291).

13. 400/1009—10 г.¹⁴

Л. ст. В поле К-1, сверху: буква «мим». Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним двухлинейно-насечным ободками, В-2.

Об. ст. В поле: «Аллаху! / Мухаммад — посланник Аллаха. / Ал-Кадир би-ллах. / Ахмад б. Али Кара-/хакан» (последнее слово — вертикально, сверху вниз). Кругом, как № 2.

14. 400/1009—10 г.¹⁵

Л. ст. В поле, как № 13. В-1 квадратом. Все в линейно-насечном ободке.

Об. ст. Как № 11.

15. 400/1009—10 г.¹⁶

Л. ст. В поле сверху: «Хан», внизу: «Аллах», посередине надпись в 3 строки с К-1 и 5 полумесяцев с подтреугольным основанием (по два — в 1-й и 3-й строке, один — во 2-й), причем каждый полумесяц являет собой одновременно лигатуру «лам-алиф», а внутри них тоже начертаны какие-то стертые или неразборчивые слова, из коих читается только последнее — «Аллах». Кругом, между двумя линейными ободками, В-2.

Об. ст. В поле: «Аллаху! / Мухаммад — посланник / Аллаха. Кутб ад-Даула Наср ал-Милла / Ахмад б. Али...» Кругом, между двумя однолинейными ободками, Кор.-1.

16. 401/1010—11 г.¹⁷

Л. ст. В поле, как № 13. Кругом, между внутренним однолинейным и внешним линейно-насечным ободками, В-1. Вариант: между внутренним двухлинейным и внешним двухлинейно-насечным, В-2.

Об. ст. Как № 13.

17. 402/1011—12 г.¹⁸

Л. ст. В поле, как № 13. Кругом, между двумя двухлинейными ободками, В-1.

Об. ст. В поле, как № 4. Кругом, как № 2.

18. 402/1011—12 г.¹⁹

Л. ст. В поле К-2. В-1 квадратом. Все в двухлинейном (?) ободке.

Об. ст. В поле: «Аллаху! / Мухаммад — посланник Аллаха. Ал-Кадир би-ллах. / Ахмад б. Али Ха/кан» (последние три буквы — вертикально, сверху вниз). Кругом, как № 2.

19. 403/1012—13 г.²⁰

Л. ст. В поле К-1. В-1 квадратом. Все в линейно-насечном ободке.

Об. ст. В поле: «Аллаху! / Мухаммад — посланник Аллаха. / Ал-Кадир би-ллах. Кутб ад-Даула / ал-Хакан Ахмад б. Али». Кругом, как № 1.

¹⁴ Марков А. К. Инвентарный каталог... С. 209. № 135.

¹⁵ Тайтубинский клад 1968 г. (МИУз. Инв. № 392/749).

¹⁶ Дирхем из Первого Таразского клада, хранящегося в Джембулском областном историко-краеведческом музее.

¹⁷ Тайтубинский клад 1968 г. (МИУз. Инв. № 392/750, 751).

¹⁸ Тайтубинский клад 1968 г. (МИУз. Инв. № 392/752).

¹⁹ Тайтубинский клад 1968 г. (МИУз. Инв. № 392/553).

²⁰ Марков А. К. Инвентарный каталог... С. 221. № 204.

20. 405/1014—15 г.²¹

Л. ст. В поле К-1. В-1 квадратом. Все в двухлинейно-насечном ободке.

Об. ст. В поле: «Хакан./ Мухаммад — посланник Аллаха./ Ал-Кадир би-ллах. Кутб ад-Даула На/сир ал-Хакк Кара-хакан Ахмад/б. Али». Кругом, между внутренним однолинейным и внешним линейно-насечным ободками: «Из того, что приказал [выбить] ал-Амир ас-Сай-йид ал-Малик ал-Музаффар Кутб ад-Даула ва Наср ал-Милла — да продлит Аллах его власть!»

21. 405/1014—15 г.²²

Л. ст. В поле К-1. В-1 квадратом. Все в линейно-насечном ободке.

Об. ст. Как № 17.

22. 406/1015—16 г.²³

Л. ст. В поле К-1. В-1 квадратом.

Об. ст. В поле: «Мухаммад — посланник Аллаха./ Ал-Кадир би-ллах. Ал-Хакан/ Кутб ад-Даула Ахмад/б. Али.» Кругом, Кор.-1.

23. 406/1015—16 г.²⁴

Л. ст. В поле К-1, сверху — украшение. В-1 квадратом. Все в линейно-насечном ободке.

Об. ст. В поле: «Аллаху!/ Мухаммад — посланник Аллаха./ Ал-Кадир би-ллах. Нур ад-Даула/ Арслан Кара-хакан/ Мансур» (последнее слово — вертикально, сверху вниз). Кругом, между внутренним однолинейным и внешним линейно-насечным ободками, Кор.-1.

24. 406/1015—16 г.²⁵

Л. ст. В поле К-2. В-1 квадратом. Все в двухлинейном ободке.

Об. ст. В поле: «Аллаху!/ Мухаммад — посланник Аллаха./ Ал-Кадир би-ллах. Ал-Малик ал-Адил/ Аби-л-Музаффар Арслан Кара/ -хакан» (последнее слово — вертикально, сверху вниз). Кругом, в обрамлении, как № 2, Кор.-2.

25. 406/1015—16 г.²⁶

Л. ст. В поле, как № 4. В-1 квадратом. Все в двухлинейном ободке.

Об. ст. В поле: «Аллаху!/ Мухаммад — посланник Аллаха./ Ал-Кадир би-ллах. Ал-Малик ал-Адил/ Арслан Кара-хакан/ Иба-л-Музаффар». Кругом, как № 24, но внешний ободок неясен.

26. 407/1016—17 г.²⁷

Л. ст. В поле К-1. В-1 квадратом. Все в линейно-насечном ободке.

Об. ст. В поле: «Аллаху!/ Мухаммад — посланник Аллаха./ Ал-Кадир би-ллах./ Нур ад-Даула Арслан/ хакан» (последнее слово —

²¹ Тойтубинский клад 1968 г. (МИУз. Инв. № 39 / 2 / 756).

²² Тойтубинский клад 1968 г. (МИУз. Инв. № 392/757).

²³ Федоров М. Н. Ходженский клад серебряных дирхемов второго десятилетия XI в. // Материальная культура Таджикистана. — Душанбе, 1971. Вып. 2. С. 159. № 7.

²⁴ Марков А. К. Инвентарный каталог... С. 227. № 232.

²⁵ Тойтубинский клад 1968 г. (МИУз. Инв. № 392/760—761).

²⁶ Тойтубинский клад 1968 г. (МИУз. Инв. № 392/762).

²⁷ Марков А. К. Инвентарный каталог... С. 228. № 236.

вертикально, сверху вниз). Кругом, между внутренним однолинейным и внешним неясным ободками, Кор.-1.

27. 408/1017—18 г.²⁸

Л. ст. В поле К-2, внизу: «Ал-Кадир би-ллах». Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним линейно-насечным ободками, В-1.

Об. ст. В поле: «Хан./ Ал-А мир... /Ал-А дил.../ Абу-л-Музаффар Арслан/н». Кругом, между внутренним из колечек и внешним линейно-насечным ободками: «Кто познает свою душу, тот познает своего господя; не погибнет тот, кто познает свою судьбу».

28. 408/1017—18 г.²⁹

Л. ст. В поле К-3, В-1 (?) квадратом. Все в двухлинейном ободке.

Об. ст. В поле: «Истина. / Ал-Амир ал.../ ал-А дил?.../ал-...» Кругом, между внутренним двойным и внешним одинарным линейным ободками: «...Мансур б. Али Арслан-хан...»

29. 409/1018—19 г.³⁰

Л. ст. В поле К-1, сверху—буква «айн». Кругом В-1, все в однолинейном ободке.

Об. ст. В поле: «Аллаху!» / Мухаммад — посланник Аллаха. / Ал-Кадир би-ллах. Нур. / ад-Даула ва Шамс ал-Милла / ...» (неясное слово, выбитое вертикально). Кругом, между двумя однолинейными ободками: «Арслан Кара-хакан Абу-л-Музаффар Мансур б. Али Маула Амир ал-Муминин».

30. 410/1019—20 г.³¹

Арслан-хан.

31. 411/1020—21 г.³²

Л. ст. В поле К-1, сверху: «раб» (?). Кругом, между внутренним однолинейным и внешним линейно-насечным ободками, В-1.

Об. ст. Как № 23, но внутренний ободок — двухлинейный.

32. 411/1020—21 г.³³

Л. ст. В поле К-1, сверху и внизу — неясное слово двумя частями. В-1 квадратом, все в линейно-насечном ободке.

Об. ст. Как № 26, но внешний ободок неясен.

33. 411/1020—21 г.³⁴

Л. ст. В поле К-3, сверху: буква «айн». Кругом, между внутренним одинарным и внешним двойным линейным ободками, В-1.

Об. ст. В поле: «Аллаху! / Мухаммад — посланник Аллаха. / Ал-Кадир би-ллах. Нур ад-Даула / Арслан Кара-хакан / Фариси (? Карши ?).

²⁸ Марков А. К. Инвентарный каталог... С. 230. № 256.

²⁹ Обломанный дирхем из Второго Таразскогоклада, хранящегося в Джамбулском областном историко-краеведческом музее.

³⁰ Отдел нумизматики Государственного Исторического музея в г. Москве.

³¹ Федоров М. Н. Баласагун... С. 90. Описание не приведено.

Инв. № 499198.

³² Марков А. К. Инвентарный каталог... С. 227. № 233.

³³ Там же, С. 228. № 237.

³⁴ Там же, С. 239. № 304—305.

Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним линейно-точечным ободками. Кор-1.

34. 412/1021—22 г.³⁵

Л. ст. В поле, как № 4. Кругом, между внутренним однолинейным и внешним неясным ободками, В-1.

Об. ст. Как № 33, но внешний ободок — однолинейный.

35. 413/1022—23 г.³⁶

Л. ст. Как № 33, но дата иная.

Об. ст. Как № 34.

36. 414/1023—24 г.³⁷

Л. ст. В поле К-1, сверху, неясно. Кругом, как № 34, но дата иная.

Об. ст. В поле: «Аллаху! / Мухаммад — посланник Аллаха. / Ал-Кадир би-ллах. Ал-Малик / Арслан-хакан / Нур ад-Даула». Кругом, между внутренним однолинейным и внешним неясным ободками, Кор.-3.

37. 415/1024—25 г.³⁸

Л. ст. Как № 36, но дата иная.

Об. ст. В поле: «Аллаху! / Мухаммад — посланник Аллаха. / Ал-Кадир би-ллах. Ал-Малик / ал-Адил Тонга-хан». Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним таким же (?) ободками, Кор.-1.

38. 415/1024—25 г.³⁹

Л. ст. В поле К-3, сверху: «истина». Кругом, между двумя однолинейными ободками, В-1.

Об. ст. В поле: «Аллаху! / Мухаммад — посланник Аллаха. / Ал-Кадир би-ллах. Ал-Малик / ал-Адил Тонга-хакан / Мухаммад». Кругом, как № 2.

39. 416/1025—26 г.⁴⁰

Л. ст. В поле К-1, сверху: «истина» (?). Кругом, между двумя линейными ободками, В-1.

Об. ст. Как № 38.

40. 417/1026—27 г.⁴¹

Л. ст. В поле К-1, сверху: «Малик», внизу: «ал-Машрик». В-1 квадратом. Ободок неясен.

Об. ст. В поле: «Аллаху! / Мухаммад — посланник Аллаха. / Ал-Кадир би-ллах. Насир / ад-Дин Кадыр-хан / Малик ал-Машрик». Кругом, как № 36.

³⁵ Марков А. К. Инвентарный каталог... С. 239. № 306—307.

³⁶ Там же. С. 239. № 308.

³⁷ Тойтубинский клад 1968 г. (МИУз. Инв. 392/769, 820, 824).

³⁸ Тойтубинский клад 1968 г. (МИУз. Инв. № 392/770, 825, 832).

³⁹ Тойтубинский клад 1968 г. (МИУз. Инв. № 392/886).

⁴⁰ Тойтубинский клад 1968 г. (МИУз. Инв. № 392/831, 833).

⁴¹ Федоров М. Н. Очерк истории Восточных Караханидов конца X — начала XIII в. по нумизматическим данным // Киргизия при Караханидах. — Фрунзе, 1983. С. 137. № 9. Описание дополнено по аналогичному, но не сохранившему единицы в дате экземпляру из собрания Дома-музея С. П. Бородин в г. Ташкенте (инв. № 11284).

41. 422/1030—31 г.⁴²

Л. ст. В поле К-1. Кругом, между внутренним однолинейным и внешним неясным ободками, В-1 (?).

Об. ст. В поле: «Аллаху! / Мухаммад... / Ал-Кафир... / ал-Муаййид... / Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним неясным ободками, Кор.-1.

42. 424/1032—33 г.⁴³

Л. ст. В поле К-1. Кругом, между двумя однолинейными ободками, В-1.

Об. ст. В поле. «Аллаху! / Мухаммад — посланник Аллаха / Ал-Каим би-амри-ллах. / Ал-Малик ал-Адил / Арслан-хан». Кругом, между двумя однолинейными ободками, Кор.-2.

43. 442/1050—51 г.⁴⁴

Л. ст. В поле К-1, сверху: «Насир», слева: «Амир», внизу: «ал-Му-», справа: «минин». Кругом, между двумя линейными ободками, В-1.

Об. ст. В поле: «Аллаху! / Мухаммад — посланник Аллаха. / Ал-Каим би-амри-ллах. Шараф / ад-Даула Фахр ал-Милла». Кругом, между двумя однолинейными ободками, Кор.-2.

44. Год неизвестен⁴⁵

Л. ст. Как № 43, но дата не сохранилась.

Об. ст. В поле: «Амир. / Мухаммад — посланник Аллаха. / Ал-Каим би-амри-ллах. Изз / ад-Дин Шараф ад-Даула / ал-Умара». Кругом, как № 43.

45. Год неизвестен⁴⁶.

Л. ст. Как № 44.

Об. ст. В поле: «Амир. / Мухаммад — посланник Аллаха. / Ал-Каим би-амри-ллах. Изз / ад-Даула Шараф... / ал-Умара». Кругом, как № 43.

46. 448/1056—57 г.⁴⁷

Л. ст. В поле К-1, сверху: «Ба Наср». Кругом, как № 43, но дата не сохранилась,

Об. ст. В поле: «Аллаху! / Мухаммад — посланник Аллаха. / Ал-Каим би-амри-ллах / Ба Наср». Кругом, как № 43.

47. Год неизвестен⁴⁸

⁴² Обломок дирхема из Кукельташского клада, хранящегося в МИУз (КП 486).

⁴³ Марков А. К. Инвентарный каталог... С. 851, № 381а.

⁴⁴ Винник Д. Ф., Федоров М. Н. Два клада караханидских дирхемов с городища Шиш-Тюбе. // Киргизия при Караханидах. — Фрунзе, 1983. С. 73. Описание дополнено по трем найденным в 1941 г. в Узгене дирхемам, хранящимся в Государственном историческом музее КиргССР в г. Фрунзе (КГИМ, б/н); на них, в частности, сохранилось слово, обозначающее десятки в дате.

⁴⁵ Кочнев Б. Д., Федоров М. П. Два клада караханидских дирхемов середины XI в. из Киргизии // Нумизматика и эпиграфика, — М., 1974. Т. XI. С. 192; Винник Д. Ф., Федоров М. Н. Два клада... С. 73.

⁴⁶ КГИМ, б/н.

⁴⁷ Марков А. К. Инвентарный каталог... С. 257, № 409—410; Кочнев Б. Д., Федоров М. Н. Два клада... С. 183.

⁴⁸ Кочнев Б. Д., Федоров М. Н. Два клада... С. 183.

Л. ст. В поле К-1,верху: буква «ха» или «джим». В-1 квадратом.
Об. ст. В поле, в двухлинейном ободке: «Аллаху! / Мухаммад — посланник / Аллаха. Ал-Каим би-амри- / ллах. Ахмад...» Кругом, не сохранилось.

48. 460/1067—68 г.⁴⁹

Л. ст. В поле К-1,верху: буква «айн»,внизу: Йусуф б. Бурхан ад-Даула». В-1 квадратом.

Об. ст. В поле: «Аллаху! / Мухаммад — посланник Аллаха./ Ал-Каим би-амри-ллах. / Тамгач-хан / Ибрахим». Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним неясным ободками, Кор.-3.

Более поздние монеты Куз Орду (Баласагуна) не известны. Правда, М. Н. Федоров не раз упоминал и в конце концов опубликовал дирхемы 461/1068—69 и 462/1069—70 гг., чеканенные, по его утверждению, в Куз Орду⁵⁰. Ссылка дается на хранящийся в музее истории народов Узбекистана Нижнечирчикский клад (КП 280), но в этом кладе вообще нет монет Куз Орду, а в тех пакетиках, на которых рукою М. Н. Федорова написано «Куз Орду», оказались дирхемы других монетных дворов.

Кроме того, М. Н. Федоров упоминает выпущенный от имени Арслан-хана и его вассала Мухаммада б. Насра дирхем, битый, по его мнению, в Куз Орду в 430-х годах хиджры⁵¹. Учитывая, что в наименовании монетного двора читается только слово «Орду» и, что по всем имеющимся данным владения Мухаммада б. Насра ограничивались Ферганой, Ходжендом, Уструшаной и Илаком, мы не считаем возможным включать данный дирхем в число монет Куз Орду (Баласагуна); вполне вероятно, что он чеканен в Орду, Ил Орду или каком-то ином пункте, не тождественном Куз Орду.

Итак, пока уверенно могут быть отнесены к чекану Куз Орду (Баласагуна) только монеты, описанные выше под номерами 1—48. Из них первые 22 номера (дирхемы 394—406/1003—16 гг.) все без исключения несут имя Ахмада б. Али — правителя, который в эти годы был верховным государем Караханидского каганата. По мнению М. Н. Федорова, скорее всего справедливому, Баласагун оказался в руках Ахмада намного раньше, еще в 382/992 гг., сразу же после смерти Бугра-хана Харуна, столицей которого был Баласагун и преемником которого стал Ахмад б. Али⁵². На тех же монетах 394—406/1003—16 гг. помещены лакабы (почетное прозвание) Кутб ад-Даула, Наср ал-Милла и Насир ал-хакк. Первые два прозвания исследователи давно уже относят к Ахмаду б. Али; в правильности такой идентификации окончательно убеждают надписи фельсов Харашкета 405/1014—15 гг.⁵³: оба лакаба вклю-

⁴⁹ Федоров М. Н. Монеты, идущие по следам завоевателей // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. — Фрунзе, 1982. С. 76—79. Рис. 48—49.

⁵⁰ Федоров М. Н. Очерк истории... С. 139, № 28, 29.

⁵¹ Федоров М. Н. Баласагун... С. 91.

⁵² Там же. С. 89—90.

⁵³ Из находок разных лет на городище Канка (Ташкентская область).

чены в круговые легенды об. ст. вместе с именем Ахмада б. Али. Как считает М. Н. Федоров, лакаб Насир ал-Хакк принадлежал либо Ахмаду б. Али, либо его брату Насру, но скорее последнему, почему допускает, что в 394—395/1003—05 гг. в Куз Орду Ахмад признавал Насра своим сюзереном⁵⁴. Невозможность отождествления Насир ал-Хакк Хана и Насра б. Али ясно видна из всего нумизматического материала, известного М. Н. Федорову, но особенно очевидна из надписей дирхема № 20: после имени халифа в поле об. ст. здесь выбито: «Кутб ад-Даула Насир ал-Хакк Кара-хакан Ахмад б. Али», т. е. лакаб Насир ал-Хакк зажат между именем Ахмада б. Али и несомненно принадлежавшим ему почетным прозвищем Кутб ад-Даула, а значит, не может относиться ни к кому, кроме Ахмада.

На дирхемах 399/1008—09 и 400/1009—10 гг. (№11 и 14) в нижней части поля об. ст., после титула Ахмада б. Али, помещено начертанное уйгурским письмом слово, которое, скорее всего, следует читать как «наср». На многих синхронных серебряных монетах Мавераннахра, в том числе чеканенных в те же годы, имя Насра б. Али передано сходным образом. Но в данном случае едва ли это упоминание Насра б. Али: как показывают все имеющиеся нумизматические данные, причем достаточно многочисленные, власть его в те годы не распространялась ни на Шаш с Илаком, ни на Испиджаб, не говоря уже о Таразе. Тем менее вероятно появление его имени на монетах Куз Орду. Если все же считать обсуждаемое слово именем, то оно скорее должно принадлежать какому-то тезке Насра б. Али. С другой стороны, слово «наср», переданное то уйгурским, то арабским письмом, встречается на караханидских монетах XI в. так часто, что позволяет предположить: по крайней мере в некоторых случаях его следует понимать не как имя, а как указание на какую-то «победу» (ср. «нусрат» или «фатх» в том же значении на многих караханидских монетах). Таким образом, правильное оставить вопрос открытым, тем более, что нет полной уверенности в правильности чтения самого спорного слова.

В поле л. ст. дирхема 39° г. х. (№ 12) под символом веры помещено имя Мухаммад. Поскольку и данная монета, и дирхем 394/1003—40 гг. (№ 2) биты одним реверсным штемпелем, возможно, они относятся к одному году. Судя по монетам, в этом году второй брат Ахмада, б. Али Мухаммад, уже владел расположенным сравнительно недалеко Таразом⁵⁵ (на месте современного Джамбула). Тем легче, казалось бы, допустить, что именно он упомянут на дирхеме № 12. Возможны, однако, и иные решения. При большой популярности и широкой распространенности имени Мухаммад в данном случае оно может относиться не к Мухаммаду б. Али, а какому-то его тезке. Не исключено даже, что это еще одно упоминание пророка. Правда, для имени

⁵⁴ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце X—начале XI в. // Нумизматика и эпиграфика. — М., 1972. Т. X. С. 137—139, 141.

⁵⁵ Фасмер Р. Р. Куфические монеты Переяславского клада // Изв. ИАК. — Пг, 1914. Вып. 51. С. 36. № 10.

пророка такая позиция необычна (он всегда упоминается на об. ст.), но не более чем помещение здесь же слова «Аллаху!», которое принято проставлять в поле реверса. Таким образом, и вопрос о принадлежности имени Мухаммад на дирхеме № 12 приходится оставить открытым.

Столь же неясен вопрос о слове, помещенном в нижней части поля л. ст. дирхема 399/1008—09 гг. (№ 11), которое мы читаем как «джаухар». Оно могло быть личным именем (так звали, например, известного фатимидского полководца), но ввиду чрезвычайной редкости такого имени более вероятно, что это существительное со значением «драгоценность», призванное, возможно, удостоверить высокопробность, полноценность монеты.

Как показывают рассмотренные монетные данные, нельзя исключать возможность того, что временами Ахмад б. Али на очень короткий срок передавал часть власти над своей столицей, Баласагуном, своим вассалам. Но более вероятно иное: в отличие от других караханидских владений, на которые распространялся сюзеренитет Ахмада, Баласагун при нем постоянно оставался целиком в руках верховного государя.

Согласно письменным известиям, Ахмад б. Али скончался в 408/1017—18 г.⁵⁶ Еще за несколько лет до этой даты против него выступил третий его брат, Мансур, начал борьбу за верховный престол и не позже 405/1014—15 г. принял титул Арслан-хан⁵⁷. Уже в 406/1015—16 г. Мансур овладел столицей Ахмада Баласагуном: на одном из дирхемов Куз Орду 406/1015—16 г. (№ 22) упомянуто Ахмад б. Али, на других (№ 23—25) — Арслан-хан Мансур. Выпущенные здесь монеты последнего доходят до 414/1023—24 г., но он, несомненно, владел Баласагуном и часть следующего, 415/1024—25 г., на который приходится кончина Арслан-хана. На его монетах Куз Орду нет упоминаний других правителей. Правда, на дирхемах 411—413/1020—23 гг. (№ 33—35) в нижней части поля об. ст. помещено слово, которое следует читать либо как «карши» (тюрк. «дворец»), либо «Фариси», понимая последнее как нисбу. Даже если принять второй вариант, то носитель этой нисбы не мог принадлежать к числу Караханидов, а следовательно, не был владельцем Баласагуна.

После смерти Мансура б. Али верховная власть в государстве перешла к представителю другой ветви правящего дома — Тоган-хану Мухаммаду б. ал-Хасану⁵⁸. На монетах Куз Орду 415—416/1024—26 гг.,

⁵⁶ Федоров М. Н. Политическая история... С. 145.

⁵⁷ М. Н. Федоров (Политическая история... С. 136—137) относил этот титул к Мухаммаду б. Али, однако монетные данные не оставляют сомнений в принадлежности титула Арслан-хана именно Мансуру б. Али (см.: Кочнев Б. Д. К идентификации некоторых раннекараханидских титулов и лакабов // История и археология Средней Азии. — Ашхабад, 1978. С. 221).

⁵⁸ О Тоган-Хане и других Хасанидах см.: Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии // ИМКУ. — Ташкент, 1979. Ч. 2. Вып. 15. С. 123—138; Он же. Новые данные по генеалогии и хронологии Караханидов. Фольклор, литература и история Востока // Материалы III Всесоюз. тюрколог. конф. — Ташкент, 1984. С. 370—371.

где он назван Тонга-ханом или Тонга-хаканом, нет упоминаний его васалов, из которых самым известным и могущественным был его брат Али б. ал-Хасан (так называемый Али-тегин). В это время в борьбу за верховную власть в Караханидском государстве вступил их брат Кадыр-хан Йусуф, до того владевший западной частью Восточного Туркестана. В союзе с Махмудом Газнави и с его помощью Йусуф одолел Мухаммада и вытеснил его из Баласагуна. Как показывают монеты (см. № 39—40), это случилось в 416/1025—26 или 417/1026—27 г. Дирхемы 417/1026—27 г. выбиты от имени одного Кадыр-хана Йусуфа (титул Малик ал-Машрик принадлежал ему же), сохранность дирхема 422/1030—31 г. (№ 41), выпущенного при жизни Йусуфа, не позволяет восстановить проставленную на нем титулатуру.

После смерти Кадыр-хана (423/1031—32 г.) верховная власть перешла к его сыну Арслан-хану Сулейману, уже в 424/1032—33 г. выпустившему в Куз Орду дирхем (№ 42) с упоминанием Арслан-хана. Если атрибуция этих монет сомнений не вызывает, то с дирхемами № 43—45 дело несколько сложнее, поскольку на них нет ни личного имени, ни тюркского титула, проставлена только арабская титулатура: Насир Амир ал-Муминин — на л. ст. и Шараф ад-Даула Фахр ал-Милла или Изз/ад-Дин Шараф ад-аула Амир ал-Умара — на об. ст. М. Н. Федоров всю эту титулатуру относит к Арслан-хану⁵⁹ и, очевидно, справедливо. Следует обратить внимание на неустойчивость по крайней мере некоторых компонентов этой титулатуры: то Изз/ад-Дин Шараф ад-Даула (№ 44), то Изз/ад-Даула Шараф... (№ 45) (ср. титулатуру современника Арслан-хана — Арслан-илека: то Шамс ад-Даула, то Шамс ад-Дин). Идентичность надписей л. ст. монет № 43—45 свидетельствует об их хронологической близости, т. е. дирхемы № 44—45, не сохранившие даты, выпущены, как и монеты, описанные под № 45, в 442/1050—51 г. или около этой даты.

Более поздние монеты, чеканенные в Куз Орду Арслан-ханом Сулейманом, до нас не дошли, хотя он оставался верховным государем еще несколько лет. По данным письменных источников, в конце правления в ходе междоусобной войны он был взят в плен своим братом Бугра-ханом Мухаммадом, к которому перешли и его владения; через 15 месяцев, в 449/1057 — 58 г., жена Мухаммада уничтожила обоих братьев и нескольких родственников мужа, посадив на престол своего сына Ибрагима⁶⁰. К этому смутному времени относятся дирхемы Куз Орду 448/1056—57 г. (№ 46) с упоминанием Ба Насра.

По мнению М. Н. Федорова, это был наместник или удельный владетель Баласагуна, который сохранял нейтралитет в междоусобной

⁵⁹ Винник Д. Ф., Федоров М. Н. Два клада... С. 73—74.

⁶⁰ Ибн ал-Асир. Китаб ал-камил фи-т-тарих / Извлечения в пер. с ар. К. Б. Старковой // Материалы по истории киргизов в Киргизии. — М., 1973. Вып. I. С. 59; Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Соч. — М., 1963. Т. II. Ч. I. С. 44; М. Н. Федоров (Баласагун... С. 92) вместо Ибрахима ошибочно называет Хусейна.

борьбе, иначе он бы признал себя вассалом одного из братьев⁶¹. При этом не принята во внимание совсем иная возможность: поскольку на этих дирхемах нет упоминания Арслан-хана, к началу междоусобицы определенно владевшего Баласагуном, скорее всего, они выпущены уже после того, как он попал в плен. Опубликовав дирхемы Куз Орду с не сохранившейся датой и именем Ахмад, М. Н. Федоров и автор этих строк предположили, что Ба-Наср — это кунья (патронимическое имя) Ахмада, мелкого самостоятельного правителя⁶². В надписях караханидских монет такая усеченная, совпадающая с винительным падежом форма куньи, хотя и исключительно редко, но все же встречается: Ба Салих — на фельсах Илака 387—388/997—998 гг., Аба Али — на тункетском фельесе 412/1021—22 г.⁶³ Таким образом, в предположении о тождестве Ахмада и Ба Насра ничего невозможного нет.

Менее удачной представляется характеристика этого правителя как «мелкого». Как видно из изложенного выше, на протяжении многих десятилетий Баласагун, что вполне естественно, находился в руках верховных государей, скорее всего, вообще не передававших его вассалам. Кроме того, из анализа всего предшествующего и синхронного караханидского нумизматического материала с несомненностью явствует, что самостоятельный чекан дирхемов могли осуществлять только достаточно значительные владельцы, к числу которых, следовательно, должен быть отнесен и Ахмад. Очевидно, он идентичен упомянутому на тункетских дирхемах 444/1052—53 г. Сана ад-Даула Арслан-тегину Ахмаду б. Мухаммаду⁶⁴, приходившемуся, судя по «отчеству», сыном Бугра-хану Мухаммаду. Ибн ал-Асир, безусловно ошибочно, называет Арслан-тегина братом последнего в важном для нас рассказе о произведенном в 435/1043—44 г. Арслан-ханом разделе государства, когда Арслан-тегин получил «многое из Страны тюрок»⁶⁵. Данное свидетельство серьезного его политического веса вполне подтверждается показаниями монет, в надписях которых он назван то Шамс ад-Даула Арслан-тегином, то Шамс ад-Даула Арслан-илеком⁶⁶; дирхемы Барсхана 448—449/1056—58 гг.⁶⁷ и Уча 448/1056—57 г.⁶⁸ выбиты только от его имени.

Учитывая географическую близость Барсхана и Баласагуна (по прямой — несколько более 200 км), следует считать еще большей вероятностью, что в 448—449/1056—58 гг., после пленения Арслан-хана,

⁶¹ Федоров М. Н. Баласагун... С. 91—92.

⁶² Кочнев Б. Д., Федоров М. Н. Два клада... С. 193.

⁶³ Кочнев Б. Д. Шаш (Чач) и Илак при Караханидах // Древняя и средневековая культура Чача. — Ташкент, 1979. С. 116, 139.

⁶⁴ ГИМ. Инв. № 499336, 499337.

⁶⁵ Ибн ал-Асир. Китаб ал-камил фи-т-тарих. С. 60.

⁶⁶ Кочнев Б. Д., Федоров М. Н. Два клада... С. 194—195.

⁶⁷ Там же. С. 182.

⁶⁸ Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. I (Саманиды, Караханиды, Джаниды). Вып. 14. С. 125.

Баласагун принадлежал Ахмаду б. Мухаммаду. Скорее всего, к одной из этих двух дат надо относить и дирхемы Куз Орду с именем Ахмада: монеты Арслан-тегина (Арслан-илека), битые позже 449/1057—58 г., вообще не известны. Вполне возможно, он оказался в числе тех родственников Бугра-хана, которые были в 449/1057—58 г. отравлены его женой. Возведенный ею на престол, Ибрагим б. Мухаммад через несколько лет погиб, после чего опять начались междоусобия. Ими воспользовался сын завоевателя Мавераннахра Насра б. Али Абрахим б. Наср, который около 431—433/1039—42 гг. захватил Мавераннахр и создал здесь совершенно независимый от Баласагуна Западно-караханидский каганат с центром в Самарканде⁶⁹; с этого времени Баласагун утратил роль общегосударственной столицы, оставшись лишь стольным городом Восточно-караханидского каганата. После 450/1058—59 г. Ибрагим б. Наср занял Фергану, Шаш и Испиджаб, а затем и Баласагун. Дошедший до нас дирхем Ибрагима, битый в Куз Орду, датируется 460/1067—68 г. — последним годом его жизни, но время захвата им Баласагуна он, конечно, не открывает. Ясно лишь, что к концу жизни власть Ибрагима распространялась на столицы обоих караханидских каганатов — и Западного, и Восточного.

Многочисленные, представленные большим числом типов дирхемы Ибрахима б. Насры самаркандского чекана выпущены только от его имени, тогда как на дирхеме Куз Орду упомянут также его наместник — Йусуф б. Бурхан ад-Даула. Очевидно, и после захвата Баласагуна главной столицей Ибрахима оставался Самарканд. По поводу личности Йусуфа М. Н. Федоров в 1975 г. высказал предположение, что это внук Ибрахима б. Насра, поскольку «на одной из своих монет сын Ибрахима Хизр-хан имеет лакаб Бурхан ад-Даула»⁷⁰. Позднее, в 1978 г., М. Н. Федоров опубликовал этот дирхем, на л. ст. которого по сторонам символа веры проставлены слова «гийас» (сверху), «бурхан» (снизу) и «ад-даула» (справа и слева — двумя частями), однако теперь лакабом Хизра он назвал Гийас ад-Даула⁷¹. При этом публикатор не оговорил, следует ли считать ошибочной его прежнюю точку зрения о происхождении Йусуфа, но, похоже, что именно так, тем более, что в публикации дирхема Куз Орду 460/1067—68 г. (1982 г.) вопрос о происхождении этого правителя вообще не затронут. Между тем, пожалуй, стоит вернуться к этой точке зрения: в рассказе о том, как в 467/1067 г. Караханиды были выбиты Сельджукидом Малик-шахом из Термеза, Хондамиром упоминает Бурхан ад-Даула Тегина⁷², который, очевидно,

⁶⁹ Давидович Е. А. О двух караханидских каганатах // Народы Азии и Африки. 1968. № 1. С. 69—74.

⁷⁰ Федоров М. Н. Баласагун... С. 92.

⁷¹ Федоров М. Н. Новые данные к истории Караханидского государства последней четверти XI в. // История и археология Средней Азии. — Ашхабад, 1978. С. 174—175.

⁷² Не имея возможности обратиться к самому тексту «Дастур ал-вузара», мы воспользовались выдержкой из этого сочинения Хондамира, приведенной в обширном и очень ценном «караханидском» комментарии Саида Нафиси к его изданию «Истории Масуда» (Т. III. С. 1267).

идентичен, участвовавшему в этих событиях, Буга-тегину Хизру⁷³, сыну Ибрахима б. Насра. Конечно, преждевременно настаивать на том, что Йусуф приходился сыном Хизру и внуком Ибрахиму, но ничего невозможного в этом нет: Наср, отец последнего, умер еще в 403/1012—13 г., сам Ибрахим был владельцем Илака еще в 408/1017—18 г.⁷⁴, а в 460/1067—68 г. находился в преклонном возрасте и вполне мог иметь взрослых внуков; его внук Ахмад б. Хизр вступил на самаркандский престол около 473/1080—81 г.

Дирхем 460/1067—68 г. — последняя известная монета Куз Орду. Очевидно, около этой даты чекан в Баласагуне вообще прекратился. А поскольку этот город, как мы знаем из рукописных источников, и позднее оставался столичным, причины прекращения здесь монетного чекана следует искать в тех кризисных явлениях, которые охватили Семиречье в результате перепроизводства медно-свинцовых дирхемов неправильной чеканки.

В. Н. Насич

К ЭПИГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БАЛАСАГУНА

(Анализ изданных надписей
и новые находки)

Еще сравнительно недавно А. Н. Бернштам писал о том, что «мусульманских кайраков в Семиречье почти нет»¹. Действительно, намогильные памятники средневековья с арабскими и персидскими надписями, широко распространенные почти повсеместно в Средней Азии, очень редко встречаются к северу от Киргизского и Заилийского Алатау. Тем более впечатляющим и обнадеживающим выглядит на этом фоне регулярное обнаружение в последние годы новых камней с эпитафиями на городище Бурана.

В 1983 г. в сборнике «Киргизия при Караханидах» были опубликованы четыре из семи известных тогда средневековых эпитафий арабского письма из Чуйской долины². В предлагаемой статье, задуманной как непосредственное продолжение предыдущей (сохраняя и начатую в ней нумерацию кайраков), рассматриваются еще шесть памятников:

⁷³ Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар ал-даулат ас-селджукийя / Изд., пер., введ. и прилож. З. М. Бунятова. — М., 1980. С. 67, 197, 198.

⁷⁴ Кочнев Б. Д. Шаш (Чач) и Илак... С. 139—140.

¹ Бернштам А. Н. Памятки старины Таласской долины. — Алма-Ата, 1941. С. 57. Он же. Новые эпиграфические находки из Семиречья // ЭВ. 1948. Вып. 2. С. 112.

² Насич В. Н. Арабские и персидские надписи на кайраках с городища Бурана // (кайраки 1 и 4 по моей публикации) также изданы: Джумагулов Ч. Эпиграфика (кайраки 1 и 4 по моей публикации) также изданы. См.: Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. — Фрунзе, 1982. Вып. 2. С. 156—157 и 287—288. Табл. СІХ—СХ (памятники № 1 и 2).

№ 5 и 6, соответствующие № 3 и 5 издания Ч. Джумагулова³;

№ 7, из числа «около десяти кайраков»⁴, найденных археологом Д. Ф. Винником в 1970—1975 гг. Публикуется по фотоснимку, переданному мне В. А. Лившицем в 1977 г.^{4а};

№ 8 и 9, обнаруженные в районе городища местными жителями в 1982 и 1983 гг.⁵;

№ 10, выявленный археологом Л. М. Ведутовой в 1984 г. Публикуется по фотоснимку.

Кроме того, в связи со значительной библиографической редкостью первеиздания арабского текста и сводным характером настоящей работы, здесь предпринимается новое издание текста⁶ и перевода⁷ не дошедшей до нас в оригинале эпитафии Мухаммада факиха Баласакуни, как она приведена в сочинении Мухаммада Хайдара «Та'рих-и Рашиди» (XVI в.). Эта эпитафия, впредь до возможного обнаружения подлинника, пока оставлена без порядкового номера. Прежний перевод ее пересмотрен и снабжен предметно-филологическим комментарием.

Таким образом, считая и литографии с двух кайраков из Токмака, изданные в 1889 г.⁸, сегодня мы располагаем текстами не менее тринадцати эпитафий арабского письма с территории средневекового Ба-

³ Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. С. 157—159, 289—291. Табл. СІХ (снимок 1 перевернут) и СХІІІ. Приведенные ниже чтения и переводы сделаны мною (№ 5 — по оригиналу, № 6 — по снимку и «прориси» в указанном издании).

В разделе «Буранинские памятники» Ч. Джумагулов поместил еще один кайрак (№ 4), хранящийся ныне во Фрунзенском историческом музее, датированный 870/1465—66 г. (а не 890/1486 г., как предлагается в переводе на с. 159). Он причислен к буранинским, очевидно, по ошибке. В августе 1982 г. у мазара в с. Таджик-кишлак Наукатского района Ошской области мною обследован и снят на пленку «родной брат» этой эпитафии, по всем признакам (почерк, орфография, лексика, композиция и оформление надписи, одинаковая «семейная» нисба *Хубани* (?), а также сравнительно близкая дата 844/1440—41 г.), вероятно, изготовленный тем же мастером XV в. Мне представляется, что «буранинский памятник № 4», изданный в «Эпиграфике Киргизии», тоже происходит из района Янги-Науката, кроме всего прочего, еще и потому, что ко времени его изготовления (вторая половина XV в.) город Баласагун уже лежал в развалинах.

⁴ Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. С. 156; *Настич В. Н.* Арабские и персидские надписи... С. 223. Прим. 11.

^{4а} Во время подготовки уже набранного текста статьи к верстке мне стало известно, что этот памятник издается в виде двух прорисовок (без чтения) в очередном выпуске «Эпиграфики Киргизии». См.: Джумагулов Ч. Указ. работа. — Фрунзе, 1987. Вып. 3. С. 70, «памятник № 7»; С. 144. Табл. XX. Рис. 5, 6.

⁵ Пользуюсь случаем выразить признательность В. М. Плоских и Э. Тюреканову за предоставленную возможность ознакомиться с эпиграфическими экспонатами Буранинского музея-заповедника в декабре 1983 г.

⁶ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. — СПб., 1864. Ч. 2. С. 162—163.

⁷ Там же С. 162; *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью 1893—1894 гг. // Соч. — М., 1966. С. 55.

⁸ Древности Восточные. Труды Восточной комиссии при имп. Московском археологическом обществе. — М., 1889. Т. I. Вып. I. Табл. VI, № 1а—б. 2. О содержании надписей см.: Там же. Протоколы. С. 20; *Настич В. Н.* Арабские и персидские надписи... С. 223.

ласагуна. Темпы роста числа эпиграфических памятников⁹ позволяют надеяться, что этот ценный источник по истории Семиречья в скором времени пополнится новыми находками.

Кайрак 5 (по Ч. Джумагулову, «памятник № 3»). Продолговатый округлый валун темно-серого со стальным оттенком цвета. Надпись из 9 строк, последняя из которых состоит из одного слова. Почерк — непрофессиональный ранний насх с сильным влиянием стиля куфи, простых угловатых очертаний, с редкой диакритикой: три точки выбиты под буквой *син* в слове *ал-мастура* (стк. 2), полностью пунктирован лакаб в начале стк. 6. Искажена графика предпоследней строки (имя исполнителя надписи). Без обрамления. Эпитафия не датирована, по палеографическим данным относится ко второй половине XII в.

- (1) هذه (!) قبر الكريمة
 (2) المستورة العالمة
 (3) الزاهدة الصالحة
 (4) غيفة محصنة حجابة
 (5) بنت محمد وهذه تعرف بنت (?)
 (6) بتاق ابا نور الله مضجعها
 (7) غفر الله لها ولوالديها
 (8) الكاتب ابنها (!) نور (?) الدين بن
 (9) عماد

- 1) Это^а могила великодушной,
 2) целомудренной^б, просвещенной,
 3) праведной^в, благочестивой,
 4) добродетельной, высоконравственной^г Хаджжаджи^д
 5) дочери Мухаммада, — а эта [женщина] известна [как] дочь (?)^е
 6) Бутак-Аба (?)^ж, да озарит Аллах ее ложе^з,
 7) да простит Аллах ее и [обоих] ее родителей!
 8) Написавший [это] — сын ее^и Нур (?) ад-дин^к сын
 9) 'Имада^л.

а) В форме жен. р. *хазиhi* вместо правильного грамматически муж. р. *хаза*.

б) Букв. 'закрытой [покрывалом]' — эпитет, отражающий мусульманский обычай закрывать лицо женщины паранжой (араб. *ситр* или *ситар* от того же корня; частичные синонимы — *бурку*, *химар*, *никаб* и др.; перс. *чаимбанд*, от него искаженное чачван; кирг. *буркөнчөк*); отсюда и имя собственное *Мастура*.

⁹ Очерк истории открытия и изучения буранинских эпитафий см.: Горячева В. Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан). — Фрунзе, 1983. С. 24, 62—64; Насиш В. Н. Арабские и персидские надписи... С. 221—223.

в) Эпитет *аз-зэхид* может указывать на принадлежность усопшей к суфийской среде: в специальном значении 'аскет, подвижник' он является одним из синонимов суфия. *Зэхидами* называли себя самые ранние приверженцы исламского мистицизма.

г) Два последних эпитета, в отличие от предыдущих, употреблены без определенного члена *ал-*.

д) Морфологическое согласование слова *хаджежаджа* с двумя предыдущими (в неопределенном состоянии) оставляет некоторые сомнения в восприятии его как имени собственного; оно может быть еще одним эпитетом покойной с лексическим значением '[многократная] паломница'¹⁰. В качестве аналогии можно указать на отсутствие личных имен в других женских эпитафиях с территории Киргизии, тоже относящихся к домонгольской эпохе, где покойные названы просто «дочь 'Али», «жена Махмуда», «дочь Пусуфа»¹¹. Правомерность такого допущения подкрепляется и упоминанием прозвища «дочь Бутак-Аба» (стк. 6—7; или «Так-Аба» — см. ниже, прим. «ж»), под которым ее знали при жизни и которое могло заменять ей в быту имя собственное. Последний факт, безотносительно к трактовке слова *хаджежаджа*, недвусмысленно указывает на то, что и среди мусульманского населения средневекового Семиречья было распространено табуирование личных имен — феномен, известный у многих народов с глубокой древности.

е) Слово *бинт* 'дочь', возможно, выбито позднее, чем остальная надпись: оно помещено над строкой, изображено более мелким шрифтом и не вписывается в пределы текстового поля. Кроме того, при нем отсутствует предлог *би-*, необходимый для синтаксического управления предыдущего глагола *ту'раф*.

ж) Несмотря на полную диакритику, этот лакаб читается без полной уверенности из-за неясности его этимологии и грамматических погрешностей (см. выше); настаивает и двукратное (в текстуальном восприятии) упоминание отца покойной. Мне кажется, что вставкой *бинт* в конце стк. 5, рассмотренной в прим. «е», можно было бы пренебречь как ошибочной, тогда устраняется нарушение синтаксиса: «пропущенным» предлогом оказывается первая буква при лакабе, который в этом случае читался бы *Так-Аба* и относился бы не к отцу покойной, которого звали Мухаммад, а к ней самой, что в контексте эпитафии выглядело бы гораздо логичнее. Между прочим, оба форманта этой последней версии зафиксированы в тюркской ономастике средневековой Средней Азии: ср. имена Айтак¹² и Ай-Аба¹³.

з) Один из многочисленных метонимов для понятия 'могила'.

и) Единственно возможное чтение при данной графике, хотя эти два слова по-

арабски выражаются посредством энклитической связки и пишутся слитно:

بنات

к) Первая часть имени с формантом *ад-дин* сильно искажена: зубец в начале этой односвязной графемы характерен для букв типа *ба/ну*; следующий знак в виде неправильной замкнутой петли представляет собой нечто среднее между *вав* и медiallyм *джим/ха* и завершается дугообразным окончанием, отходящим вниз налево (буква *ра*). Исходя из такого начертания, возможны и другие, хотя и сомнительные чтения этого имени — *Хайр ад-дин* либо *Фахр ад-дин*. (Дополнительные соображения в пользу вероятности последней версии см. ниже, прим. 37).

¹⁰ Ср.: Мухтаров А. М. Эпиграфические памятники Кухистана (XI—XIX вв.). — Душанбе, 1978. Кн. 1. С. 61.

¹¹ Пантисов Н. Кладбище на р. Кунгей-Аксу (Пржевальский уезд Семиреченской области) близ с. Сазановка // Протоколы ТКЛА, год. 11. — Ташкент, 1906. С. 12, 16; Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. С. 84. Памятник № 13 (с. Янгй-Наукаш Ошской области).

¹² Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. — М., 1963. Т. 1. С. 398—399. Ср. также женское имя *Так-бильды-ханым* в эпитафии 1017/1608 г. из Касимова. См.: Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях... С. 493.

¹³ Садр ад-дин 'Али ал-Хусайни. Ахбар ад-даулат ас-селджуккийя / Изд. текста, пер., введ., прим. и прилож. З. М. Буниятова. — М., 1980. С. 254 (указатель имен).

л) Сокращенная форма имени *Имад ад-дин*. Подобные усечения, очевидно, достаточно распространенные в домонгольской Средней Азии, известны как по нарративным источникам¹⁴, так и в эпиграфике¹⁵.

Ка й р а к 6 (по Ч. Джумагулову, «памятник № 5»). Публикуется вновь по фотоснимку и эстампажу, воспроизведенным в «Эпиграфике Киргизии»¹⁶. Почерк надписи — куфи позднего стиля, в котором наметились отдельные элементы насха¹⁷; визуально близок почерку предыдущего кайрака. Текст из 5 строк без обрамления. Без даты, по палеографии может относиться ко второй половине XII в.

١) بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ
٢) هٰذَا قَبْرُ مَعْلٰی اِبْنِ مُحَمَّدِ اِبْنِ
٣) عِثْمَانَ اِبْنِ عَبْدِ الرَّحْمٰنِ الْبَدِخْشَانِیْ
٤) رَحِمَہُمُ اللّٰهُ نُوْرُ اللّٰهِ مُضْجِہِ
٥) فَخْرُ الرَّسَیْدِیْنِ مِنَ الْمَلَقِبِ بَرہَانَ الدِّیْنِ

- 1) Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
- 2) Это могила Му'алла^а сына Муаммада сына
- 3) 'Усмана сына 'Абд ар-Рахмана ал-Бадахшани —
- 4) да помилует их [всех] Аллах! — да озарит Аллах его ложе^б.
- 5) Фахр ад-дин, прозванный Бурхан ад-дином^в.

а) Редкое имя, образованное по той же парадигме, что и *Мухаммад* (прич. пасс. зал. II породы) и тоже со скрытой теофорной семантикой — 'возвеличенный [Аллахом]'¹⁸.

б) См. прим. «з» к кайраку 5.

в) Упоминание автора (исполнителя) надписи. Здесь любопытно, что его имя собственное как по форме образования, так и семантически равноценно лакабу (букв. 'слава/гордость веры' и 'аргумент веры'). При слове *бурхан* пропущен предлог *би-*, которым управляет причастие *ал-мулаккаб*.

¹⁴ Джамал ал-Карши. Мулхакат ас-Сурах. Рукопись ИВ АН СССР В 514. Л. 52а; рукопись С 286. Л. 62а; Боровков А. К. Очерки по истории узбекского языка // СВ. 1948. Вып. 5. С. 238—239; Nicholson R. A. Tibrizi. // EI, 1929. Vol. 4. Fasc. L. P. 744—745.

¹⁵ Горячева В. Д., Настич В. Н. Эпиграфические памятники Узгена XII—XX вв. // Киргизия при Караханидах. — Фрунзе, 1983. С. 159—160 (кайрак 7) и 180—181 (кайрак 17; ср.: Стори Ч. А. Персидская литература: Библиографический обзор. — М., 1972. Т. 2. С. 788, 815—816).

¹⁶ Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. С. 291. Табл. СХIII.

¹⁷ Ч. Джумагулов считает этот почерк насхом. Там же. С. 159.

¹⁸ Ср. эпитет при имени сейида амира Хайдара ал-Мутатаббига в сочинении Джамала ал-Карши «Мулхакат ас-Сурах» (рук. ИВ АН СССР С 286. Л. 64а), приведенный в рукописи с *шаддой* и *фатхой* над последним *ламом*. Форма Му'алли (очевидно, с долгим *и* на конце, хотя фонетические знаки в переводе Ч. Джумагулова на с. 159 в этом слове не проставлены), имеющая значение акт. зал. 'возвеличающий', в качестве имени собственного для мусульманина невозможна.

К а й р а к 7. Удлиненный плоский камень подпрямоугольных очертаний с сужением внизу справа. Надпись из 8 строк грубым поздним куфи без диакритики, с сильными графическими искажениями отдельных букв и целых слов. Строки разной высоты, не выдержаны по горизонтали. Первая строка почти полностью сбита, повреждены многие слова в других местах текста. Дата в надписи отсутствует, но по всем признакам эпитафия относится к домонгольскому времени.

Плохое качество и дефектность памятника препятствуют полной и однозначной расшифровке по единственному снимку, имеющемуся в моем распоряжении, поэтому предлагаемые чтения и перевод эпитафии следует считать предварительными.

- (1) ... سلام ... سر (?)
 (2) عمر ابن الكاسد العر ... (?)
 (3) نوار (?) قرا القرآن حسن (?)
 (4) اناب دما (?) الرحمن
 (5) وطرد الشيطان
 (6) وامات الذنوب
 (7) ونور للقرب سواد (?)
 (8) رجات (?) رحمه الله

- 1) ... (?)
- 2) Умар сын ал-Катиба (?) ал-К.р... (?)
- 3) просветитель чтецов Кур'ана, ... (?)
- 4) молил о прощении ... (?) всемилостивого
- 5) и изгонял сатану,
- 6) и подавлял прегрешения,
- 7) и освещал ближним темноту (?)
- 8) ожидания (?), да помилует его Аллах!

Лексический комментарий к этой надписи, почти все слова которой разбираются без полной уверенности, считаю преждевременным. Кажется, что исполнитель эпитафии не только плохо владел арабским письмом, но и слабо знал язык в целом.

К а й р а к 8. Крупный камень овальной формы с «выемкой» на левой стороне относительно надписи серо-розового цвета с кофейным оттенком. Надпись в 4 строки крупными буквами необычных очертаний, без диакритики. Стиль письма можно определить как неразвитый ранний насх с элементами куфи, в котором заметно влияние навыка письма в какой-то другой письменности (может быть, сирийской или уйгурской?). Текст заключен в простую прямоугольную рамку с ромбовидным зубцом наверху.

Найден в 1983 г. на берегу р. Кегети при выработке карьера на территории лесхоза близ с. Рот-Фронт.

- (1) Это могила^а
- (2) Махúр[ы]^б
- (3) дочери^в
- (4) Ма́хира.

- (1) هذا القبر (1)
- (2) مبر (2)
- (3) بنت (3)
- (4) ماهر (4)

а) Передано с ошибкой: слово *кабр* снабжено буквой *лам* от артикля (который по грамматике здесь не нужен), но без первого *алифа*, видимо, «совпавшего» с последней буквой слова *хаза*.

б) Графика имени сомнительна: третья буква изображена в нестандартной форме с зубцом снизу и не пунктирована, поэтому допустимы и другие варианты чтения (напр., *Михтар* > перс. 'старший/ая'), либо в той же графике, но с другой огласовкой (*Мухайр* > араб. 'жеребенок'; ср. кирг. *кулун* — ласковое обращение к молодым людям независимо от пола, а также женское зоофорное имя одного ряда с *Бота*, *Марал*, *Тайлак* и др.). Я предпочел бы версию, употребленную в тексте перевода, на том основании, что имена дочери и отца, судя по их консонантному составу, скорее всего, происходят от одного корня (араб. *МХР со значением 'махр, калым'); имя отца в таком случае может иметь лексическое значение 'платящий/назначающий калым', а дочери (в форме «вырожденного» причастия пасс. зал.) — 'та, за которую платят [большой] калым'. В последнем значении это слово должно быть в формальном женском роде с окончанием *та марбута* (каковым, очевидно, и является небольшое углубление в камне над буквой *ра*) и иметь вид *Махíра*¹⁹.

в) Передано в необычной для подобных оборотов форме и с ошибкой в графике — *ибнат*, с открытым *та* вместо *та марбута* (должно быть *бинт*). Это и другие нарушения орфографии, а также отмеченные выше лексические и палеографические вольности определенно свидетельствуют о том, что исполнитель надписи не отличался глубокими познаниями в арабском языке и письме.

Кайрак 9. Плоский широкий валун, сильно сужающийся углом вниз с «выемкой» слева, темно-серого с синеватым оттенком цвета. Надпись из 6 строк некаллиграфическим, но ровным и аккуратным почерком иджаза, с редкой диакритикой (точки проставлены лишь в нескольких случаях и не везде правильно) и отдельными огласовками. Текст охвачен михрабовидной аркой в одну линию с тремя переплетениями и фестонами вверху, «скрипичным» изломом в средней части и расходящимися горизонтальными чертами внизу против стк. 5.

Найден в 1982 г. возле мостика на современной обводной дороге, идущей вдоль древней крепостной стены по северной стороне городища, недалеко от музея «Бурана». Осмотрен и снят мною и Б. А. Дуйшеевым в декабре 1983 г.

Этот надмогильник примечателен тем, что он является первым и пока единственным тюркоязычным эпиграфическим памятником арабского письма из Средней Азии XIII в.²⁰ Краткие сведения о нем опубликованы в сборнике докладов на Бартольдовских чтениях и междуна-

¹⁹ [Ма'луф Луис]. ал-Мунджид фи-л-луга. 20-е изд. — Бейрут, 1969. С. 777.

²⁰ До сих пор вся известная по среднеазиатским эпиграфам XI—XV вв. тюркская лексика была представлена лишь отдельными именами и титулами, включенными в арабский (реже персидский) текст.

родной конференции МАИКЦА (Алма-Ата, сентябрь 1985 г.)²¹; полностью издается впервые.

На каком из местных тюркских наречий средневековья составлена эпитафия, сказать трудно, прежде всего из-за недостаточности средств арабской графики для передачи богатого тюркского вокализма. Квалифицированное заключение о конкретной языковой принадлежности памятника, равно как и подробный грамматический и лексический анализ, сделают, очевидно, специалисты-тюркологи, каковым автор этих строк себя не считает. Поэтому, хотя особых сложностей в надписи не видно, от грамматических комментариев воздерживаюсь.

В русском переводе невозможно сохранить оригинальный порядок строк вследствие синтаксических несоответствий, поэтому перевод дается сплошным текстом.

(1) بو تربت اماكجي على

(2) اغلى عمرنك ترور

(3) تاريخ التى يوز اوج

(4) يلى تركچا بيجين

(5) يلى باردى دعادا

(6) ياد قلمون لار

1—6) Это могила 'Умара, сына хлебопека^а 'Али. Умер по [мусульманскому] летосчислению в шестьсот третьем году, по-тюркски — в год обезьяны^б. Пусть [его] помянут в молитве!²²

а) Выбито без точек при второй букве, поэтому возможны несколько вариантов чтения — *атмакчи*, *апмакчи* и *имакчи* (транскрипция гласных условная и отражает только особенности начертания слова в арабской графике). Все три формы, обозначающие профессию пекаря (булочника, лепешечника и т. п.), зафиксированы в средневековых письменных памятниках, из которых территориально и хронологически ближе всего к нашему кайраку лексика среднеазиатского тафсира XII—XIII вв.²³ и, возможно, тюркская версия «Хусрау и Ширин» Кутба (XIV в.)²⁴; в этих и некоторых других источниках данный термин представлен корнем *âtmaḳ/etmaḳ* и его производными. У Махмуда Кашгарского (XI в.) он приводится в форме *епмек*, отмеченной им в

²¹ Настич В. Н. Погребальная эпиграфика арабского письма как источник по средневековой истории Киргизии и Южного Казахстана // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. — М., 1984. С. 165; он же. К истории календаря в средневековом Семиречье // Информационный бюллетень: Спец. выпуск / Междунар. ассоциация по изучению культур Центр. Азии [ЮНЕСКО]. — М.: Наука, 1987. С. 116—117.

²² Приношу искреннюю благодарность ленинградскому тюркологу Т. И. Султанову за консультацию по переводу этой эпитафии.

²³ Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тафсира XII—XIII вв. — М., 1963. С. 86.

²⁴ Наджип Э. Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. — М., 1979. Кн. I. С. 395.

языке ягма, тухси, огузов и кыпчаков²⁵. Отдать предпочтение одному из этих вариантов невозможно, поскольку отсутствие диакритики при второй букве по существу превращает это слово в омографический инвариант. Здесь оно, кстати, может служить и лакабом — почетным прозвищем отца покойного и в таком качестве входить в состав его полного имени.

б) Год 603 по лунной хиджре соответствует августу 1206—июлю 1207 г. Ближайший к этой дате год обезьяны по традиционному счету 12-летнего животного цикла приходится на 1212 — начало 1213 г.; другими словами, налицо максимально возможное несовпадение²⁶. Подробно этот факт будет рассмотрен ниже.

К а й р а к 10. Вытянутой яйцеобразной формы с углублением внизу справа, треснут посередине. Надпись из 9 строк (последняя неполная), без обрамления. Почерк—переходный от позднего деградировавшего куфи к простому насху без диакритики; буквы *каф*, *та* и *'айн* сохраняют строго куфические формы. Знаки нечеткие, выбиты грубо и неглубоко. Без даты, по палеографическим данным относится к периоду не позднее XII в. Выявлен Л. М. Ведутовой в 1984 г. во время раскопки поля в северо-восточной части городища за пределами центральных развалин.

- (1) اعوذ بالله (!) من
- (2) الشيطان الرجيم
- (3) بسم الله الرحمن الرحيم
- (4) شهد الله انه لا اله الا هو
- (5) والملائكة واولو (!) العلم قاتنا
- (6) بالقسط (!) لا اله الا هو العزيز
- (7) الحكيم ان الدين عند
- (8) الله الاسلام بعد . . . (?)
- (9) الله

²⁵ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). — М., 1974. С. 254—255. Впрочем, язык кыпчаков, насколько известно, уже в то время отличался «джеканием» (см.: Курышжанов А. К. Махмуд Кашгари о кыпчакском языке // Сов. тюркология. 1972. № 1. С. 55), тогда как орфография надписи (в частности, слова *йүз* 'сто' и *йылы* 'год') явно свидетельствует в пользу наречия группы «йюкающих», т. е., скорее всего, карлукского круга.

²⁶ Такое же значительное несоответствие хиджры животному циклу отмечено в строительной надписи из г. Хами, датируемой «годом дракона» и 1118/1706—07 г.: Темишев Э. Уйгурская эпиграфика Синьцзяна // Исследования по тюркологии. — Алма-Ата, 1969. С. 87—88. Автор публикации обоснованно предполагает здесь ошибку мастера, делавшего надпись. Расхождение до 5 лет в изданном Ч. Джумагуловым (Эпиграфика Киргизии. С. 44) несторианском кайраке 1289 г. (?), где селевкидский 1600 г. должен соответствовать «году коровы», а не «году лошади», может быть вызвано пропуском в надписи указания единиц года, для которого, судя по снимку на табл. XX, 2 (к сожалению, нечеткому), оставлено место в начале левой вертикальной строки.

- 1) Прибегаю к Аллаху^а от
- 2) сатаны, побиваемого камнями^б!
- 3) Во имя Аллаха милостивого, милосердного.
- 4) *Свидетельствует Аллах, что нет божества, кроме Него,
- 5) и ангелы, обладающие^в знанием, которые стойки
- 6) в справедливости^г: нет божества, кроме Него, великого,
- 7) мудрого! Поистине, религия пред
- 8) Аллахом — ислам^д. ...^е
- 9) Аллах.

а) Ср. Коран, II: 63(67). В слове *би-ллах* лишний *алиф* после предлога.

б) Или 'проклятого'; ср. Коран, III:31(35) и XVI:100(98).

в) В слове *ва-улу* пропущен последний *алиф*.

г) В слове *би-л-кист* лишний *алиф* после предлога.

д) Коран, III: 16—17(18—19). Перевод И. Ю. Крачковского.

е) Одно слово, на снимке уходящее на край камня, не разобрано.

Текст эпитафии, воспроизведенный в «Та'рих-и Рашиди» мирзы Мухаммада Хайдара дуглата (по изданию В. В. Вельяминова-Зернова)²⁷. В персидской версии сочинения почерк надписи назван *насхом*, в тюркском («кашгарском») переводе — *шекасте*²⁸.

هذا قبر الامام الاجل وشيخ المحقق الاكمل حاوى المعقول والمنقول رئيس
الفروع والاصول امام محمد فقيه بلاسقونى لازالت دوحه الوصل بمكانه ناضرة وعيون
الاکارم اليه ناظرة توفى فى سنة احدى عشر وسبعمائيه كنبه عمر خواجه حداد

Это могила имама славнейшего и шейха^а мухаккика^б совершеннейшего, сочетавшего [в себе знание] логическое и дидактическое^в, возглавлявшего ответвления и основы [богословских наук]^г, имама Мухаммада факиха^д Баласакуни^е, да будет вечно цветущим древо соединения [с богом] на месте его [упокоения] и [да будут вечно] обращены к нему^ж взоры достойнейших! Скончался в семьсот одиннадцатом году^з. Написал это кузнец 'Умар-хваджа.

а) Без артикля *ал*-, необходимого по конструкции.

б) Букв. 'устанавливающего / утверждающего истину', 'искателя истины'. Термином *мухаккик* в ортодоксальном исламе обозначались приверженцы безусловной веры, в отличие от *мутакаллимов*, пытавшихся рационально обосновать религиозные концепции²⁹.

²⁷ Исследование о Касимовских царях... С. 162 (персидский текст) и 163 (кашгарский перевод); в последнем опущены благопожелания и слово *хаддад* 'кузнец' при упоминании писца 'Умар-ходжи, дата переведена на тюркский язык.

²⁸ Скорописный «канцелярский» почерк *шекасте* (перс., букв. 'изломанный, разбитый'), отличавшийся лигатурным начертанием не соединяемых в обычном письме букв и отсутствием диакритики, был изобретен не ранее XV в. на основе *наста'лика*, в свою очередь, известного с конца XIV в. (см.: Moritz B. Arabic writing // EI. 1913. Vol. 1. P. 391). Первоначально же этим словом в Иране и Средней Азии, очевидно, обозначались любые стили письма, отличные от кувфического.

²⁹ Бартольд В. В. Ученые мусульманского «ренессанса» // Соч. — М., 1966, Т. 6 С. 622—623.

в) Эту пару терминов В. В. Вельяминов-Зернов и вслед за ним В. В. Бартольд переводили как 'созерцательные и опытные науки'. А. А. Семенов (по другому поводу) предлагал для них значение 'умопостигаемое и повествуемое'³⁰. Последняя версия безупречна, лишь второй термин требует небольшого пояснения: в отличие от *ма'кул* (то, к чему приходят на основе субъективного размышления, «своим умом»), *манкул* — это знание, передаваемое через обучение, независимо от способа передачи воспринимаемое извне в виде определенной информации³¹.

г) Букв. 'ветви и корни'. *Усул* (ед. ч. *асл*) — традиционные основы мусульманского вероучения и правоведения: Коран, *хадисы* — подлинные или мнимые высказывания пророка Мухаммада, *кийас* — система юридических решений по аналогии и *иджма'* — решения, основанные на согласованном мнении авторитетов. *Фуру'* (ед. ч. *фар'*) — конкретные частные вопросы, решаемые на основе «корней»³². В данном случае допущена перестановка этих слов местами для сохранения *садж'а* (рифмы) с предыдущей синтагмой³³.

д) Т. е. законоведа, знатока мусульманского права. Заключенный между именем собственным и нисбой, этот титул воспринимается как лакаб, входящий в полное имя покойного шейха.

е) Нисба передана с *каф* вместо обычного *гайн*, но фонетически обе формы равноценны; во многих языках, в том числе в персидском и некоторых тюркских, глухой заднебный [к] в интервокальной позиции часто озвончается и произносится как шелевой [г]³⁴.

ж) Т. е. 'к месту [упокоения]', 'к могиле (мазару)' — пожелание погребенному сохранения памяти о нем среди потомков.

з) 711 г. х. соответствует 20 мая 1311 — 8 мая 1312 г.

Публикуемые эпитафии содержат ценный материал по этнической и социальной истории средневекового Семиречья. Если все четыре буранинских надгробия, изданные ранее, посвящены лицам духовного звания³⁵, то среди описанных выше семи памятников таковыми можно определенно считать лишь два — № 7 и эпитафию из «Та'рих-и Рашиди»; в какой-то мере отражает религиозную деятельность покойной и

³⁰ Семенов А. А. К вопросу, кто был автором Тарих-и Сейид Раким // 'Икд ал-джуман. В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. — Ташкент, 1927. С. 50.

³¹ Ср. равнозначную пару *ал-ма'кул ва-л-ма'лум* 'умопостигаемое и воспринятое' (букв. 'узнанное, [ставшее] известным') в «Мулхакат ас-Сурах» (Рук. ИВ АН СССР. В 514. Л. 52а; Рук. С 286. Л. 62а). В приведенной здесь титулатуре шейха Ашраф [ад-дина] ал-Касани содержатся и другие эпитеты, аналогичные указанным в эпитафии: *ал-мухаккик* 'утверждающий истину' и *хави джавами* 'ал-улум' 'закрывающий [в себе] совокупность наук'.

³² Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках. (Курс лекций). — Л., 1966. С. 132—135, 143.

³³ В таком же порядке и тоже в рифмованном сочетании с двумя рассмотренными выше терминами эти слова приведены в надписях на двух надгробниках из кишлака Холжаке (ныне поселок в Ташкентской обл. УзССР): *Малликий Н. Ходжаке* — надгробные надписи XIV столетия // ТКЛА за второй год его деятельности (11 декабря 1896 г. — 11 декабря 1897 г.). — Ташкент, 1897. С. 13, 15. Термины *ал-ма'кул ва-л-манкул* Н. Г. Малликий переводил как «знания рассудочные и религиозные» (надпись 5 с датой 754/1353—54 г.) или «полноту мудрости и знания религии» (надпись 7. сафар 787/апрель 1385 г.; то же в надписи 4 на с. 12, датированной 742/1341—42 г.), а *ал-фуру' ва-л-усул* — как «последствия и первопричины».

³⁴ Ср.: Бабур-наме. Записки Бабур-и Пер. М. Салье. — Ташкент, 1958. С. 117; *Blanc H.* Les deux prononciations du qaf d'après Avicenne // *Arabica. Revue d'études arabes*. Т. 13, fasc. 2. — Leiden, 1966. P. 136.

³⁵ *Настич В. Н.* Арабские и персидские надписи... С. 230.

кайрак 5. Остальные, хотя и мусульманские по принадлежности (может быть, кроме № 8), но светские по содержанию или, по крайней мере, нейтральные в отношении духовных устремлений их адресатов.

Под камнем № 5, как видно из надписи, была погребена женщина из знатной семьи, благочестивая и грамотная мусульманка (возможно, суфийского круга), совершавшая, вероятно, паломничество к святым местам³⁶, тюрчанка по происхождению, о чем свидетельствует лакаб ее отца Бутак-Аба (или ее собственный — Так-Аба). В эпитафии упоминаются имена ее родственников: отца — Мухаммад, мужа — 'Имад [ад-дин] и сына — Нур (или Фахр?) ад-дин, который является и автором эпитафии. Таким образом, надпись сообщает нам о целой семье тюрков-мусульман, жившей в домонгольском Баласагуне.

В надписи 6 содержится родословная покойного Му'алла и указание на происхождение его предков из Бадахшана, а также имя изготовителя эпитафии. Очевидное сходство почерка этого и предыдущего памятников побуждает к предположению об их едином авторстве³⁷, однако без перекрестного сличения оригиналов утверждать это с уверенностью не берусь. Но то, что оба они изготовлены примерно в одно время, представляется бесспорным.

О кайраке 7 трудно говорить что-либо определенно из-за плохого качества надписи. Судя по разобранной части текста, эпитафия посвящена служителю культа, ревностному ортодоксу, чтецу Корана по имени Умар, который, вероятно, в свое время в чем-то согрешил и потом активно искупал свою вину.

Любопытна короткая надпись на кайраке 8. Нарушения арабской орфографии, очевидное отсутствие навыка в арабском письме у исполнителей эпитафии, а также имена, хотя и семитские, но нетипичные для мусульманской ономастики, приводят к мысли о том, что покойная Махира, возможно, не была мусульманкой, либо относилась к новообращенным в ислам из другой веры (может быть, из христиан несторианского толка). Датировка памятника по почерку затруднительна; мне представляется вероятным изготовление его в XII в.

³⁶ См. прим. «д» к кайраку 5. Совсем необязательно, кстати, чтобы это было паломничество в Мекку и Медину: еще совсем недавно, например, у мусульман Казахстана к «большому» хаджу приравнивались три поездки в г. Туркестан, к мавзолею Ахмада Ясави. Надо полагать, подобные отступления от предписаний шари'ата (по крайней мере в отношении женщин, для которых хадж вообще необязателен) допускались еще в средневековье, а объектами «малого» хаджа могли служить святыни местного значения — например, некоторые из ферганских мазаров (в частности, в г. Оше), обилие которых здесь особо отмечал Джамал ал-Карши (рук. ИВ АН СССР. В 514. Л. 586).

³⁷ В какой-то мере это предположение подкрепляется искаженной графикой строки 8 в первой из публикуемых надписей (см. прим. «к» к кайраку 5): похоже, что писец сначала высек слова *Бурхан ад-дин*, но потом переделал их на 'сын ее Фахр(?) ад-дин' (ср. последнюю строку кайрака 6), добавив лишь *алиф* в начале первого слова и неудачно перебив последнюю букву, отчего слова 'сын ее' оказались в отдельном начертании, а следующее за ними имя вышло испорченным.

Наиболее интересным в представленном комплексе является кайрак 9. Прежде всего уникален сам факт открытия средневековой эпитафии, составленной целиком на тюркском языке в арабской графике: уже поэтому она должна привлечь внимание тюркологов-языковедов. Вторая особенность, отличающая ее от большинства других, — подчеркнуто светский характер надписи, в которой лишь имена покойного 'Умара и его отца 'Али, дата по хиджре и весьма индифферентное пожелание поминовения в молитве говорят о его принадлежности к мусульманской общине Баласагуна первой четверти XIII в. Язык эпитафии прямо указывает и на этническое происхождение адресата. А прозвище его отца (может быть, даже семейное) — *ātmaŋči* или *epeŋči* 'хлебопек' — свидетельствует о бытовании этой древней благородной профессии среди тюркского населения городов Семиречья.

В двойной дате памятника, как уже упоминалось, обнаруживается несогласованность между годом хиджры 603/1206—07 и годом обезьяны, который по традиционному восточноазиатскому счету приходился на годы 1200, 1212, 1224 и т. д. В подобных случаях исследователи обычно предлагают видеть либо ошибку авторов текста источника, либо отсутствие единства в календарных системах разных областей тюркского ареала Центральной Азии. Действительно, есть памятники, которые при пересчете различных эр (селевкидской, хиджры, Йезидгерда и др.) на юлианское счисление и сопоставлении дат с их циклическим обозначением дают расхождение в один, реже — в два и более года. По сообщению Т. И. Султанова³⁸, «в отдельные периоды в Восточном Туркестане 12-летний животный календарь опережал среднеазиатский на целых четыре года, среднеазиатский, в свою очередь, отличался от календаря Хорасана и т. д.» Но, во-первых, в семиреченских памятниках XI—XIV вв., как правило, таких расхождений нет³⁹; во-вторых, в этнически устойчивом субрегионе, каким являлась Чуйская долина, где этнокультурные традиции, судя по известным данным, не пре-

³⁸ Письмо Т. И. Султанова автору (январь 1984 г.).

³⁹ См., напр., даты более 160 сирийских и сиро-тюркских надгробий 1255—1373 гг. (Слуцкий С. С. Семиреченские несторианские надписи // Древности Восточные. 1889. Т. I. Вып. I. С. 28—38 и 61—62). Но и в разнице в один год при таких пересчетах (там же. С. 63—9 надписей; Лившиц В. А. Согдийцы в Семиречье: лингвистические и эпиграфические свидетельства // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения), декабрь, 1979 г. Ч. I (2). — М., 1981. С. 82; Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. С. 42; и др.) не следует всегда видеть отступление от традиционного цикла: чаще всего эта разница объясняется наличием нескольких систем отсчета начала года (от сентября до апреля) в солнечных и лунно-солнечных календарях Азии. См.: Писарчик А. К. Таблицы годов двенадцатилетнего животного цикла с приведением соответствующих годов современного летоисчисления // Материалы ЮТАКЭ. — Ашхабад, 1949. Вып. I. С. 174; Захарова И. В. Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии. Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. — Алма-Ата, 1960. Т. 8. С. 34; Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. — М., 1975. С. 21—22 и 66—67.

рывались в течение нескольких веков перед монгольским завоеванием, циклический сдвиг на целых шесть лет едва ли можно объяснить одновременным наличием не совпадающих между собой животных циклов, а тем более авторской ошибкой в надписи, которая, как и подавляющее большинство других надмогильных памятников, скорее всего, была изготовлена не позднее одного — максимум двух лет после смерти упомянутого в ней лица, — времени, за которое циклический знак года никак не мог быть забыт или перепутан с другим.

Мне представляется более вероятным иное объяснение календарного несоответствия в надписи кайрака 9. Годы животного цикла были не лунными, как в традиционном мусульманском календаре, а лунно-солнечными и начинались примерно в одно и то же время — в день новолуния, предшествующего вступлению Солнца в созвездие Водолея, т. е. в январе или феврале⁴⁰. К потребностям сезонного кочевого хозяйства и в определенной мере зависевшей от него городской экономики солнечный цикл был приспособлен гораздо лучше, чем «укороченный» год лунной хиджры, состоявший из 354—355 суток, начинавшийся каждый раз на 10—12 дней раньше предыдущего и в течение 32 солнечных лет успевавший пройти 33 раза. Поэтому в разное время на мусульманском Востоке предпринимались попытки соединить «эру пророка» с солнечным календарем. Одной из таких успешных попыток, осуществленной «высочайшим повелением», было введение в 1079 г. сельджукским султаном Джалал ад-дином Маликшахом так называемой эры Джалали, более известной как календарь Омара Хайяма⁴¹, счет по которой велся, как и в традиционном календаре, от 622 г. н. э., но полными солнечными годами, начинавшимися в момент весеннего равноденствия. Таким образом, год 603 по солнечной хиджре соответствовал бы 621—22 г. л. х. и приходился на март 1224 — март 1225 г. А это как нельзя лучше совпадает с одним из «тюркских» годов обезьяны.

Отсюда следует, что в первой четверти XIII в. в городах Семиречья наряду с лунной хиджрой (у мусульман-суннитов), тюркским животным циклом, зафиксированным в Средней Азии еще в VII—VIII вв., и селевкидской эрой (у христиан-несториан) употреблялся и «мусульманский солнечный» календарь. Им могли пользоваться в быту и хозяйственной деятельности, тогда как для официальных датировок и отправления исламской обрядности продолжала применяться лунная хиджра.

Почему же в таком случае «солнечный» год 603/1224—25 все-таки оказался в тексте эпитафии над могилой тюрка-мусульманина?

Мне уже приходилось говорить о том, что первые годы монголь-

⁴⁰ Селезников С. И. История календаря и хронология, 2-е изд. — М., 1972. С. 120—121.

⁴¹ Розенфельд Б. А., Юшкевич А. П. Жизнь и творчество 'Омара Хайяма/'Омар Хайям. Трактаты / Пер. Б. А. Розенфельда (ПЛНВ. Тексты. Малая серия. II). — М., 1961. С. 54—59; Цибульский В. В. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока. Синхронистические таблицы и пояснения. — М., 1964. С. 147—148.

ского нашествия и отраженная в некоторых источниках антиисламская политика Чагатая, если судить по немногим сохранившимся от того времени памятникам эпиграфики, очевидно, привели к определенным изменениям в погребальных обычаях населения среднеазиатских городов, в частности в оформлении и содержании надмогильных надписей. Особенности текста, отмеченные в эпитафиях 9 и 22 из Узгена⁴², — отсутствие в них выраженных мусульманских атрибутов и замена арабского языка, непосредственно связанного с «истинной верой», идеологически нейтральным местным наречием характерны и для рассматриваемого памятника, который, кстати, и по построению текста заметно ближе к сиро-тюркским надмогильникам, чем к основной массе среднеазиатских кайраков с арабскими и персидскими надписями⁴³. В свою очередь, эти особенности могут служить еще одним, хотя и косвенным, подтверждением версии о его изготовлении именно в раннемонгольское время, а тем самым — еще одним аргументом в пользу отнесения даты 603 к эре Джалали. Думается, что и сам факт указания в надписи года по «неофициальной» солнечной хиджре тоже каким-то образом связан с отмеченными явлениями, сущность и масштабы которых пока остаются неясными из-за недостатка информации.

Надпись кайрака 10, целиком кораническая (может быть, кроме двух слов в конце, первое из которых неясно, хотя и на имя усопшего не похоже), никаких исторических данных нам не сообщает. Но и она представляет определенный интерес своей необычностью для данного места находки. Судя по имеющимся фактическим данным и доступной литературе, эпиграфические памятники с текстом аятов 16—17 суры 3 «Семейство 'Имрана» вообще нетипичны для восточных областей «мира ислама»: насколько мне известно, «нормальным» ареалом распространения подобных надписей с указанными кораническими стихами, относящихся преимущественно к IX—XI вв., являются страны Северной и Северо-Восточной Африки — Египет⁴⁴, Эритрея⁴⁵, Тунис⁴⁶. Из аналогичных памятников на азиатской территории, наиболее близких к гра-

⁴² Горячева В. Д., Настич В. Н. Эпиграфические памятники Узгена... С. 189 и 191.

⁴³ Ср.: Слуцкий С. С. Семиреченские несторианские памятники. С. 59—61.

⁴⁴ Крачковская В. А. Арабские надгробия Музея палеографии Академии наук СССР. — Л., 1929 // Труды Музея палеографии. С. 11, 19, 49, 56, № 1, 2, 7 и 8 (приобретены Н. П. Лихачевым в 1908 г. в Каире, все датируются IX в.).

⁴⁵ Oman G. La necropoli islamica di Dahlak Kebir (Mar Rosso). — Napoli, 1976. P. 21—66, pp. 18, 29, 34, 35, 44, 58 e 60 (из музея Ф. Мартини в Асмаре, датируются X—XI вв.).

⁴⁶ Marcais G. Coupole et plafonds de la Grande Mosquée de Kairouan. — Tunis — Paris, 1925 (Notes et documents publiés par la Direction des antiquités et arts, 8). P. 36—39. Pl. IX (здание относится к IX в., надпись датируется по палеографии XI в.; между прочим, архитектура мечети и декор в ее интерьере, включая эпиграфический фриз под trompe-l'œil, очень напоминает мавзолей Шах-Фазил); Zbiss S. — M. Corpus des inscriptions arabes de Tunisie. P. 2. Inscriptions de Monastir. — Tunis, 1960, P. 91. No. 120 (эпитафия с датой 579/1183 г.).

ницам Киргизии, можно указать «саркофаг» из Азербайджана⁴⁷ и два надмогильника из средневековой Газны (Афганистан), один из которых анонимный, с датой 575/1179—80 гг., второй — с именем покойного, но не датирован⁴⁸.

В этой связи весьма примечательным представляется наличие около 20 камней с рассмотренным текстом на кладбищах северного берега Иссык-Куля (все недатированные)⁴⁹. На фоне относительной редкости памятников с указанными стихами Корана в других областях Азии создается впечатление, что какое-то время употребление их здесь было своеобразным «местным» канонем. Учитывая же близость Буранинского городища к этим местам, можно предположить, что происхождение кайрака 10 (а также, возможно, еще одного обломка с фрагментом подобной надписи из Таласской долины⁵⁰) тоже каким-то образом связано с этой компактной и абсолютно изолированной территориально группой эпитафий. Во многих из них имена покойных указаны, но есть и анонимные (4 камня с кладбища на р. Кунгей-Аксу). Судя по опубликованным снимкам, надписи на них выполнены куфическими почерками архаичного стиля, многие элементы которых (медальный *джим*/ *ха* в виде косой черточки, *дал/зал* в форме $\angle$, иногда начальный *алиф* с изгибом или изломом снизу вправо и ряд других знаков) восходят к палеографии IX—XI вв. Реминисценции раннего куфи прослеживаются и в надписи с Бураны.

С учетом этих особенностей, вкупе с отсутствием дат, можно было бы отнести все отмеченные памятники к самым ранним мусульманским надмогильникам не только в Семиречье, но и вообще в Средней Азии⁵¹. Но отдаленность этого района от крупных культурных центров Мавераннахра, его периферийный характер, заставляяют сделать определенную поправку на темпы распространения и укоренения здесь арабско-письменной традиции, а также на ее известный консерватизм в отношении лапидарной эпиграфики. Отсюда, принимая во внимание и хронологию древнейших датированных эпитафий арабского письма с тер-

⁴⁷ Нейматова М. С. Мемориальные памятники Азербайджана (XII—XIX века). — Баку, 1981. С. 14, илл. 5, № 6. Автор публикации считает возможным этот «саркофаг» с надписью цветущим куфи датировать XI в.

⁴⁸ Мухаммад Риза. Рийаз ал-алвах. Муштамил бар катибаха-и кубур ва абнийи-и Газна. — Кабул, 1346 [1967]. С. 183, 192; снимков или прорисовок надписей в издании нет. Еще несколько эпитафий с текстом Коран, III:16—17 известны в Сирии, на юге Аравии и в иранском городе Пезде: см. Répertoire chronologique d'épigraphie arabe. — Le Caire, 1932—1939, № 543, 545, 1279, 2919, 3150; датируются IX—XII вв.

⁴⁹ Иванов Д. Л. По поводу некоторых туркестанских древностей // Изв. РГО. 1885. Т. 21. Вып. 3. С. 171. Табл. 2. Фиг. 8. Рис. 3; Бартольд В. В. Надпись с кладбища у озера Иссык-Куль // Соч. Т. 4. С. 339—340; Пантусов Н. Кладбище на р. Кунгей-Аксу... С. 8—13, 15—16, 18—19, 23, 25; Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. С. 153 и 283; Табл. CVI/1.

⁵⁰ Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. С. 151 и 280—281. Табл. СIII (содержание текста определено не полностью).

⁵¹ См.: Массон М. Е. Среднеазиатские надмогильные кайраки // ЭВ. 1956. Вып. 11. С. 10.

ритории Восточно-караханидского каганата⁵², наиболее приемлемой датировкой как бураинского кайрака 10, так и его таласского и прииссыккульских собратьев представляется вторая половина XI — начало XII в.

Наконец, вновь публикуемая эпитафия из «Та'рих-и Рашиди» свидетельствует о том, что город Баласагун еще существовал в первой четверти XIV в. и в нем процветали традиционная мусульманская грамотность, служение богословским наукам, ремесла (в частности, кузнечное и камнерезное) и, очевидно, суфизм. Стандартные для того времени лексические и стилистические особенности, рассмотренные выше в сравнении с другими нарративными и эпиграфическими данными, могут свидетельствовать в пользу аутентичности текста, записанного Мухаммадом Хайдаром: вполне вероятно, что он действительно читал его в оригинале и воспроизвел с высокой точностью⁵³ (может быть, кроме слова *шейх* с пропущенным артиклем, хотя так могло быть и в самой надписи. Примеров подобных погрешностей в среднеазиатской эпиграфике можно привести множество).

Определенный интерес вызывает факт упоминания при имени писца титула *хваджа* (ходжа), букв. 'хозяин, господин; знатный/уважаемый человек; учитель' и т. п. Этот термин, неясного происхождения (этимология его окончательно не выяснена⁵⁴, а семантика и сфера применения с течением веков претерпели значительные изменения)⁵⁵, в

⁵² Самые ранние известные кайраки с указанием дат в Фергане относятся к 542/1148 г. (Горячева В. Д., Настич В. Н. Эпиграфические памятники Узгена... С. 169, кайрак 12. Однако есть сомнения относительно фактического времени появления этого намогильника, см.: там же. С. 173), в Семиречье (Бурана) — к 557/1161—62 г. (Настич В. Н. Арабские и персидские надписи... С. 224, кайрак 1). В более западных районах Средней Азии встречаются памятники, датированные годами XI — первой четверти XII в.

⁵³ Уверенность в точности передачи сведений об этой эпитафии в рукописях «Та'рих-и Рашиди» выражал еще Н. Ф. Петровский в 1894 г. См.: Крачковская В. А. Эпиграфика Средней Азии. (Пионеры эпиграфики. Туркестанский кружок любителей археологии.) // ЭВ. 1953. Вып. 7. С. 61.

⁵⁴ В. А. Лившиц указал мне, что слово *хваджа*, появляющееся в персидско-таджикской литературе очень рано (уже у Рудаки, единичные случаи употребления в «Шахнаме» Фирдоуси), не имеет достоверных прототипов ни в одном из известных до сих пор среднеиранских языков (в том числе в среднеперсидском и согдийском). В. А. Лившиц полагает, что это слово проникло из Индии, оно восходит к санскритскому *upādhyāya*, откуда пракритское *upajjhaa* «господин, хозяин, наставник». Практическая форма проникла в китайский (*хошан*, древнекитайское * *ɣiä—ziang*), где стало распространенным почтительным обозначением буддийского монаха. В Среднюю Азию это слово попало (скорее всего, через Кашгар) в форме, очень близкой к пракритской — *хваја*, с небольшими изменениями в вокализме и с наращением начального *х-*, как это часто отмечается в персидско-таджикском. Первоначально (в VII—VIII вв.) и в Средней Азии это слово обозначало, по-видимому, буддийского монаха (наряду с санскритскими *bhikṣu* и *gṛamaṇa*, согдийское *saṃan*), а затем было адаптировано персидским и тюркским исламом.

⁵⁵ Из последних по времени издания сводок данных об этом сословно-этническом термине см.: Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. — М., 1976. С. 148—153; Рассудова Р. Я. Термин *ходжа* в топонимии Средней Азии // Ономастика Средней Азии. — М., 1978. С. 115—128.

среднеазиатских надписях XII—XIV вв. встречается сравнительно редко и относится к лицам различного социального положения и рода занятий — представителям власти⁵⁶, торговцам⁵⁷, ремесленникам ('кузнец 'Умар-ходжа' в рассматриваемой эпитафии, эпиграфический характер которой, впрочем, в значительной мере условен ввиду отсутствия ее оригинала). Не вдаваясь в подробный анализ значений и сфер применения термина в среднеазиатской антропонимии, что заслуживает специального исследования, отмечу лишь, что во всех случаях, включая и упоминания в нарративных источниках и актовых документах, этот термин прилагался исключительно к людям грамотным, образованным, независимо от их общественного ранга (впрочем, всегда довольно высокого)⁵⁸. А так как грамотность здесь в первые века ислама, естественно, ассоциировалась прежде всего с арабским языком и умением читать Коран, то со временем слово *ходжа* стало осмысляться и как 'потомок арабов'⁵⁹.

В заключение считаю нелишним отметить одну весьма любопытную параллель (хотя и не связанную прямо с эпиграфикой), которая, на мой взгляд, могла бы поставить последнюю точку в вопросе о соответствии Буранинского городища средневековому Баласагуну. Неоднократно цитировавшееся во многих работах современных исследователей свидетельство Мухаммада Хайдара о местности *Джу* (долина р. Чу), в которой сохранились развалины большого города, называемые моголами *Манара* (=совр. Бурана)⁶⁰, обязано своим появлением походам кашгарских войск в Могулистан против калмыков, киргизов и казахов⁶¹. Автор «Та'рих-и Рашиди», занимавший высокий военный пост при Са'ид-хане кашгарском (1514—1533)⁶², мог быть участником и даже руководителем некоторых из этих походов. Так или иначе, информация о развалинах города, «названия которого никто не знает», и о плите с надписью, описанной им так подробно, была получена им если не лично как очевидцем, то по крайней мере «из первых рук».

Столетием позже балхский историк Махмуд ибн Вали в своем труде «Бахр ал-асрар» писал о том, что «некий путешественник, кашгарец, во время составления сей книги в Балхе, рассказывал: однажды пра-

⁵⁶ [Бряннов А.] Надгробная надпись над прахом Алауддина-ходжи Касанского, умершего в 667 г. хиджры (1269 г.) // Протоколы ТКЛА, год 4. — Ташкент, 1899. С. 153.

⁵⁷ Дьяконов М. М. Несколько надписей на кайраках из Киргизии // ЭВ. 1948. Вып. 2. С. 10 и 13.

⁵⁸ Поэтому в контексте рассмотренной выше эпитафии в термине *хаддад* 'кузнец' логичнее видеть не столько конкретное занятие, сколько принадлежность к ремесленному цеху, глава которого (мастер, владелец инструментария, организатор производства и т. п.) считался, так сказать, «более» кузнецом, чем его подчиненные, непосредственные изготовители продукции, и в глазах сограждан был первым и главным представителем этой профессии. Ср.: Мухтаров А. М. Эпиграфические памятники Кухистана... Кн. I. С. 31.

⁵⁹ Рассудова Р. Я. Термин *ходжа* в топонимике Средней Азии. С. 116, 120—121.

⁶⁰ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях... Т. 2. С. 161—162.

⁶¹ Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк // Соч. Т. 2. Ч. I. — М., 1963. С. 514—515.

⁶² Он же, Хайдер-мирза // Соч. Т. 8. — М., 1973. С. 598.

витель Кашгара вторгся в Моголистан, чтобы осудить и наказать калмыков... дошли до какой-то местности, где из-под песка... выступали крыши высоких зданий: минаретов (подчеркнуто мною. — В. Н.), дворцов, арок медресе... у пленников спросили название этой местности. Они сказали: нам известно [лишь] то, что здесь [в прошлом] был город под названием Баласагун»⁶³.

Совпадение данных «Та'рих-и Рашиди» и «Бахр ал-асрар» по основным пунктам, касающимся описания остатков заброшенного города в связи с военным походом (возможно, одним и тем же), достаточно очевидно, чтобы не быть случайным. С другой стороны, именно расхождения в конкретных деталях свидетельствуют о том, что прямой взаимосвязи между этими двумя сообщениями нет, они восходят к разным первоисточникам и получены, так сказать, на разных информационных уровнях. К тому же на всей территории Северной Киргизии нет ни одного места, более соответствующего описаниям Мухаммада Хайдара и Махмуда ибн Вали, чем остатки Буранинского городища. Отсюда следует единственный вывод: учитывая оригинальность и относительную независимость данных обоих авторов, а главное — достаточную их надежность, сомневаться в которой нет оснований, можно считать эти данные одним из важнейших нарративных свидетельств в пользу однозначного и неоспоримого тождества **Бурана = Баласагун**.

*

*

*

Сборник уже находился в редакции, когда мне передали для обработки очередную эпиграфическую находку с Бураны. Не имея возможности включить описание кайрака, перевод и анализ текста эпитафии в основной текст статьи, привожу их здесь в виде дополнения к публикации.

К а й р а к 11. Широкий уплощенный валун продолговатых очертаний, сужающийся книзу, серого цвета, с прочными глинистыми наслоениями. Надпись расположена в верхней половине «лицевой» поверхности 4 строками без обрамления. Почерк — неразвитый угловатый наск, почти без диакритики: точки при буквах отмечены лишь в трех случаях.

⁶³ *Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных. (География) / Введ., пер., примеч., указ. Б. А. Ахмедова. — Ташкент, 1977. С. 24. В. Д. Горячева (Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан. — Фрунзе, 1983. С. 60—61) также приводит этот отрывок, но не сопоставляет его кашгарское «происхождение» с данными Мухаммада Хайдара и ролью последнего как возможного организатора описанной экспедиции, один из участников которой, очевидно, независимо от первого автора, послужил первоисточником информации для Махмуда ибн Вали.*

Обнаружен Л. М. Ведутовой в 1985 г. на территории средневекового жилого рабада, примерно в 500 м к северо-востоку от центральных развалин городища.

- (١) هذا قبر لعلجو (?)^а
(٢) زوجة خواجه امام تاج
(٣) الدين بتاريخ احدى و
(٤) تسعون (!) وخمسائة

1) Это могила *а*.у (?)^а,

2) жены^б хваджи^в имама Тадж

3—4) ад-дина. В году^г пятьсот девяносто^д первом^е.

а) Имя погребенной неразборчиво: кроме того, что на этом месте в камне выемка, похоже, что графика слова искажена еще и неудачной попыткой резчика исправить допущенную в нем ошибку, либо переделать его из другого имени (ср. ниже, прим. «б»), или же вообще «изъять» его из эпитафии (ср. прим. «д» к кайраку 5). В пользу последней версии может говорить глубокая горизонтальная черта, пробитая насквозь через все слово. Во всех случаях по форме букв не угадывается ни одно из известных имен арабо-мусульманского круга; скорее всего, оно имело местное (тюркское?) происхождение; один из возможных вариантов чтения — *Бакту* (?).

б) Слово *зауджат* 'жена' перебито из первоначально высеченного *заудж*, для чего первая буква нанесена заново и (очевидно, для большей ясности) снабжена точкой сверху; вторая (*вав*) переделана из «бывшей первой» (*зейн*) путем прибавления петлеобразной головки; следующие две буквы выбиты поверху так, что под ними отчетливо видны прежние. Характер этих переделок приводит к мысли о том, что резчик, возможно, изготавливал эпитафию «на слух», под диктовку заказчика без предварительной разметки.

в) О термине *ходжа* см. выше, с. 173—174.

г) Число года вводится не обычным для таких оборотов словом *санат*, а более общим термином *та'рих* 'дата; летосчисление'.

д) Выбито в форме прямого падежа (номинатив) вместо необходимого по синтаксису косвенного, с суффиксом *-ин*.

е) 591 год хиджры соответствует 16 декабря 1194 — 5 декабря 1195 г.

Рассмотренная надпись интересна в нескольких аспектах. Во-первых, это еще одна эпитафия для женского погребения, причем точно датированная концом XII в.⁶⁴; во-вторых, благодаря ей «расширяется» сфера употребления в эпиграфике сословного термина *ходжа*; в-третьих, грамматические погрешности текста еще раз свидетельствуют о том, что арабский язык не был привычным для основной массы городского населения домонгольского Семиречья. Но прежде всего этот новый и, теперь можно смело надеяться, не последний эпиграфический памятник из средневекового Баласагуна — ценное пополнение арсенала письменных источников по истории края.

⁶⁴ По наблюдениям М. Е. Массона, женские надгробия в Средней Азии относятся преимущественно к XIV в., более ранние исчисляются единицами. См.: Массон М. Е. Среднеазиатские надгробные кайраки // ЭВ. 1956. Вып. 11. С. 7; он же. Время и история сооружения «Гумбеза Манаса» // ЭВ. 1949. Вып. 3. С. 32.

◆
**СВЕДЕНИЯ О БАЛАСАГУНЕ
 И ДРУГИХ ГОРОДАХ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ
 В ЭПОСЕ «МАНАС»**
 ◆

Территория Чуйской долины с древних пор являлась центром оседло-земледельческой культуры Киргизии. Об этом свидетельствуют исторические источники, многочисленные археологические находки, руины городов.

Интересные сведения о некоторых из них дает фольклор. В киргизском эпосе упоминаются названия и содержатся некоторые топографические сведения о нескольких городах Кеминской и Чуйской долины. При этом топонимические названия, их значение и происхождение нередко осмысливаются в эпосе очень своеобразно.

В эпосах «Манас» и «Семетей» встречаются обозначения *Чуунунбаши* (в верховьях реки Чуу), *Чуунун бою* (на берегу реки Чуу), *Чуунун суусу* (река Чуу), а также упоминаются отдельно река и долина с названием *Чуй*¹. Оба названия *Чуу* и *Чуй* относятся к одному объекту, известному ныне как река Чу. Если название реки рассматривать этимологически связанным со словом *чуу* «шум, ссора», то можно полагать, что в нем нашла отражение беспокойная «шумная» жизнь (правда, этот этимон мог быть связан и с шумом текущей воды) населения Чуйской долины. В течение многих веков территория долины не единожды становилась ареной военных и междоусобных столкновений, несших ее жителям неисчислимые бедствия и беспокойства. Очевидно, поэтому долину стали называть в народе *Чуулуу өрөөн* (Шумной долиной) или *Талаштуу өрөөн*² (Долиной распрей и ссор).

В определении местности в эпосе отражена и многолюдность (и, видимо, смешанный этнический состав) населения долины: *Эл батпаган чуулуу сай*³ (Многолюдная шумная долина).

Эпос повествует о войнах киргизов с иноземными захватчиками в Абанской степи — *Абандын сары талаасында*⁴ (На просторах степей Абана). Слово *Абан* — неясного происхождения (заимствованное из иранских языков)⁵, *сары талаа* 'просторная, широкая, большая степь', вся фраза 'широкая обводненная степь'. При рассмотрении проблемы

¹ Эпос «Семетей» // Рукописный фонд АН КиргССР. Инв. № 5192. С. 18, 35, 40, 43 (в дальнейшем указ инв. №); эпос «Семетей». — М., 1959. С. 140, 141, 125; Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. — СПб, 1885. Ч. V. «Семетей». С. 308.

² «Кысса Семетей батыра». Инв. № 5188. С. 9, 35, 41.

³ Эпос «Манас». — Фрунзе, 1980. С. 44, 56.

⁴ «Кыссы Семетей батыра». Инв. № 5188. С. 35, 41.

⁵ Ср. персидское *аб*, таджикское *об* 'вода' с перс. *абад обод* 'охраненное, благоустроенное, процветающее', также частый топоформант, слово *абан* не может быть связано.

происхождения названия реки и долины Чу следует учитывать, что в монгольских языках *Чу*⁶ имеет значение «многоводная долина».

В эпосе упоминаются города Чуйской долины: Ордо, Буласагын, Чулу и др. Город Ордо, согласно эпосу, находится у подножья горы Кара-Тоо на равнине *Жылгындуунун талаасы*⁷. Этот город — главная ставка правителей Орго-хана и Акбешим-хана. В войнах с иноземцами он выставлял от 16 до 30 тыс. воинов⁸. Безусловно, эти цифры — легендарные, такое войско в средние века могли выставлять только очень большие города или каганат в целом. Возможно, что в эпосе преломились сведения об историческом правителе страны Аргу, о котором сообщает Махмуд Кашгарский в «Девону лугат ат-тюрк» и древнетюркские манихейские тексты. Махмуд Кашгарский страной Аргу именует обширную территорию между долинами рек Чу и Талас с главной ставкой (Ордукент или Куз Орду, т. е. Баласагун) в Чуйской долине⁹. Однако в ряде мест эпоса говорится, что главным правителем города Ордо является Акун-Бешим или Акбешим-хан¹⁰, что невозможно сопоставить с Аргу. Следует учитывать, что в тюркских языках слова *аргу*, *аргын* обозначают понятия неоднородности, итерогенности применительно к населению — этническую и лингвистическую неоднородность¹¹.

Наряду с Ордо в эпосе часто упоминается город Баласагун (в формах Буласагын и Булагасын). Согласно эпосу, он находится «на расстоянии человеческого голоса» от Ордо, у выхода из ущелья (*Бу коктунун оозунда Баласагын шаары бар*)¹². По наблюдениям исследователей, занимавшихся топографией поселений Чуйской долины, расстояние между городищем Ак-Бешим и Бураной столь невелико, что в конце XIX в. оба памятника воспринимались как развалины одного города¹³. Правоммерно предположение В. Д. Горячевой, что на протяжении значительного времени оба поселения сосуществовали, причем в отдельные периоды приходило в упадок одно и расцветало другое. Это подтверждают письменные источники X в. Так, ал-Мукаддаси упоминает Ордукент и отмечает при этом его крепостную стену, цитадель, ров, наполненный водой, а Баласагун он называет «большим и изобильным» городом. Махмуд Кашгарский, напротив, считает Баласагун «Кеми Орду» (Малой Орду), а поскольку он находился в непосредственной близости от Орду, то «Баласагун от этого также назывался Куз Орду. Орду — ставка хана»¹⁴.

Эти сведения косвенно подтверждаются эпическими материалами. В их свете возникает еще одна гипотеза о происхождении названия и

⁶ Цибиков Г. Ц. Избр. труды. — Новосибирск, 1981. Т. 1. С. 37, 48, 49, 54, 59, 191, 198, 207, 209, 130.

⁷ Эпос «Манас». — Фрунзе, 1980. Т. 2. С. 74, 76, 101, 120.

⁸ Там же. С. 76, 101.

⁹ Хасанов Х. Махмуд Кашгарский. — Ташкент, 1963. С. 48.

¹⁰ Эпос «Манас». Т. 2. С. 74, 78, 79, 94, 96.

¹¹ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. — М., 1965. С. 62.

¹² Эпос «Манас». Т. 2. С. 79, 120.

¹³ См.: Горячева В. Д. Средневековые городские центры... С. 55—56.

¹⁴ Там же. С. 58.

значении топонима Куз Ордо. Если исходить из значений тюркских основ, Куз Ордо может быть названием весенне-осенней ставки (*куз* 'осень', *ордо* 'ставка') или, согласно предположению В. Д. Горячевой, загородной (или «новой») резиденции тюркского князя Орду (Ордукента)¹⁵. В ставке хана должны были проводиться обучение войск, прежде всего ханской гвардии, конные скачки, стрельбы и пр. В связи с этим город мог быть назван Баласагуном «городом военной силы» и «городом военных отрядов» (от иранского *бал*, *бала* 'группа', 'партия', 'отряды')¹⁶. Анализируя этимологию данного термина, крупнейший советский иранист В. И. Абаев делает важный вывод о принадлежности его к числу важнейших лексем староосетинского быта и относит его к периоду военной демократии: «Так называлась дружина или партия, управляющаяся в совместное военное предприятие. Вожаком такой партии назывался *balxop*, каждый из участников — *xmbal*, а все предприятие — *balc*»¹⁷.

Эта гипотеза могла бы объяснить возникновение Баласагуна из сезонной ставки правителя, где воспитывалась и обучалась военному делу ханская дружина. Возможно, что и Буранинский минарет функционально связан с наблюдательной башней. Отсюда могли вестись наблюдения за ходом военных игр, а также за безопасностью близлежащих городов Чуйской долины. Видимо, по этой причине эпические герои стремятся в первую очередь овладеть в Чуйской долине городом Баласагуном — важным военно-стратегическим пунктом. Они сражаются с врагами как законные наследники этого города. В эпосе об этом сказано так:

«Атадан калган жер учун,
Бу турган Булагасынга,
Барбайт деген эмине»

«Как же не пойти к земле,
Дедами нам завещанной,
К такому городу, как Баласагун?»

С эпосе также сообщается, что герои, перекочевавшие из Алтая в Чуйскую долину, соединились с местными этническими группами — каракиргизами, аргынами, тыргоотами, кыпчаками¹⁹ и др. В результате образовалась сильная военная дружина.

¹⁵ Горячева В. Д. Средневековые городские центры... С. 65.

¹⁶ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. — М., Л., 1958. Т. 1. С. 232. Автор благодарит Л. М. Ведутову за указание источника.

¹⁷ Там же. (Попытка связать происхождение названия города Баласагун с осетинским *вал* не может считаться обоснованной. Осетинское *вал*, согласно В. И. Абаеву, связано, скорее всего, с древнеиранским *вацха* (от *вац* 'ездить верхом'). Переход *чу* => *л* = составляет характерную особенность осетинского (скифо-осетинского, алано-осетинского), в других иранских мутках такого развития нет. Поэтому пришлось бы допустить, что название Баласагун не просто иранское, а специально аланское (осетинское) название. Но для такого предположения нет никаких историко-культурных оснований. Достоверной тюркской этимологии Баласагун, насколько известно, не имеет. Наиболее вероятным и сейчас остается толкование этого названия как монгольского *баласагун* 'укрепление, город' — слова, рано проникшего в древнетюркские диалекты. — *Ред.*)

¹⁸ Эпос «Манас». Т. 2. С. 95.

¹⁹ Эпос «Манас». С. 71, 214; Эпос «Семетей». Инв. № 5192. С. 40; № 5188. С. 13, 24, 73, 81; Эпос «Семетей». С. 52, 75, 82, 95, 88, 92, 106.

В основе топонимических вариантов *Баласагын* и *Баласагун*²⁰ могут лежать тюркские слова *бала* 'ребенок' и *сагын* 'тоска по кому-либо, чему-либо'²¹.

Топоним *Кемин* в эпосе передан следующими вариантами: *Кемен*, *Кеймен*, *Кекмен*, а также *Эр Кеймен* и *Эр Кегмен* как личное имя. Нечей *Кемен* в эпосе выступает правителем нынешней *Кеминской долины*. Защищая свой народ, он сражается против врагов. Во время обороны своей столицы *Донго Шаар* он погиб от руки эпического богатыря *Жамгырчи*. За храбрость и воинскую доблесть народ прозвал его *Эр Кеймин* (*Эр Кегмен*)²². О местоположении *Донго Шаар* в эпосе говорится следующее:

*Ар жагы Чуунун башы бар,
Адыр, тулаң кашка суусу бар,
Дөңгө деген калаа бар,
Кемен аттуу каны бар,
Сепили бийик тамы бар,
Тегеректен калаасын —
Сексен мин үйлүү жаны бар*²³.

*На этой стороне верховий реки Чуу
Есть холмистая и богатая лугами
Кашка Суу,
Там есть город, называемый Донго,
Его правителем является хан Кемен
Там есть высокая крепость и дома,
Вокруг этого города расположившиеся,
Есть горожане числом в 80 тысяч.*

Исходя из этих текстов и учитывая наличие единственного крупного притока в верховьях Чу — р. *Кемин*, мы отождествляем ее с эпической *Кашка-Су*. Р. *Кемин* и сейчас иногда именуется *Кашка-Су*²⁴ (прозрачная вода). Следовательно, эпический город *Донго Шаар*, расположенный на холме, неподалеку от реки *Кашка-Су*²⁵, можно отнести к *Чон-Кеминской долине*.

По данным П. Н. Кожемяко, кроме *Новороссийского*, городищ с крепостными сооружениями в этой долине нет. Развалины *Новороссийского* городища расположены в глубине долины р. *Чон-Кемин*, в 1 км к западу от *Новороссийска*. Дорога к городищу идет по узкому ущелью, которое расположено на левом берегу р. *Чон-Кемин*, расширяющемуся в районе развалин до 2—4 км²⁶. Согласно эпосу, город в долине р. *Кемин* находится на адыре, вблизи протоптанной большой дороги — *кашка жол*²⁷. Эпический *Донго Шаар* с высокими оборонительными стенами может соответствовать *Новороссийскому* городищу. П. Н. Кожемяко так описал его: «Значительные по площади развалины вытянуты вдоль правой высокой надпойменной террасы *Чон-Кемина*..., вытянутой с севера на юг на 490 м и с запада на восток на 860 м. В стенах регулярно через 70—80 м повторяются холмы башен, выступающие только наружу до 8—10 м за линию стен. С внешней стороны валов очень ясно виден

²⁰ Эпос «Манас». Т. I. С. 120.

²¹ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. Т. I. С. 102. 620.

²² Есть и другие точки зрения о происхождении термина. См.: Горячова В. Д. Средневековые городские центры... С. 59.

²³ Эпос «Манас». Т. I. С. 73, 78, 88, 96.

²⁴ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. С. 363.

²⁵ Эпос «Манас». Т. I. С. 73.

²⁶ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 163.

²⁷ Эпос «Манас». Т. I. С. 73; Эпос «Семетей». Инв. № 5192. С. 149.

ров (шириной до 8 м и глубиной до 2 м). Ров, обходя выступы башен, в плане имеет вид извилистой линии»²⁸. Городище, однако, имеет бедный культурный слой с вещественным материалом, относящимся к XI—XII вв. П. Н. Кожемяко считал его «сооружением военно-оборонительного характера, в котором не было значительного количества ремесленного и оседло-земледельческого населения»²⁹.

Этот вывод находит известное подтверждение в киргизском фольклоре, где эпический герой Эр Урбу проводит лето на пастбищах Кок-Ойрок, зимует в Кемине, а хлебопашеством (весной) занимается в Чуйской долине (*«эгин Жайы Чүйдө»*)³⁰. В эпосе сообщается также, что Эр Урбу постоянно держал при себе наготове двух черных скакунов (*«эки кара ат байлаган»*). Этот эпизод можно объяснить тем, что если город носил военно-оборонительный характер или был укрепленной сезонной резиденцией одного из караханидских владетелей³¹, то для постоянной связи с главной ханской ставкой здесь могли держать оседланных скакунов. В эпосе говорится, что расстояние между Донго Шааром и Ордо — ставкой хана в Чуйской долине, равно полудневному пути (*«тушчулук жол»*)³² на коне. Расстояние между городами составляет около 90 км, всадник может его преодолеть при необходимости за 4—5 часов (с подставкой коней). Таким образом, Донго, эпический город на холме³³ в долине Чон-Кемин, может соответствовать Новороссийскому городищу. По археологическим данным, поселение перестало существовать после XII в., т. е., вероятно, в период монгольского нашествия.

События этих тяжелых лет также отражены в эпосе. Так, упомянутые в эпизодах эпоса этнические группы эштеки (исторические эстеки) и мангыты, разрушившие город Донго, могли появиться в пределах Чуйской долины, очевидно только во время монгольского завоевания. До этих событий они постоянно кочевали в Центральной Азии³⁴. Возможно, что именно в связи с этими событиями в эпосе упоминаются эштеки как разрушители города Донго. Предводитель их, Жамгырчы, одерживает победу над защитниками города, в этом бою погибает эпический герой Эр Кемин. В памяти народа он сохранился как герой, боровшийся против закабаления страны. Позднее с его именем стали связывать определенную территорию и реки, известные теперь как Чон-Кемин и Кичи-Кемин.

Так в киргизском народном эпосе легенда переплеталась с историей. Надеемся, что дальнейшие историко-топографические исследования эпической традиции помогут извлечь немало материалов, важных для археологов.

²⁸ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 164.

²⁹ Там же. С. 166.

³⁰ Эпос «Семетей». Инв. № 5192. С. 40.

³¹ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения... С. 166.

³² Эпос «Манас». Т. I. С. 79.

³³ Донго или Дондо имеет значение «на холме», «на возвышенности». См. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. С. 199.

³⁴ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. — М., 1974. С. 205, 454; Он же. К этнической истории башкир в конце I — начале II тысячелетия н. э. (опыт сравнительно-исторического анализа, шежере, исторических преданий и легенд) // Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1968. Т. 3. С. 242—245.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВА	— Вопросы антропологии
ВАН СССР	— Вестник АН СССР
ИА	— Институт археологии
ИБ	— Институт востоковедения
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛО ИВ АН	— Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
МАИКЦА	— Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИКК	— Материалы по истории киргизов и Киргизии
МИТТ	— Материалы по истории туркмен и Туркмении
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ОНУз	— Общественные науки Узбекистана
ПК	— Памятники Киргизстана
ПТКЛА	— Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии
СА	— Советская археология
САГУ	— Среднеазиатский Государственный Университет им. В. И. Ленина
СВ	— Советское востоковедение
Средазкомстарис	— Среднеазиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы
СТ	— Советская тюркология
СЭ	— Советская этнография
ТАЭ	— Таджикская археологическая экспедиция
ТВОРАО	— Труды Восточного Отделения Императорского Русского археологического общества
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа
ТОВЭ	— Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа
ТОРГО	— Туркестанское отделение Русского Географического общества
ИИАЭ	— Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
КАЭЭ	— Киргизская археолого-этнографическая экспедиция
УСА	— Успехи среднеазиатской археологии
ЭВ	— Эпиграфика Востока
ЮТАКЭ	— Южно-Туркестанская археологическая комплексная экспедиция

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
КРАСНОРЕЧЕНСКОЕ ГОРОДИЩЕ	7
<i>Кожемяко П. Н.</i> Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 г.	8
<i>Кожемяко П. Н.</i> Отчет о раскопочных работах на Краснореченском городище в 1962—1963 гг.	25
<i>Байпаков К. М., Горячева В. Д.</i> Основные итоги археолого-топографического изучения Краснореченского городища в 1978—1983 гг.	69
<i>Лившиц В. А.</i> Согдийцы в Семиречье: лингвистические и эпиграфические свидетельства	78
<i>Горячева В. Д.</i> Наусы некрополя Краснореченского городища	85
<i>Настич В. Н.</i> Монетные находки с городища Красная Речка (1978—1983 гг.)	96
<i>Тир С. С.</i> Население Краснореченского городища по данным палеоантропологии	120
<i>Ковалева Н. А.</i> Полевая консервация и реставрация некоторых находок из раскопок буддийского храма Краснореченского городища	129
<i>Аманбаева Б. Э.</i> Резной шtuk в интерьере средневековых жилищ Краснореченского городища	137
БУРАНА-БАЛАСАГУН	143
<i>Кочнев Б. Д.</i> Монетный чекан Куз Орду — Баласагуна (XI в.)	144
<i>Настич В. Н.</i> К эпиграфической истории Баласагуна (Анализ изданных надписей и новые находки)	158
<i>Айдаркулов К.</i> Сведения о Баласагуна и других городах Чуйской долины в эпосе «Манас»	178
Список сокращений	183

КРАСНАЯ РЕЧКА И БУРАНА

Редактор издательства *Т. П. Порфирьева*
 Обложка художника *В. Ф. Роека*
 Технический редактор *Р. Р. Хусаинова*

ИБ 1525

Подписано к печати 6.06.88. Д—01237. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага тип. № 2.
 Высокая печать. Литературная гарнитура. Объем 13,46 усл. п. л. + вкл.
 3,22 усл. п. л., 14,0 уч.-изд. л. + вкл. 2,9 уч.-изд. л., 16,81 усл. кр.-отт.

Тираж 1000 экз. Заказ 11. Цена 1 р. 89 к.

Издательство «Илим»,
 720071, Фрунзе, Ленинский проспект, 265 а

Типография АН КиргССР,
 720001, Фрунзе, ул. Пушкина, 144